

Лепестки под наблуканки

Annotation

Это история о Марине Королевой, которая верила только в любовь по расчету. Девушке сильной и с принципами, избалованной и пострадавшей от своей мечты. И долго не желавшей понять, что собственное счастье она растаптывает в пыль.

Шаг. Еще один. Медленно, неохотно. Описать носком туфли полукруг, закинуть ногу на бедро Лекса. Замереть. Вдохнуть. Ощутить слабый запах его парфюма, щекой — его шершавую щеку с пробивающейся щетиной. Дыхание в унисон, сердце колотится в ритм мелодии. Отстраниться, ослабеть, опускаясь на пол в шпагате, позволив партнеру удержать, поднять, крепко прижать к телу. Резкий разворот, поворот, шаг. Прогнуться. Сближение и отдаление. Снова и снова. Извечная страсть и холод.

Черт его знает, почему я так застряла на этом аргентинском танго. Студия так себе, инструктор — усталая тетка, механически выполняющая свою работу. Из хорошего — Лекс, оказавшийся отличным партнером, и сам танец, словно оживляющий и встряхивающий суть. А ее мало что могло встряхнуть, ведь я слишком практична, слишком цинична, слишком бесчувственная, рациональная.

Сколько себя помнила, всегда была такой. Даже в сопливом детстве мечтала о сугубо приземленных вещах и осознавала: чтобы добиться мечты, надо вкалывать до седьмого пота и жертвовать всем. Поэтому лучше не иметь сантиментов, чтобы жертвовать не приходилось слишком многим.

А еще этот танцкласс помогал сосредоточиться. Отточенность и бесконечная отработка движений, позиций, поддержек, когда мозг перетекает в тело, освобождаясь от лишних мыслей, — и после часа занятий ты выходишь из студии обновленным человеком с готовыми планами в голове.

Но не сегодня. Сегодня все летит в тартарары. Вместо расслабляющего напряжения, я чувствовала отчаяние, злость, вместо пустоты и контроля — тревожную наполненность.

Нет, в таком состоянии не соберусь после занятия, а наоборот, взорвусь. И это нисколько не поможет правильно выстроить встречу и разговор вечером.

— Налево. Марина, здесь поворот налево.

— Черт, — прошипела взбешенно, сдув прядь волос с лица.

— Все, вы сбились. — Тамара махнула рукой, требуя от нас остановиться. Три остальных пары отвлеклись на нас, сбились следом. — Так трудно запомнить, что ли?

— Трудно, — выплюнула я, отлепившись от Лекса. — Вы только в прошлый раз усложнили элементы, я не настолько гениальна, чтобы так быстро перестроиться.

Губы инструктора раздраженно поджались, отповедь не пришлась по вкусу. А зачем мне сдерживаться ради этой неопрятной тетки, не умеющей ни причесываться нормально, ни одеваться и абсолютно ничем не впечатляющей: ни умом, ни фигурой, ни талантом?

— Так, — Тамара отвернулась, не выдержав моего ехидного взгляда. — Начнем сначала.

Лекс обнял меня, глядя вопросительно, но я еще не перекипела. Бесило все: освещение, композиция, звучащая в сотый раз, люди вокруг, невозможность заниматься в таком неуравновешенном состоянии.

— Я все на сегодня. — Сорвалась к выходу в раздевалки, оттолкнув Лекса.

— ПМС, наверное, — тихо хохотнула малахольная рыжая девица в жутком бирюзовом топе. Никак не могла запомнить ее имя, да и ни к чему оно такой лишенной вкуса дуре.

В раздевалке, сбросив туфли, сменила легинсы на джинсы, а тунику — на футболку от Guess. Не стала тратить время на прическу, не то настроение, чтобы заниматься волосами,

так что просто стянула резинку, захлопнула дверцу шкафчика.

Я ненавидела такие дни. Когда почва уходит из-под ног, и ты балансируешь, танцуя меж языками пламени, стараясь уцелеть и понимая: это была просто иллюзия контроля, а иллюзии иметь опасно.

Лекс предсказуемо ожидал снаружи, полностью собранный, с сумкой, перекинутой через плечо.

— Что случилось? — спросил. Серые глаза с тревогой смотрели на меня. — Ты поссорилась с Максом?

Если бы... Все гораздо хуже.

— Нет. Настроение просто ни к черту. Та идиотина, должно быть, права. ПМС, — натянула на лицо улыбку, прекрасно осознавая, что она смотрится как оскал и портит мое лицо.

— Рин, не ври, — нахмурился Романов. — Хотя бы мне.

— Тогда не спрашивай ни о чем, — оборвала, проходя мимо.

Лекс поймал меня за локоть, останавливая.

— Пойдем кофе попьем. Спрашивать ни о чем не буду, обещаю.

Старый-добрый милашка Александр Романов. Годы идут (сколько мы уже дружим с ним? Пять, шесть лет?), но ни хитрости, ни изворотливости, ни нахрапистости у него не прибавилось. Идеальный ноль, который мог бы при иных условиях стать идеальным мужчиной. Внешностью природа не обидела, так он сам отлично портит ее то повышенной лохматостью темно-русых волос, то странной мешковатой одеждой. Ум тоже имеется, но что он значит, если у тебя совершенно нет амбиций, если слово «пробиться» синоним преступления против совести и человечности? Ничего. Так и прозябает на должности продавца-консультанта в спортивном магазине. Денег не было, нет и не будет. И не потому, что тратит безудержно на люкс или копит на крутую тачку (его и страшенькая старая «Калина» устраивает, столько лет уже на ней катается и менять не думает) или лофт в центре, а потому, что не видит смысла в том, чтобы их было как можно больше.

Одного у Лекса не отнять: он отличный, преданный друг. Каждый раз, когда слышу словосочетание «душевный человек», непременно думаю о нем. Наверное, потому, что Романов действительно с огромным сердцем и широкой душой. Тот, кто согреет в стужу невзгод, рассмешит в минуту горечи, протянет руку помощи, когда идешь ко дну. Я — не такая. Так не смогу. Но, как всякая эгоистка, держу Романова рядом, практически использую, восхищаясь и порицая, завидую и испытываю жгучее чувство неполноценности одновременно с чувством практически щенячьей привязанности.

Мы познакомились на студенческой тусовке. Тогда, будучи третьекурсницей, я сошлась с Ксенией, той еще оторвой. Куда нас только не заносило... И однажды принесло на какой-то квартирник. Лекс играл на гитаре, не выпуская изо рта сигарету, темные длинные и спутанные волосы падали на лицо, привлекающее пусть не классической красотой, а какой-то харизматичной одухотворенностью, ловкие, изящные пальцы перебирали струны. Он посмотрел на меня и так светло улыбнулся, что поймала себя на мысли: да, в такого симпатичного маргинала-музыканта вполне можно и нужно влюбиться.

Ну я и была влюблена в него. Где-то неделю. И протрезвела, познакомившись поближе, узнав, что толку ни из Лекса, ни из нашего сближения не выйдет никакого.

Так что Романов еще и первая, и последняя моя любовь. Попробовала — и хватит.

Лекс заканчивал политех, подрабатывал администратором в фитнес-клубе, переводами

(он отлично знал английский), успевал выступать с группой и поражал кипучей энергией. Это еще больше ставило в тупик. Как при таких исходных данных можно оставаться нищей пустышкой? Это будто зимой вынести обогреватель на улицу и пытаться изменить температуру воздуха. Работа вхолостую, бессмысленная, направленная не в то русло.

Около года или больше мы тусовались большой компанией: я, Ксюша, ее подруга со своим парнем, Лекс и его друг, с которым Ксения пыталась завязать роман (и завязала, правда был он скоротечным), а потом коллектив начал разваливаться. Сначала нас осталось четверо, а к моменту выпуска — трое.

Ксения отвалилась последней. Она ухитрилась выскочить замуж едва ли не сразу после защиты диплома, и укатила в столицу устраивать жизнь.

Остались мы с Романовым. Подозревала, что основа нашей дружбы — обычная тоска по беззаботным студенческим временами, которые так тяжело отпустить. Да, на какое-то время мы упустили друг друга из виду, но однажды случайно столкнулись в торговом центре, и все завертелось по-новому.

Откровенно говоря, сейчас он единственный мой друг. Даша не в счет, она наставница, гуру, настоящей близости между нами никогда не было.

Мне нравилась та легкая сумасшедшинка, энтузиазм и отклик, которые чувствовала в Лексе. Он охотно поддерживал мои идеи и даже развивал их. Вегетарианство? Круто! Я тут знаю парочку человек, давай с ними познакомлю, сама все оценишь. Велопрогулки? Замечательно! Мне тут как раз один парень такой классный маршрут показал. Латиноамериканские танцы? А почему нет? Как раз поправим твое чувство ритма.

С Романовым я могла обсуждать все, что угодно, запретных тем почти не было. Его тонкие наблюдения и умозаключения не раз выручали меня, наши споры здорово проветривали мозги, как и совпадение мнений. Единственное табу — мои отношения с Максом и мои жизненные цели. Обсуждать первое с парнем — это уж слишком, говорить же о втором означает оттолкнуть друга. Любой бы понял меня (и одобрил, еще и благословил бы), но не Лекс. Он просто... слишком другой.

Мы спустились вниз, вышли на улицу. Майский полдень немедленно заключил нас в кокон из яркого солнца, городской пыли и шума, бетона и кирпича зданий, людской сутолоки. Прохладный воздух забрался под одежду, мурашками пробежал по коже. Кофейня была в соседнем здании. Вполне приличное и уютное заведение, создатели которого не были лишены вкуса и мозга. Практически после каждого занятия мы с Лексом заходили туда, он брал свой любимый черный без сахара, я — мокко.

Мы традиционно заняли столик у окна, молчали, разглядывая прохожих. Романов хмурился, видимо, мое дурное настроение так и не получилось выкинуть из головы, но я знала: он сдержит обещание и ни о чем спрашивать не будет. Может, через какое-то время сама все ему расскажу. Когда окончательно разберусь с этим дерьмом, разработаю новый план и начну воплощать его.

В сумочке прожужжал телефон. Полезла за ним.

— Кстати, поздравь. Меня повысили.

Пришло сообщение от Даши. «Освобожусь минут через десять. Поговорим», — написала она.

— Да? — рассеянно отреагировала я. — До старшего продавца-консультанта? — вскинула ехидный взгляд на друга.

— Нет, — Лекс с улыбкой замотал головой. — До менеджера отдела.

— Охрнительный карьерный рост, — кивнула, убирая телефон обратно в сумочку.

— Это сарказм был или ты серьезно рада за меня?

Поставив локти на стол, я уложила подбородок на сплетенные кисти рук и пристально воззрилась в серые смеющиеся глаза Романова.

— Лекс, именно поэтому тебе не везет с девушками. Ты абсолютно не улавливаешь подтекст.

Что правда, то правда. Лексу двадцать семь, но, как ни напрягала память, не могла вспомнить ни об одном его серьезном увлечении. Имен парень никогда не упоминал, с друзьями пассий не знакомил. Следовательно, достойными не считал. Или это они не считали его достойным...

— Почему не везет? Я всем доволен. Просто предпочитаю забег на короткие дистанции. Верным до гробовой доски буду лишь любимой, — он шутливо отсалютовал мне чашкой.

— Очень романтично. Но если серьезно, Романов, ты застрял. Признай это. Ты буксуешь. Старший продавец-консультант, менеджер отдела — какая нахрен разница, если ты по сути никто?

Мы молча сделали по глотку кофе, буравя друг друга взглядами.

— А я не считаю себя никем, — возразил спокойно Лекс, криво ухмыльнувшись, но улыбка в глазах не отразилась. — Значит, ты меня таким считаешь, да, Рина?

— Я считаю тебя своим другом и замечательным человеком. Если тебя все устраивает, не мне тебя учить.

Примирительно подняла вверх ладони, поставив чашку на блюде. В сумочке вновь ожил телефон, потянулась за ним.

На этот раз написал Макс... Что ж, все в силе. В семь, сегодня. Час икс.

— Слушай, Марин, не хочу с тобой ссориться. Я вижу, что ты чем-то расстроена, отсюда повышенная стервозность...

— Стервозность? — предупреждающе взглянула на друга, отвечая Макс.

Лекс, воспользовавшись тем, что отвлеклась, потянулся к моей чашке, с хитрым видом отпил из нее. Чертов нахал, вечно проделывает этот фокус.

— Стервозность, — с деланно серьезным видом кивнул Романов.

Я демонстративно пододвинула к себе его чашку, тоже отпила.

— Ты свободна в выходные? У нас с ребятами выступление в «Игуане».

— Круто! Вас наконец-то туда позвали, — улыбнулась я.

Как ни странно, но группа, в которой Лекс играл едва ли не с первого курса, не распалась после выпуска, подобно многим. Их коллектив часто мотался по музыкальным фестивалям, проходившим в области, да и в другие регионы ездил, выступал и в городе по праздникам. Удачно, если у ребят появится постоянная сцена в каком-нибудь баре типа «Игуаны».

— Ага. Так ты придешь?

— Пока не знаю, — пожала плечами. — Очень может быть, что получится. А теперь, негодник, верни мой кофе. Если ты так любишь мокко, какого фига себе его не заказываешь, а вечно мой таскаешь? — Я потянулась к своей чашке, нарочито сердитая.

— Люблю сложности, — рассмеялся Романов.

... Даша сама набрала меня. Я как раз села в машину, но не успела завести мотор.

— Да, привет, — ответила ей, бросив сумочку на соседнее сиденье. — Как там

Мальдивы?

— Они обалденные! — звонко завопила она. — Господи, ты бы видела наш люкс, а вид из него какой! Ммм... Я, блин, в долбанном раю, Марин.

— Ну класс. Завидую белой завистью. Мне вот пока не светит туда попасть.

— Рассказывай, что случилось, — переключилась на деловой тон Дарья. — Я два раза перечитала твое сообщение, но не поняла ничего. Напустила туману.

— Потому что не расскажешь всего в переписке, нужно было созвониться.

— Ты написала, что он тебя обманул. Только не говори, что...

— Да. Именно. Этот козел оказался женат.

Дашка нецензурно выругалась.

— Как узнала?

— Как в анекдоте. Искала дизайнерские полочки, наткнулась на интересные фотки, а они привели меня на ее страничку в инсте. Я проверила, это зарегистрированный брак, — я поглаживала руль, усмехаясь. Как же много значат в жизни человека случайности. По сути, сама жизнь — случайность.

— А он силен! Почти два года прятал ее от тебя. Ничто не указывало.

— Ничто, — согласилась. — Открытым остается вопрос: кого он берег? Ее или меня?

Мы помолчали.

— Что думаешь делать? — спросила наконец Даша.

Я вздохнула.

— Поговорить. Выложить все, что знаю. Поставить ультиматум: или она, или я.

— Рина, это плохая идея. Очень плохая, — отрубил Дарья. — На что ты надеешься? А если он скажет: пошла нахер, я выбираю ее. Что дальше?

— Это...

Она оборвала меня, продолжая горячиться.

— Я тебе с самого начала говорила: это бредовая идея. То, что ты должна выйти замуж. Ради чего, блин? Ради статуса? Так он у тебя есть. Статус свободной и независимой женщины.

— Независимой? Ты шутишь? — ухмыльнулась я саркастично.

— Да, независимой. Независимой от сопливых и розовых мыслей, что они женятся на таких, как мы с тобой. Разуй глаза, дорогая. Разуй пошире и просто бери то, что дают. Хочешь вырваться? Тогда крутись дальше и выбивай из них возможность открыть свой бизнес, а не лебези, внушая мысль, что вам надо пожениться.

— Я говорила, что первое точно не для меня, я не управленец, не гений торговли. А второе очень и очень возможно.

Дарья громко фыркнула, показывая свой скепсис.

— Макс был и есть отличный вариант для тебя, — заявила жестко. — И ты спустишь его в унитаз, если затеешь этот разговор.

— Спасибо за совет, который я не просила, — резко ответила ей. — Но я звонила только для того, чтобы попросить о помощи. Ты обещала ее...

— Я, блин, держу слово.

Она злилась. И я вполне понимала ее. Проект «Максим Решетников» был в основном ее проектом. Множество усилий было приложено к тому, чтобы познакомиться сначала с людьми, с которыми водится он, потом с ним самим, понять, что сама Дарья не в его вкусе, принять это и заменить себя мной, подогнав под тот эталон, который Макс воспринимал.

— Что именно тебе надо?

— Контакт той девушки.

— Илоны?

— Да. И чтобы ты предупредила, что я свяжусь с ней.

— То есть ты отправляешься в свободное плавание? — многозначительным тоном протянула Даша.

— Вроде того. Если Макс вышвырнет меня, я действительно просру свой шанс, ты верно определила. Этот шанс дала мне ты. Справедливо будет больше не рассчитывать на тебя, а действовать самой.

— Пользуясь моими связями, — закончила Дарья.

— Да, пользуясь твоими связями. И наработками. Ты против?

— Нет. Мне не жалко. Я пришлю тебе ее контакт. — Повисла пауза. Дашка шумно выдохнула в трубку. — Марин, если серьезно, одумайся. Оставь все, как есть. Сделай вид, что не в курсе. Пользуйся им, пока можешь, присмотришься к его окружению, может быть, там найдется для тебя мужик. А потом кинь и порви.

— Я не дура, Даш. В первую очередь, проверила его круг. Этодохлый номер. Нужно начинать все с нуля.

Новое витиеватое ругательство.

— Ну как сама знаешь. Останешься у разбитого корыта, я тебя предупредила. Все, мне пора. Созвонимся как-нибудь потом. Пока.

— Пока.

Закручивая колпачок туши, я всматривалась в свое отражение в зеркале, оценивая макияж. Все было безупречно, как, впрочем, и всегда.

Мне повезло родиться красивой, с идеальной фигурой, для поддержания которой не требовалось много усилий. Голубые глаза, густые ресницы и выразительные брови, на тон темнее моих натуральных русых волос, которые я осветляла — мужчины и правда любят блондинок. Хороший цвет лица, его овал, правильные черты, аккуратный нос, пухловатые губы. Все это — мой капитал. Да, он ненадолго со мной, лет, вероятно, еще на пятнадцать или, может, двадцать, если решусь на операции. Моя задача — распорядиться им правильно, вложить как можно выгоднее.

Что нужно девчонке, родившейся, жившей и учившейся в поселке? С детства видевшей убожество, грязь и пошлость, вынужденной кормить кур, вычищать сарай за козой? К чему будет стремиться ребенок, так рано понявший, насколько же ограничены окружающие его взрослые и насколько пусто предначертанное ему будущее?

Изменить все. Измениться самой.

Уже в тринадцать я начала искать способ, как это можно сделать, пыталась нащупать путь, зачитывалась биографиями знаменитостей и классикой любовного романа. Ответ нашла, когда мне почти исполнилось шестнадцать. Тогда наконец отремонтировали поселковую библиотеку, и решила пойти и посмотреть интересную литературу на свежеекрашенных полках. Наткнулась на несколько номеров журналов Vogue...

Я залистала их до дыр, без конца рассматривая образы, в воображении примеряя все эти потрясающие вещи на себя, нанося на кожу дорогие крема и парфюм, проживая мгновения в роскошных интерьерах. Я видела всю эту глянцевою и безупречную жизнь во сне, проживала

ее в фантазиях. Там не было место разношенным ботинкам с зацементированными грязью подошвами, дешевым капроновым колготкам, растрепанным и грязным волосам, обветренному лицу, сосискам и пюре на ужин, потертым креслам и дивану, постным физиономиям матери, отца и старшей сестры. Там было ярко, прекрасно, идеально и чудесно. Как в сказке.

И я захотела в эту сказку. А для этого требовалось, во-первых, уехать прочь из этой клоаки, во-вторых, получить деньги. Много денег. Деньги означали, что у меня будет все: изысканная еда и вещи, путешествия, со вкусом обставленная квартира и свобода выбора. Деньги означали, что я обрету себя и буду счастливой.

Чтобы заработать деньги, нужно что-то куда-то вложить. И я была готова. У меня был капитал: я сама. Красота — это чудесно. Красота и ум — сочетание беспроегрышное. Туда я добавила образование (поступив на факультет иностранных языков) и выгоду от дружбы с правильной девушкой.

Дарья Хвостова. Когда была эскортницей, взяла себе ник Леда. Накопив достаточно, постепенно завязала с этим, начав настоящую охоту на крупную дичь. Мы познакомились случайно. Встретились в клубе, знаменитом тем, что там тусовались далеко не бедные мальчишки...

В открытые двери лоджии рванул ветерок, холодным шлейфом окутал лодыжки и стопы, заставил зябко повести открытыми плечами. Выбранное на вечер коктейльное платье насыщенного лилового цвета было всем хорошо, но нисколько не согревало. Думаю, хватит свежего воздуха и едва уловимого флера майского цветения, который он с собой приносит.

Встав с места, я направилась к лоджии и, как всегда, застыла на пороге, любуясь открывшимся видом. Гладь реки, ставшей в сумерках цвета маренго, окаймленная белым стрелом моста, построенного через нее, зелень раскинувшегося на том берегу парка, а дальше — геометрический, стройный рисунок улиц, дома и здания — точно набивной узор на пестром и завораживающем полотне Краснодара.

Я не выбирала эту квартиру, но влюбилась в нее сразу же. Просторная и светлая, минимально меблированная, но зато все вещи современные, европейского качества. Макс поселил меня здесь на второй месяц знакомства, до этого мы встречались в гостинице...

Даша скептически относилась к тому, что все у нас с ним будет иметь желаемое продолжение, и в какой-то момент даже ее навыки и опыт оказались бессильны. Ей ничто не могло подсказать, чем же можно удержать этого мужчину. Но я знала чем...

Решетников только казался бонвиваном, на самом деле беспечность и некая легкомысленность — только видимость, маска, чтобы сбить с толку окружающих. Ему чуть за тридцать, единственный сын депутата, владелец сети автосалонов, вполне симпатичный, правда полноватый, несколько инертный. Хитрый и дотошный, трудоголик, расчетливый, эгоистичный и временами агрессивный. Возможно, и не умный, но и далеко не дурак...

Типаж «кошечек» он презирал, поэтому Дашка сгодилась только для двух кратких встреч (всегда говорила ей, что такая роль ограничивает и приносит крайне мало плодов). Я же и во время первой встречи поняла: Максиму нужна борьба, противопоставление, краткая капитуляция и новое выстраивание границ. Ему необходима не покорность, но и не бунт, а некая видимость его, только лишь затем, чтобы почувствовать свою силу и превосходство над другим.

На этом я и сыграла. И выиграла. Месяц за месяцем осуществляла свой очень простой план — выйти за него замуж. Содержанка — только ступень, никогда не хотела

задерживаться на ней, такое точно не для меня (хотя бы в долгосрочной перспективе). Я и достойна большего, и могу этого добиться. Теперь же...

Теперь все усилия вполне могут пойти прахом. Я постаралась изучить жену Решетникова, просмотрев ее страницы в соцсетях и даже выследив у салона, куда она всегда ходит на массаж и в солярий. Красивая женщина, обладает вкусом, жесткая и даже циничная. Возможно, когда-то была из нашего круга «охотниц». Думаю, она знает, что муж гуляет, и спокойно принимает это. Так делала бы и я...

Уйдет ли от нее Макс? Вопрос очень хороший. Все эти два дня, с того момента, как узнала о том, что он женат и ловко скрыл от меня этот факт, размышляла над ним. Все зависит от того, чем она его держит. В святость семейных уз Решетников точно не верил, следовательно, не ими. Чувствами совсем не увлекался (как, впрочем, и постелью, секс для него, похоже, был традиционным способом сбросить пар и на время отключиться от забот), так что любовь и привязанность тут тоже ни при чем. Что остается? Финансовый интерес, ребенок (свидетельств его существования я так и не нашла, но не исключим беременность) или что-то еще, что ускользает от моего внимания.

То есть шансы есть. Как и вероятность того, что и он ей уже надоел. Макс в последние месяцы проводил со мной четыре ночи в неделю, уж жена не могла не заметить, что муж сильно к ней охладел, и переключиться на любовника, к примеру.

День постепенно уступал свои позиции ночи, на город зыбким полотном ложились сумерки, жар солнца гас, давая возможность вернуться прохладе. Она была еще повесенному густой, с ледяным дыханием миновавшей зимы, заставила меня поежиться, потереть озябшие обнаженные плечи и закрыть двери на лоджию.

Поставив на накрытый в кухне стол ведерко со льдом и бутылкой вина, я придирчиво оглядела сервировку, проверила температуру мяса, оставшегося в духовке. Макс терпеть не мог ни очень горячего, ни остывшего, пища должна была быть на два-три градуса выше комнатной температуры. Когда огребла пару раз за такой промах, научилась делать так, как ему нравилось.

Взглянула на часы — около половины восьмого. Он вот-вот будет, может быть, уже на лифте поднимается. Я жестко задавила волнение, расправила плечи. Это борьба, и на нее подписалась в день, когда выбрала свой путь. И смело надо решать: или добьюсь цели с этим мужчиной, или уйду от него сегодня, чтобы начать все с начала с другим. У меня все получится, я это знаю так же точно, как то, что солнце встает на востоке, огонь обжигает, а лед морозит.

Щелкнул, проворачиваясь замок, застав меня на пороге спальни, куда отправилась, чтобы еще раз оценить укладку. Решетников со звоном бросил ключи на столик у дверей, шумно разулся и прошел в гостиную.

— Марин, ты где? — позвал оттуда.

— Привет.

Я скользнула следом за ним, анализировала настроение мужчины. Он бросил пиджак на подлокотник дивана, расстегнул рубашку до живота, обнажив грудь, поросшую темными волосками. Взгляд уставший, но незлой, жестких складок у губ нет, значит, вполне добродушен.

— Будешь ужинать? — спросила, осознав, что не стоит пока произносить расхожую и катастрофическую фразу «Нам надо поговорить».

— Позже, — Решетников расслабленно уселся. — Вот выпить принеси.

— Есть охлажденное вино.

— Давай.

Какое-то время мы цедили вино, он — сидя на диване, я — устроившись на подлокотнике кресла поблизости. Макс с кем-то переписывался в телефоне, я же разглядывала его, думая, как начать непростой разговор.

— Я на днях узнала про твою тайну, — начала нарочито мягко, рассеяно, когда он отложил сотовый.

Мужчина уставился на меня, в глазах разлился холод, предупреждая об опасности темы.

— Какую тайну?

— Что ты женат.

Он усмехнулся, допил вино одним глотком, протянул мне бокал, требуя забрать.

— А это разве тайна была? Не помню, чтобы скрывал.

Встав, я забрала бокал, поставила его на журнальный столик.

— Возможно, не скрывал, но и не говорил. А я спрашивала. — У меня получалось говорить деланно равнодушным тоном, несмотря на то что тревога разрасталась и не выходило никак ее подавить.

— Да? Не помню такого. Что ты там на ужин приготовила?

Я снова уселась на подлокотник кресла, показывая, что о еде и не думаю.

— Макс, я серьезно. Для меня это важно.

— Да срать мне, что для тебя важно. Пойдем есть, я голодный.

Он уже начал закипать. Опасная ситуация. Но отступить мне некуда, придется рискнуть.

— Нет, давай сначала все выясним.

Решетников грязно выругался, резко поднялся на ноги.

— Терпеть этого не могу! Эти ваши вечные женские истерики. Да, Марин, я женат. Дальше-то что? На что это вообще влияет? Хочу спать с тобою, сплю. Надоешь, выкину вон. Что не так? Какие у тебя претензии?

— Я не хочу так. Я тебя люблю и поэтому вижу логичный исход: мы с тобой поженимся.

Позиция обозначена, Рубикон пройден, я замечательно держусь, с королевским достоинством. Вот только зерно дурного предчувствия все раздувается, заполняя сознание.

— Что? Ты напилась или ширялась тут, пока меня не было? Охренела?

— Я так вижу, Макс. Тебе придется выбрать.

Мужчина будто поперхнулся воздухом, побагровел, глаза почернели от бешенства.

— Мне? Выбрать? Ты вообще в своем уме, дура? — закричал он.

Стремительно приблизившись, он схватил меня за плечи, рывком заставил подняться. Бокал выскользнул из рук, упал в кресло, вино, расплескавшись, залило обивку. Но мы оба не заметили этого. Я пыталась вырваться, потому что руки мужчины сдавили до боли, он же глядел на меня с яростью, явно не контролировал ее, потерялся в ней. И от этого становилось еще страшнее. Я вывела его из себя... И понятия не имею, что он сотворит. Никогда раньше не сталкивалась с таким Решетниковым, что делать не представляла...

— Макс,пусти...

— Ах ты ж сука! Выбрать! Мне! Как вообще додумалась ставить мне какие-то условия? Кто ты вообще такая? А? Ты просто подстилка! И открою тебе Америку — дешевая подстилка! Я знал шлюх и подороже тебя, и получше. И главное — посговорчивее. Эти бабы знали свое место, а ты вот забыла!

Он разжал хватку и резко толкнул меня. Я врезалась в косяк, спину пронзила боль.

— Ты ошалел? — вскрикнула, в ужасе оглядывая мужчину: его перекошенное от злобы лицо, сжатые кулаки.

— Заткнись, — он подскочил ко мне, лицо обожгло хлесткой пощечиной.

Я будто захлебнулась в панике, льдом спеленавшей дрожащие и ослабевшие руки и ноги, в беспомощности, в невозможности сделать вдох, издать звук. В голове помутилось, к горлу подкатила тошнота. Решетников ухватив меня за руку выше локтя (пальцы с силой впивались в плоть, оставляя следы) и поволол в спальню. И я не могла сопротивляться.

— Дрянь. Мразь. Ты никто, поняла. Шлюха и гадина, — шипел он. Бросил меня на кровать. Навалился сверху. — Ты кукла. Секс-игрушка. Я плачу за все: за твою жрачку, за твои шмотки, за твои йоги, танцы, ногти, волосы и прочую штучатурку. А ты просто раздвигаешь ноги тогда, когда мне надо, и столько раз, сколько я хочу. Ты слышишь? Слышишь, дрянь?

Новая пощечина. Мой всхлип-вскрик. Дрожащая и слабая рука, которая пыталась оттолкнуть мужчину. Смотрела в его отрешенное, ожесточенное лицо, в пустые ледяные глаза, и все внутри стыло, раскручивалось бескрайним ужасом. Что? Что он со мной сделает?..

— Я сейчас жестко трахну тебя, и это будет тебе хорошим уроком, Марина. А утром ты соберешь свое шмотье и уберешься отсюда. Позвонишь через неделю. Если остыну, то вернешься обратно. А нет, так пойдешь к черту. Поняла? — Он тряхнул меня так, что клацнули зубы, а волосы залепили лицо.

— Ты поняла меня?

— Да, — прохрипела через силу, едва сдерживая слезы. — Да! Прошу, не надо...

Решетников отпустил мои плечи, привстал, взялся за ремень брюк. У меня получилось отползти, сжаться у изголовья. Хотела заговорить, попробовать успокоить мужчину, но опередила громкая мелодия его мобильного, оставленного в гостинной.

Максим замер, выматерился.

— Это Щеткин наверняка. Я отвечу. А ты раздевайся и жди!

Он ушел, через мгновение услышала его отрывистое «да», затем — звук открывшейся двери на лоджию. Сидела, бездумно уставившись в одну точку, словно в полном мраке. Болела голова и тело, горело лицо... И не верилось, что все случившееся не бред. А потом в моей голове как будто лопнула струна, звеня, разбивая безвременье, опустошение.

Все кончено. Все к собачьим чертям кончено. И чем быстрее я это осознаю, приму, тем быстрее и эффективнее начну действовать.

Развернувшись, свесила ноги с постели, встала. Мышцы дрожали, плохо слушались, но усилием воли заставила их работать. В сознании уже выстроился четкий план.

Сегодня воздала настоящую хвалу своей аккуратности. Только благодаря тому, что всегда педантично относилась к хранению вещей и распределению их в шкафу, получилось так быстро собраться. Две пары джинсов, шорты, три футболки, простое платье, нижнее белье, любимая шелковая пижама заполнили один отдел сумки, в другой я положила косметику и средства для ухода. Стянула с вешалки теплый кардиган, схватила клатч, где лежала пачка наличных (додумалась снять вчера тридцать пять тысяч, не бог весть что, но пока можно перебиться), добавила туда двадцать две тысячи из заначки, выложила банковские карты (он все равно их заблокирует сразу же), ключи от квартиры и, горько вздохнув, ключи от ставшего любимым вишневого Fiat Seicento.

Повернулась, бросила взгляд в зеркало. От уверенной в себе и красивой Марины Королевой осталось лишь ее подобие. Красные от ударов щеки, расплывшаяся помада, светлые растрепанные волосы, и широко распахнутые глаза, в которых застыли ужас и потерянности.

Сбегаю, как жалкая неудачница. Ухожу, теряя все, что долго выстраивала. Покидаю этого мужчину, потому что он определил мне место, которое мне не нравится. Что ж...

В прихожей к вещам я добавила кроссовки и балетки, застегнула сумку. Сунула ноги в темно-синие бархатные лодочки на шпильке, обернулась на мгновение, прежде чем тихо открыть дверь. Решетников все еще разговаривал по телефону. Он не станет гнаться за мной, а тем более искать. А я никогда и ни за что не вернусь сюда.

Жаль, эту жизнь я успела полюбить. Новая такой не будет.

Смахнув слезы, осторожно закрыла дверь. Щелкнул замок, отрезая от всего привычного и дорогого.

На автовокзал таксиста попросила отвести меня инстинктивно. Назвала первую локацию, которая пришла в голову. Пока ехала, привела себя в более или менее приличный вид, поправила помаду, причесалась.

Мысли, проклятия и пережитый ужас роились в голове, но не позволяла себе погрузиться в них. Если сейчас начать думать, вспоминать и анализировать, то определенно разрыдаюсь, почувствую себя в ловушке, никчемной идиоткой, по глупости поставившей не на ту цифру в казино. Поэтому, убрав зеркала, сосредоточилась на дороге.

Это город возможностей, город солнца, широты и щедрости. Сейчас он готовился к ночному отдыху, сияние фонарей, вывесок, подсветки зданий, витрин магазинов и рекламных экранов канителью пронизывали сгущающийся сумрак, успокаивали, настраивали на созерцание. Любила прогуливаться в это время суток и года, заглядывая в кафе или бары, сидеть на скамейках на площадях, скверах, дышать прохладой и суховатым запахом нагретой за день городской пыли.

Нужно верить, что все наладится. Все всегда идет так, как надо, поворачиваясь к лучшему.

Помню, Дашка часто говорила, что мой неистребимый оптимизм плох, нужно быть реалисткой...

На автовокзале я нашла кафетерий. Поужинать не успела, а стресс в итоге вылился в зверский голод. От ассортимента испытала шок. Да, это, конечно, не ресторан, не какой-нибудь гастробар, французских или японских шефов здесь, понятно, не держат... Но удивительно, как люди все это могут есть? Это ведь практически помой...

К счастью, при виде блюд и выпечки большая часть аппетита пропала, осталась маленькая и разумная, настойчиво советовавшая хоть что-нибудь съесть. Кривясь, взяла сэндвич с копченой курицей, между половинок булки грустно выглядывал пожухлый лист салата. Запивать этот бедняцкий ужин собралась черным чаем без сахара...

Потом села в полутемном закутке, устроила сумку у ног, невидящим взглядом смотрела на спящих пассажиров. Необходимо было решить, что же делать дальше.

Мысль вернуться к эскорту отмела сразу. Два «выхода», которые совершила еще будучи студенткой, были крайне неприятными, до сих пор передергивает от воспоминаний. Здесь определенно нет, и точка.

Второй вариант — вернуться к родителям. Он ужасен, бесспорно. Но зато так проще простого решится вопрос жилья. Могу сказать, например, что рассталась с парнем, нуждаюсь во времени, чтобы прийти в себя, ездить сюда и заводить знакомства, пользуясь наводками этой самой Илоны...

Тоже нет. Количество минусов перевешивает плюсы. Я не желаю возвращаться даже на пару дней, молчу уже о месяцах.

Третий вариант — найти того, кто приютит здесь, затем — работу, после — нового мужчину. Вариант со сложностями. Работать не хотелось, вообще не представляла, как можно существовать, вставая в восемь, трудиться на благо какого-нибудь дяди или тети, получая за это гроши, возвращаться в семь, иметь на себя час, может, два, а на следующий день повторять тот же забег? Кошмарная жизнь, засасывающее в болото безысходности. Но... Мне потребуются деньги. На новую одежду, например, на возможность посещать элитные места для «охоты». Значит, придется устроиться на работу. Успокаивает, что это временно. Сумею перетерпеть.

Где жить? Здесь проблема. Пока училась, обреталась в общежитии, а потом мы с Дашей сняли одну на двоих квартиру в новостройке в центре. Теперь ее нет. Сначала ушла я, перебравшись к Максиму, а вскоре устроилась и Хвостова, нашла себе хорошего «спонсора», как она его называла. Тот поселил ее в коттеджном поселке и щедро осыпал благами (Дашка, например, смогла открыть свой парикмахерский салон и планировала создать еще один). Сейчас она в отъезде, но даже когда вернется, маловероятно, что пустит меня пожить у нее. Да еще и это заявление, что пускаюсь в свободное плавание... Положение, черт побери, обязывает. Обращаться к ней за помощью (контакт Илоны не в счет) унижительно.

Нужно констатировать: настал день, когда пожалела, что подруг у меня просто нет. Не считала их наличие важным, в некоторых случаях даже рассматривала как соперниц да и одной всегда было проще, выстраивание и поддержание взаимоотношений ведь требует времени и сил, то и другое предпочитала тратить на более значимые цели. Теперь я в беде, и у меня нет того, кто протянет руку...

Или есть?

Перед мысленным взором вдруг возникло лицо Лекса, его светлая улыбка, смешливый блеск в серых глазах, крепкая рука, обнимающая меня в танце. Романов так давно рядом, всегда поддерживал меня, почему сразу не вспомнила о нем?

Потому, что он не знает, кто я на самом деле. Для него я — обычная девушка, да, с высокими запросами, но вполне святая, счастливая гражданская супруга богатого капризного мужика, устроившая свою жизнь и просто ищущая, чем бы ее разнообразить. И как бы мне хотелось продолжать поддерживать этот миф! Откуда-то появлялась мысль: Романов разочаруется, когда узнает меня настоящую, нашей дружбе настанет конец. Если буду жить у него, он обязательно узнает. Поймет.

Так что делать? Снять гостиничный номер, найти жилье — это не подходит, не хватит средств, чтобы и устроиться, и протянуть. Рискнуть дружбой с Лексом — тоже плохо. Будет так больно в итоге потерять его... Что называется, между сциллой и харибдой.

Но если путь очерчен, если все изменила, и изменилась сама, чтобы пройти по нему, нужно чем-то жертвовать. Что важнее: мое благополучие или дружба с Лексом? Первое, несомненно, второе в любом случае недолговечно, людей разводит если не разочарование, то, например, изменившиеся обстоятельства: переезд, женитьба, недостаток свободного времени.

Решение было принято, но позвонить Романову я все не решалась. Бродила по пустеющему автовокзалу, сидела, смотрела ролики и новости в телефоне, но так и не смогла открыть контакты и нажать на набор номера. А потом миновала полночь, и подумала, что для таких звонков, как мой, уже поздно. Нужно ждать утра.

Борясь со сном, желая убить время, я направилась пешком в район, где Лекс жил. Помнила, что он снимал жилье в хрущевке, где-то в Черемушках. Весьма неблизкий путь, да еще и на каблуках... Часам к двум совершенно выбилась из сил, нашла лавку в каком-то дворе, села отдохнуть.

Возможно, в иных обстоятельствах воспринимала бы это как приключение, все же дух авантюризма был мне не совсем чужд. Но не сегодня, не этой ночью, когда дрожь по телу пускала прохлада, осознание того, что, по сути, бездомная и беспомощная, когда горечью в желудке жгли мысли о Решетникове, едва не изнасиловавшем меня, о том, что потерпела неудачу и как же от этого больно...

Кое-как протянула до половины шестого утра, а потом смело достала мобильный и открыла список контактов. Знала: Лекс рано встает, поэтому сильно не потревожу.

Он ответил после пятого гудка, когда уже хотела сбросить вызов.

— Рин, что-то случилось? — спросил хриловатым голосом.

— Привет, — замялась я. — Извини, что разбудила.

— Да ерунда. Что произошло?

— Я... Мне не по себе от того, что хочу сказать, но ты моя последняя надежда...

— Мне теперь тоже не по себе, Марин, — в его голосе зазвенела тревога. — Просто скажи, что случилось.

— Я могу к тебе сейчас приехать? И все расскажу.

— Сейчас? То есть ты уже не спишь и полностью собрана?

— Да, все так.

— Приезжай. Айвазовского, 75. Буду ждать тебя внизу.

Город только просыпался, поэтому добралась до нужного адреса быстро. Где-то через четверть часа спустя такси зарулило во двор, и я увидела высокую худощавую фигуру друга, стоявшего у одного из подъездов пятиэтажки. Расплатилась, подхватила сумку и вышла.

Лекс был все еще лохматым после сна, в мягких домашних брюках и мятой футболке. Нахмурился, едва наши взгляды встретились.

— Ты ушла от него, — констатировал, шагнув ко мне, забрал сумку.

Кивнула, опустив глаза. Брат Романову очень не хотелось, но придется.

Романов снимал двухкомнатную на третьем этаже. Много хлама, слегка пыльно, непрезентабельная мебель, еще и паласы на полу — все будто шагнуло из восьмидесяти-девяностых прошлого века, забальзамировалось и осталось, ни на сантиметр не меняя место расположения.

Лекс повел меня на кухню и начал готовить кофе. Наблюдала за ним, сидя на табурете, оглядывая широкие плечи, мускулистые руки, не торопилась начинать разговор.

— Голодная? — спросил он, заливая в турку воду из фильтра.

— Немного.

— Значит, вместе позавтракаем.

Когда на столе появились бутерброды с колбасой и плавленым сыром, а также чашки с горячим кофе, от которого поднимался парок, и упаковка сливок для меня, Лекс уселся напротив, испытующе посмотрел на меня.

— Я жду, рассказывай.

Набрала в грудь воздуха.

— Ты правильно понял, мы расстались. Скажем так, мы внезапно обнаружили, что абсолютно по-разному смотрим на наш союз. Я собрала вещи и ушла.

Пристальный взгляд серых глаз. Губы поджались. Да, стоило ожидать, что Романов мне не поверит. То ли легенда плоха, то ли он такой проницательный.

— Резко ушла, — он рассматривал кардиган, который не стала снимать, выглядывавшее из-под него платье. — Прямо в том, в чем в тот момент была. Собрала лишь самое необходимое. Иными словами, ты сбежала. И, наверное, сбежала поздно вечером, сидела всю ночь где-то на вокзале или на улице. Так?

— Нет, что ты!

— Он тебя бил? Угрожал? Сделал больно?

— Нет, конечно. Лекс, слушай... — накрыла его руку ладонью. Взгляд друга стал еще более жестким и холодным, куда только делось обычное спокойствие и тепло?

— Сними кардиган, Марина, здесь жарко.

— Черт, — тихо ругнулась сквозь зубы, стиснула челюсти. Вот же прицепился. Как не поймет, что в некоторых случаях лучше не докапываться до сути, чтобы не будить демонов.

Я порывисто расстегнула три крупных пуговицы, дернула кардиган с плеч, бросила его на подоконник (очень тесная все-таки кухня), вскинула голову:

— Доволен?

Когда была в туалете на автовокзале, так и не решилась глянуть, остались ли синяки. Похоже, остались, судя по тому, как потемнел лицом Романов, разглядывающий мои обнаженные плечи, руки, как заходили желваки на его скулах.

— Сукин сын, — процедил он в ярости. — Я убью его.

Он вскочил с места, я тоже. Метнулась к нему, хватая за плечи.

— Лекс, послушай! Успокойся! Ничего ужасного он мне не сделал. Да, слегка не рассчитал силу, когда мы ссорились, но все в порядке. Не надо, не связывайся с ним, я прошу тебя. Очень прошу! Я никогда больше не увижу его, нас больше вообще ничто не связывает. Я в порядке и буду в порядке. Все это осталось в прошлом.

Умоляюще смотрела в искаженное, ставшее каким-то жутким лицо, не понимая, отчего Романов так взбесился. Всегда казался таким уравновешенным аналитиком, таким рациональным, надежным... И это он еще не знает о главном свинячьем проступке Макса. И не узнает. Признаваться в таком унижительно.

— Мне теперь очень нужна твоя помощь, — продолжила, отмечая, что друг начал успокаиваться. — А если ты пойдешь бить ему морду, в итоге окажешься в полиции, а я тогда совсем пропаду.

— Хорошо. — Лекс накрыл мои руки, цеплявшиеся за его футболку на груди, своими теплыми, чуть шершавыми ладонями. — Сегодня его морда останется целой, но я ничего не обещаю.

— Все, забыли про него! Сядь, выпей кофе.

Высвободившись, я подтолкнула его к табуретке, заставила сесть. И сама устроилась напротив, руки и ноги подрагивали, голова зазвенела мигренью. Так дали знать о себе нервы и бессонная ночь.

— Какая помощь тебе нужна? — спросил Романов, сделав пару глотков кофе, нахмурился, когда его взгляд упал на синяк у сгиба локтя моей правой руки.

— Я могу немного пожить у тебя? Где-то пару или тройку недель, пока не найду квартиру?

Лекс явно расслабился, из глаз ушла темнота, один уголок рта приподнялся в ухмылке, делая это небритое и все еще помятое после сна лицо по-мальчишески озорным.

— Оставайся столько, сколько захочешь. Даже больше могу предложить: снимай комнату у меня. Квартира моей дальней родственницы, я ее фактически и не снимаю, плачу только за коммуналку. У нас этакий бартер: работаю для нее извозчиком, когда тете Ане требуется мужа отвезти к врачу, он у нее инвалид. Так что можем поделить расходы пополам, и ты деньги сэкономишь.

— Заманчивое предложение, — улыбнулась я. — Подумаю над ним.

— Подумай, — кивнул друг, насмешливо сверкнув глазами, потянулся за бутербродом.

Мне внезапно стало так легко, что хотелось рассмеяться, сорваться с места и закружиться. Останавливали только мигрень, тесная кухня да и здравый смысл: все же бывшие содержанки, пережившие ужасную ночь, так себя не ведут.

— Спасибо, — прошептала, глядя в теплые глаза Романова. — Ты меня спас. Буквально. Не передать словами, как я счастлива, что у меня есть такой друг.

— Обращайся, — усмехнулся Лекс, жуя. Потом вдруг вскочил с места, бросив на тарелку недоеденный бутерброд. — Пойдем покажу тебе все. Да и постелю заодно, ты, вижу, просто с ног валишься.

— На работу не опоздаешь? — Неохотно встала, чувствуя, что действительно устала до крайней степени.

— Нет, не волнуйся. Времени навалом, мне же теперь к десяти. Забыла, что меня повысили?

Глава 2

Контакт Илоны Хвостова прислала через день. К тому моменту шок прошел, а я пыталась адаптироваться к переменам, осознать новую реальность. И то, и другое давалось с трудом.

В свой первый день на новом месте проспала до вечера, рухнув там, где Лекс мне постелил (на его, кстати, кровати, Романов просто сменил наволочку и простынь). К слову, я так и осталась в той комнате, которая служила парню спальней, сам он перебрался в смежную и ночевал на диване. Сказала ему, что гостя здесь я, и на диване надлежит спать мне, но Лекс ничего не желал слушать, заявив: он здесь хозяин и только он решает, где и кому спать, мол, таково условие «аренды».

Да уж, умел он быть упрямым и несговорчивым, этого не отнять.

Утром следующего дня я встала практически вместе с Лексом, мы выпили кофе (нет, все-таки ужасно он его готовит, придется брать это дело в свои руки), я проводила его до двери, пожелав хорошего дня, закрылась и замерла, повернувшись, новым критическим взглядом оглядывая место нынешнего обитания.

Жуть. Словно из дворца в дыру. Хотя почему словно? Так и есть.

Но выбирать не приходится. Если хочу выжить и снова подняться, придется немного повозиться в грязи и наделать из нее куличиков, как в песочнице.

Сообщение от Дашки застало меня в тот момент, когда орудовала стареньким и слабомощным пылесосом, закончив сметать пыль с полок и двигать мебель, формируя хотя бы подобие пространства. Лексу, как и многим мужчинам, было плевать на окружающий «ландшафт», меня же в этой квартире заставляло передергиваться все: цвет обоев, занавески, темная полировка старых шкафов, вязаные салфетки на тумбочке и у телевизора, невзрачная сантехника и прочее. И это не говоря уже о чисто мужском хаосе. Каждой вещи свое место — нет, не слышали.

Поместив присланный номер в контакты, задумалась, когда Илоне нужно написать и какими именно словами сформулировать просьбу. Не радует и факт, что совсем не готова выходить на «охоту», нет ни денег, ни платьев, ни украшений, ни, кажется, лоска... В глазах должны сверкать уверенность, чувство превосходства, а в моих пока застыли растерянность и пустота.

Плохо. Нужно брать себя в руки, сходить на массаж, обертывания, полежать в солярии, побаловать себя сауной, посетить отличный ресторан (то, что мы с Лексом ели все это время, ужасно). Это поднимет настроение. Конечно, я потеряла нормальную жизнь, но ведь могу сохранить хотя бы подобие ее.

... В субботу около девяти вечера поняла: я в полном дерьме. Сохранить подобие прежней жизни, барахтаясь в нем? Наивная дура.

«Игуана», где сегодня выступила группа Романова, — второсортный бар, но, надо отдать должное владельцу, с претензией и особым духом. Поддержав приятеля (они и правда очень неплохо сыграли, написали несколько новых песен, восторг был искренним и хотя бы на некоторое время заставил забыть о проблемах), я присела возле стойки, заказала коктейль, а потом еще один. Лекс с ребятами задерживался, обсуждали что-то с администратором.

— Хей, красивая, чего скучаем? — оперевшись на стойку, мне в лицо заглянул парень. Вполне знакомый. Новый вокалист группы Лекса. Широкая улыбка на круглом лице, хитрые карие глаза, торчащие ежиком короткие волосы с осветленными концами, художественно порванная у горла футболка и зауженные джинсы — оглядев все это, раздраженно и брезгливо скривилась, давая понять, что абсолютно не в настроении.

— Отвали, Свен, она со мной, — Лекс опустил рядом, шутливо отпихнул коллегу подальше от меня.

— Да? Крутяк. Ты настоящий мужик, она шикарная цыпочка.

— Проваливай, не нервируй, — огрызнулся Романов.

Бездумно водя пальцем по прохладному влажному бокалу, не следила за их разговором. Алкоголь ударил в голову, обманчиво расслабляя, утяжеляя тело.

— Ты как? Понравилось? Извини за этого свинтуса, вечно болтает...

Повернула голову к Лексу, налепила улыбку:

— Все супер.

— Что пьешь? — Он уставился на мой бокал, содержимое которого болталось на дне, едва покрывая кубики льда.

— Хрень какую-то, — пожала плечами.

Название я не запомнила, зато на языке пек мерзкий вкус водки. Боже, действительно начала опускаться, уже пью крепкую дешевку, стремясь забыться. Как последняя бомжиха...

Лекс притянул к себе бокал, допил остатки, поморщился.

— Рин, это водка с апельсиновым соком, ты сроду такого не пила. Что случилось?

— А что случилось? — с любопытством воззрилась на него, подперев подбородок ладонью.

Было крайне интересно, как Романов интерпретирует происходящее со мной. Сама себе я объяснить не могла. Лишь чувствовала, как мрак, в котором существую (именно существую, жизнью это никогда бы не назвала), сгущается с каждым мгновением, хватая за горло, наваливается, обездвигивает. Так, что хочется орать.

— Тебя развезло. Поехали домой, — выдохнул Лекс, пристально глядя в мое лицо, мягко обхватил запястье, призывая подняться.

— Не хочу, — дернулась, освобождаясь.

— Не хочу снова в эту твою дыру, — проворчала, полезла в клатч за кошельком, желая проверить, есть ли деньги на еще один коктейль.

— Рин...

— Что Рин? — резко повернулась к нему, так, что окружающее поплыло перед глазами, вызывая чувство тошноты. — Оставь меня в покое! Наедине со своим соком и водкой!

Лекс помрачнел. Смотрел на меня... с сочувствием? Внутри вскипела злорада, а к глазам почему-то подкатили слезы. Какая же я жалкая, убогая!

— Я подожду тебя на улице, — произнес он, уходя.

Я бросила попытки подсчитать оставшуюся в кошельке мелочь, выругавшись, убрала его в клатч, закрыла лицо руками.

Спокойно. Все хорошо. Не надо истерик. Я со всем справлюсь, я сильная. Это просто алкоголь мутит разум, говорит за меня, не нужно было так набираться.

К Лексу вышла через несколько минут, собранная, высоко держащая голову. Он стоял у своей «Калины», болтая с Матвеем, бас-гитаристом, и, увидев меня, попрощался с ним. Я неторопливо приблизилась, не совсем доверяя ногам, ставшим нетвердыми, взглянула в его

серьезное лицо, проверяя, зол ли он на меня. Он же смотрел вопросительно, ожидающе.

Выдохнув, инстинктивно уткнулась лбом в его плечо.

— Прости, — повинилась. — Что-то я сама не своя.

Ощутила прикосновение твердой руки к спине, ладонь Романова успокаивающе и мягко провела вверх, к шее, спустилась вниз, к талии. Услышала глухой смешок.

— Да уж, — невесело согласился Лекс, обнимая меня. — Вчера и сегодня серьезно боялся с тобой говорить, мне казалось, ты вот-вот взорвешься от злости. Все гадал, что не так? Если дело во мне, то... Слушай, я не образчик аккуратности, но перевоспитаюсь. Обещаю. Я способный. Дрессуре поддаюсь.

— Дурак, — беззлобно ввернула я, отстранилась, машинально поправила ворот его кожанки. — Ты тут совсем ни при чем.

— Мариш, скажи, чем тебе помочь? Понимаю, тебе нелегко сейчас, но попробуй как-то отвлечься...

И снова эта жалость в его глазах. Бесила меня несказанно. Почему? Потому что должна играть роль идеальной девочки, которая никогда не плачет и не сдается, и с ней никогда не случается того, что произошло со мной?

— ... Сходи на йогу, еще куда, купи красивое платье, сделай новую прическу и прочее, что так любят девушки.

— Ты издеваешься? — Отступила на шаг, сложив руки на груди.

Брови Лекса взлетели на лоб.

— Нет. Даю тебе совет, но, видимо, идиотский.

Бешенство вспыхнуло с новой силой, меня прорвало.

— Именно, что идиотский. Я потеряла все! Я на мели! Как кретинка, спустила все, что забрала, на вот эту хрень, что ты перечислил! На чертов салон, ресторан, такси и проклятое платье.

Он опустил взгляд на мою обновку — обтягивающее темно-зеленое платье чуть выше колен, с окантованными воланами вырезами на рукавах.

— Красивое, — проговорил тихо.

— Красивое? — взвилась я. — Скажи проще: оно не по моему нынешнему статусу бомжихи с пустым кошельком! Я вообще не понимаю, зачем его купила. Не понимаю, как вообще можно жить так. В этой тесной камерке со страшной мебелью, есть макароны с кетчупом и эти мерзотные сосиски. Как, блин, вообще можно ездить в этих трамваях и маршрутках, где потные дядьки и тетьки благоухают дешевым парфюмом, трутся об тебя? Как планировать, на что пойдет каждая копейка? Да, я знаю, что тоже жила так, а теперь зажралась, избаловалась роскошью. Все я знаю! Но, катись оно все в ад, Лекс, это не моя жизнь, а я хочу свою...

Я резко отвернулась, чтобы он не увидел мои быстро наполнявшиеся слезами глаза, закрыла кулаком рот, из которого рвался всхлип. Лекс разумно не стал касаться меня, молчал. И правильно: еще хоть капля жалости от него, и просто наброшусь с кулаками.

Он дал моей пьяной истерике еще пару минут, а после спокойно произнес:

— Поедем домой, Риш. — И открыл дверь для меня.

Минут пять мы ехали в тишине. Романов был безмятежен, будто не на него только что вылили ушат беспочвенных претензий. На меня он не смотрел, что тоже помогало вернуть утраченное равновесие. Наверное, мне следовало вновь извиниться... Но два «прости» за один вечер уж слишком для остатков моей гордости.

— Насчет макарон с сосисками, — заговорил друг внезапно. — Проблема некритичная совсем. Хочешь, можем заказать фуа-гра из ресторана. Или этих, как их там... Меренги.

— Это французские пирожные. С мясом ничего общего не имеют, — тихо пояснила я.

Криво улыбнулась. Предложение Лекса прогнало апатию, всегда наступавшую после таких взрывов, даже немного подняло настроение. Да уж, Романов умеет быть лапочкой, утешать, предлагая действовать, а не погружаться в панику и отчаяние.

— Ничего мы не будем заказывать, — вздохнула после паузы. — Просто давай сменим рацион, а я освою приличные рецепты из нормальных продуктов.

— Не представляю тебя у плиты, — покачал Романов лохматой головой.

— Вот и не представляй. Это ненадолго.

Он прокашлялся и будто смутился.

— Что касается... финансов... Сколько тебе надо? Давай дам.

Я оцепенела, в районе диафрагмы зародились тошнота и мертвый холод.

Исключено. Не возьму ни рубля у него. Казалось, если в наши отношения втяну деньги, то оскверню их, если и для Лекса стану своеобразной содержанкой, то лишусь последнего света в своей жизни. Света и смысла.

— Не надо, — ответила глухо. — Мне не нужны твои деньги.

— А чьи нужны? Марин, это абсолютно дружеское предложение. Друзья поддерживают друг друга. Это нормально. И ты не разоришь меня.

«Ага, не разорю. О моих запросах, Романов, тебе лучше не знать», — подумала, скривившись.

— Говорю же, не надо. Давай закроем тему, — высказалась вслух.

— А если одолжу? Вернешь, когда сможешь.

— Прекрати. Сам видишь, мне лучше деньги не давать, спущу все, как наркоманка. Когда тратила, даже не подумала, что должна тебе отдать за коммуналку.

— Забудь, все равно можно сказать вселилась в середине месяца, — отмахнулся Романов.

Остановившись на светофоре, он повернулся ко мне, многозначительно заглянул в глаза.

— Сейчас скажу страшную вещь, Рина. Не хочется, а придется. Если мои деньги ты брать отказываешься, тебе нужно получить свои.

Я прикусила губу, зная, какое будет продолжение.

— Подумай об устройстве на работу.

Он мягко улыбнулся, добавив:

— По себе знаю, когда работаешь, крайне мало думается о том, как несовершенен мир и что эта жизнь не твоя.

Хмыкнув, я согласилась.

— Не поспоришь. Работа — это гомеопатия. Хочешь избавиться от одного стресса, заведи себе парочку других, — пробурчала добродушно.

Лекс рассмеялся, трогаясь на зеленый.

Работа, зарплата, босс и трудовой план не были чем-то новым для меня. Опыт имелся, правда небольшой. И не думала, что желала бы его повторить. Подрабатывала репетитором, пока училась, а до того, как все закрутилось с Максом, зарабатывала хостес в элитном стрип-

клубе. Туда меня устроила Даша, воспользовавшись связями. Сказала, что это поможет мне раскрепоститься (в то время была несколько зажатой и даже в чем-то наивной), открыть в себе сексуальность, научит правилам флирта. Заодно понаблюдаю за богатыми мужчинами в естественной среде их обитания, изучу их.

Специфическая работа, отнимавшая пять ночных часов три раза в неделю. Платили щедро. Но почему-то всегда хотелось отмыться. От сигаретного и кальянного дыма, запаха дорогого алкоголя, от непристойных предложений, пошлого блеска, раздевающих взглядов, атмосферы вседозволенности и разврата...

Однозначно, такие вакансии нужно обходить стороной.

На следующее утро после той моей истерики Лекс усадил меня за ноутбук, нашел сайты с объявлениями о найме.

— Давай помогу, — предложил, присев на корточки рядом, глядя на меня с какой-то тревогой. Видимо, ждал, что снова вспыхну. — Что именно ты хочешь?

— Не знаю, — призналась. — Думаю, нужно что-то без опыта. И чтобы не с двумя выходными, а больше. Можно даже не на полный день...

— Тогда... тебе вот сюда, — он кликнул по нужным ссылкам.

— Ага. Ты иди. Хотел же машиной заняться, — отпихнула его рукой, забрала мышку.

— Ладно, — улыбнулся, встав, мягко потрепал меня по плечу, — не скучай. Я скоро.

Подходящих мне вакансий, не вызывавших отвращение, оказалось плачевно мало. К понедельнику у меня было лишь два адреса и телефона: требовался администратор в школу иностранных языков и помощник флориста в фирму, занимающуюся организацией мероприятий. Я отметала все, что казалось унижительным или же напоминало бы о том, что потеряла: вакансии продавцов-кассиров, операторов в кол-центры, администраторов в фитнес-клубы и салоны красоты. Привлекала, конечно, должность офис-менеджера, но, когда знакомилась со списком обязанностей, требованиями к кандидату и зарплатой, закрывала вкладку немедленно. Такую работу глупо желать. Да и не получить мне ее.

Лекс лично отвез меня сначала на одно собеседование, после на другое. Оба оказались сложным испытанием для меня. Об этом рассказала другу, когда мы сидели в кафе, куда отправились, едва все закончилось.

— Почему? — спросил Романов, уминавший картофель фри с беконом. Я же заказала себе салат цезарь. — Тебе же не подсовывали тестов на знание... компьютера, например? Или на логическое мышление? Некоторые эйч ары страстно это любят.

— Да нет, ничего такого... Просто очень непривычно. Ты будто из кожи вон лезешь ради крайне сомнительного достижения, улыбаешься там, где тебе хочется выматериться, и стараешься понравиться, но не с человеческой точки зрения, а с функциональной. Как робот. Короче, звучит как бред. Ты, наверное, вообще не понял, о чем я.

Лекс глядел на меня, задумчиво потирая подбородок.

— Вроде понял. Знаешь, никогда не смотрел на устройство на работу с такой точки зрения. Вот что значит свежий взгляд. Так что они тебе сказали?

— Что позвонят. Стандартный ответ, который ровным счетом ничего не значит.

Вздыхнув, я вернулась к ковырянию салата. Нет, это не цезарь, а слишком жирная и безвкусная мешанина из овощей и мяса. Мерзость, которую есть невозможно.

— Хм... Рин, а как ты смотришь на то, чтобы съездить в еще одно место? — предложил осторожно друг, наблюдая за моей реакцией.

Я пожалала плечами.

— Что за место?

— В том торговом центре, где я работаю, на первом этаже есть бутик с косметикой и духами. Большой такой. Туда требуется продавец-консультант. Я слышал, как об этом в служебной столовой болтали.

Что ж, смотрю на это резко отрицательно. Но как, черт возьми, объяснить свою предвзятость Лексу? Мол, не хочу быть служкой, девочкой на побегушках? Такие второсортные должности не для моей требовательной и закостеневшей в роскоши натуры? Какими глазами он потом на меня посмотрит? Восхищения точно поубавится.

— Хорошо. Давай съездим, — согласилась, ободрив Романова улыбкой.

В конце концов, любая работа, которую смогу получить, — временное явление. Перетерпеть я в состоянии, а все, что нас не убивает, делает сильнее.

Говорят, счастье оценит только тот, кто познал настоящие страдания. Следуя этой логике, прежде чем «вознестись», мне необходимо тщательно исследовать изнанку жизни, побарахтаться в ней, поползать, изучить каждый ее шов, узел. И, как и во всяком исследовании, тут меня ждут открытия.

Первое из них — я ненавижу людей.

Как и предполагала, мне предложили только одно место — продавца-консультанта в том бутике с косметикой, куда отправилась по рекомендации Лекса. Начальство осмотрело меня, убедилось, что отлично разбираюсь в брендах и последних модных трендах, умею себя подать, знаю об уходе за кожей почти столько же, сколько профессиональные косметологи, и даже не стало скрывать своего полного удовлетворения. К работе могла приступить хоть с завтрашнего дня. Такой энтузиазм отозвался раздражением, я ответила, что мне необходимо подумать. Обещала уведомить о своем решении вечером.

Взвесив за и против, скрепя сердце, согласилась. И теперь пополнила ряды приветливых приметно-неприметных девиц в обязательных черных блузах с ярким шейным платком. График, как мне пояснили, был стандартным: два через два. И означал, что два десятичасовых рабочих дня сменяли два выходных.

Все было ужасно... Чувствовала себя точно в дурном сне, где приходится выполнять ограниченные функции, есть, отдыхать и ходить в туалет строго по часам, ощущала, как необходимость улыбаться и занимать то место, которое ни в коей мере не привлекало меня, давит так, что задыхаюсь и умираю. Бесило все: коллеги, то обсуждающие своих мужчин, то завидующие друг другу, сплетничающие за спиной, начальство с вечно брезгливой физиономией и непомерными требованиями.

Но больше бесили клиенты. Анализ не занял много времени, я быстро поняла: покупатели — это такое отражение многомиллиардного населения Земли, преломленное в небольшом магазине. Скучающие, тупые, закостенелые в привычках, обиженные на весь белый свет, мнящие себя королями и первым сортом, восторженные идиоты, мечтатели, ханжи, воры — я довольно быстро научилась различать эти типы по выражению лица, манере говорить и двигаться, даже по одежде в некоторых случаях. И все они вызывали у меня презрение. Все, будто надзиратели в той тюрьме, в которой очутилась, даже если не осмеют, притворятся сочувствующими, все равно унижат тем или иным способом.

Нет, сфера торговли абсолютно не мое. И то, что нужно терпеть, медленно уничтожает меня...

Все это вывалила на Лекса где-то спустя полторы недели, как устроилась на работу. В тот день мы вместе вышли из торгового центра (друг дождался, когда закончу) и спонтанно решили не сразу ехать домой, а прежде прогуляться. Все же переоценила свои силы, ноги гудели, поэтому получилось только неспешно дойти до сквера, сесть на скамейку и продолжить разговор.

— Это нормальная реакция. Для человека, который вынужден делать то, что делает, — объяснил Лекс, глядя на меня с улыбкой. Была в ней доля снисходительности, кажется...

— Рин, я прекрасно знаю, что подкатил тебе работу, которую с любовью способны выполнять единицы. Остальные ненавидят. Поверь, пройдет время и ты или начнешь относиться к людям с изрядной долей юмора, или тебе будет начихать на них. А еще поймешь: в мире все-таки больше хороших людей.

Не осуждает, значит... Вот что за святой человек...

Я фыркнула со смехом, уложила голову на плечо парня. Не удержалась и тихо рассмеялась:

— Боже, ты неисправимый энтузиаст и романтик. Сколько мы там с тобой знакомы? Больше пяти лет точно.

— Шесть лет и восемь месяцев, — поправил он, мягко щелкнув меня по носу, в ответ пихнула его в бок.

— Да неважно! Короче, за все это время я не слышала от тебя никаких черных прогнозов и циничных заявлений. Даже когда, помнишь, сидел без денег, а Лысов всем растрепал, что ты якобы мошенник, ты говорил, что это ерунда и все образуется.

— Ну так образовалось же!

— Лекс, — выпрямившись, я проникновенно посмотрела на друга. — Мир грязен и ужасен. И если не выгрызешь из него хотя бы мизерную часть благ, а будешь воображать, что все закончится хорошо, тебя закопают нищим, больным и ни на что не годным.

— Лысов как раз и предложил это, имею в виду выгрызть себе благо, но был послан, поэтому взялся портить фейс моей репутации. Именно тогда я понял: такие схемы не для меня, а жизнь, может, и стог сена, но предпочитаю прогуливаться мимо него, чтобы быть спокойным и счастливым.

— Да? Ты про это не рассказывал...

Интересно, сколько еще неприятных эпизодов своей жизни он хранит от меня в тайне? И интригует, и совершенно очевидно (и даже обидно): это не тот случай, когда стоит лезть в душу.

Лекс многозначительно хмыкнул:

— Я много чего тебе не рассказывал. — Он поднялся, снял свитшот и накинул его мне на плечи, закутав.

Приятная забота: день выдался прохладным, но я, привыкшая, что тем, у кого есть собственные колеса, не нужно одеваться по погоде, выскочила сегодня в джинсах, легкой футболке и сандалиях.

— Пойдем к машине. Ты устала и замерзла. Вот сейчас приедем домой, ты поешь и подобреешь, — усмехнулся, явно пытаясь поддеть.

— Я не заедаю стресс, — огрызнулась беззлобно.

Второе открытие было более приятным. Однажды я обнаружила, что живу в тесной квартирке с мужчиной. И он привлекателен...

Романова очень давно воспринимала как друга, по сути, бесполое существо. За исключением тех первых недель знакомства, когда мне казалось, что влюблена в него, все остальное время он был едва ли не единственным самым близким для меня человеком. Родное существо... В таких случаях никакой сексуальной подоплеки быть не может, а дружба между мужчиной и женщиной и вовсе представляется идеальным видом связи.

Фикцией и самообманом эти представления оказались в тот прекрасный-непрекрасный день, когда нос к носу столкнулась с Лексом на выходе из ванной. Парень был в одном небольшом полотенце, обернутом вокруг бедер.

— Извини, — буркнула, отступив.

Никак не могла оторвать взгляда от грудных мышц с порослью темных волосков, капелек воды, стекавших по коже, от широких и крепких плеч, ключиц... Сплотнула. Черт, он действительно горяч. Повезло его девицам.

Мысль о подружках Лекса почему-то неприятно кольнула. Но зато привела в чувства и удержала от того, чтобы опустить взгляд вниз и оценить еще и пресс парня. Впрочем, я ведь отлично знаю Романова наощупь, и все у него великолепно, надежно и воодушевляюще... Уже месяца три мы с ним танцуем, а в аргентинском танго контакт иногда такой тесный, что для экзальтированных девушек способен и секс заменить.

Минут через десять мы встретились на кухне за завтраком, Романов (слава всевышнему) был одет, влажными оставались только взлохмаченные волосы. Пока готовила кофе «Кон лече», мысль о девушках все никак не отпускала. А еще удивлялась самой себе: почему, когда согласилась пожить у него, не обговорила этот вопрос...

— Лекс, — задумчиво протянула я, следя за напитком. — Я что хочу сказать... Тебе не обязательно все время возиться со мной. И если вдруг надо... отлучиться... Ну, к примеру, на свидание. Или... Ну, побыть наедине с кем-то...

Я ощущала, что щеки начинают гореть. С чего бы? Уж мне ли не знать, что секс — дело весьма и весьма обычное для мужчин, оно всегда их живо интересует, и в нем нет места для скромности или стыда. Так что нечего заикаться, мы взрослые люди.

— В общем, я могу вполне и погулять где-нибудь весь день, — закончила более уверенным и твердым тоном.

Романов молчал, поэтому повернулась к нему. Выражение лица друга было... непонятым. Каким-то нечитаемым. Взгляд серых глаз долго не отпускал мой, словно пытая.

— У меня нет таких планов, — ответил он наконец.

Облегчение было ощутимым. И оттого невероятным. Что это вообще за эмоции? Уж не присвоила ли я Романова себе? Так не пойдет, он не моя собственность, а просто друг, имеющий право на личную жизнь.

— Пока, — подчеркнула я, ставя на стол две чашки кофе. Присела на табурет напротив Лекса.

— На сердечном фронте у меня капитальное затишье, можно сказать, пустыня, так что не переживай, — выдал Романов, разглядывая меня с мрачной серьезностью.

Я хохотнула:

— Ну перестань. Не кажись лучше, чем ты есть. Еще заяви: мол, сплю с девушкой только по любви. Симпатия тоже отличная почва для того, чтобы закончить встречу в постели.

— Заявлять такое не буду, спал и без любви. Но еще раз повторю: таких планов нет. А что насчет тебя? Может, это мне потребуется погулять где-нибудь весь день?

Я удивленно уставилась на него, едва не поперхнувшись кофе.

— Нет! Офигел?

— То есть к нему поедешь?

Настрой Лекса тревожил, крайне редко видела его таким напряженным и даже воинственным.

— Я только что рассталась с мужчиной и пока совсем не тянет заводить даже кратковременные отношения, — с расстановкой призналась Романову.

Ни в чем не соврала. Да, списалась с Илоной, и та прислала мне «резюме» на трех потенциальных кандидатов, но почему-то совсем не тянуло встречаться с ними, флиртовать, стать объектом их внимания. И причина даже не в отсутствии подходящих нарядов и образа и не в том, что ни один из них не показался мне привлекательным. Макс не просто напугал меня тогда... Из души будто так и не вышла вся эта грязь, в которую он щедро макнул меня... Вероятно, потребуется какое-то время, чтобы это переварилось и ушло. Пусть оно будет недолгим.

Лекс немного расслабился, хотя продолжал сверлить меня недобрым взглядом.

— Что? — спросила с вызовом, чувствуя дискомфорт.

Что я такого натворила? Почему он так пристально смотрит?

— Рина, скажи честно, ты ведь не сойдешься с ним снова? — тихо и угрожающе поинтересовался Романов.

Да дался ему этот проклятый Решетников!

— Обалдел? Ни за что! И хватит уже на эту тему. Пей кофе, а то остынет, — отрезала я и поднялась, чтобы достать из холодильника птифуры, которые сделала вчера вечером.

Чуть позже, обдумывая этот разговор, осознала: Лекс замечательно успокоил меня, не грозит делить его внимание с... не понятно кем.

Вывод, от которого веяло позитивом.

А вот равновесие, прежняя безмятежность были утеряны. Напрашивалось сравнение с Адамом и Евой. Они поживали себе в Эдеме, и между ними ни одна искра не проскакивала, и мысли не закрадывалось, что взаимодействие может быть иным, пока однажды не явился некий змей-искуситель... И вот теперь этот змей-искуситель подзуживал меня присматриваться к парню, с которым вынуждена делить жилплощадь, оценивать его не как друга, а как мужчину.

А в этом плане Лекс был хорош. Из дурных привычек в быту — склонность создавать легкий бардак, грязная посуда в раковине (привык мыть только раз в день — вечером, мол, зачем, все равно же испачкается), лужа на полу в ванной (прости, снова забыл задернуть шторку). Впрочем, потихоньку удавалось «перевоспитать» его. Что касается характера, то он действительно был у Романова золотым: не ворчит, не ноет, никогда не жалуется на усталость, в большинстве случаев на подъеме, но может быть молчалив, уважает личное пространство, добр и снисходителен, опытен и мудр, но предпочитает скрывать это, не выпячивает себя. Никакого тщеславия, никакого эгоизма. Очень и по-хорошему простой, чем сильно отличается от мужчин, с которыми приучала себя иметь дело.

И, увы, никаких амбиций. Даже в музыке, где так блистал. Спросила его прямо, почему, но так и не поняла причину.

— Риш, если начну делать это исключительно из соображений коммерческой выгоды, это уже будет не музыка, а бизнес.

— Слушай, так сотни музыкантов превратили хобби в бизнес...

— Это все равно что продать душу дьяволу. Ты вроде как занимаешься любимым делом, но это уже работа, а не способ самовыражения. Себе ты больше не принадлежишь.

Такая позиция злила, и на какое-то время помогла мне вернуться во времена той самой нейтральности. Недостатки друга всегда воспринимаешь философски, другое дело, если это недостатки... Не друга.

Впрочем, во время занятий танцами нейтральностью и не пахло. И мне это нравилось. Нравилось чувствовать его тело как свое, подчиняться и подчинять. Нравилось дразнить и прикасаться, отвечать улыбкой и смехом на его улыбку и смех. Нравилось чувствовать его так близко: силу, нежность, спокойствие и страстность, настойчивость. Ритм бурлил в нашей крови, срывал покровы запретов, заставлял быть смелее, более жадными, отзывчивыми.

Тамара, скептически кривясь и будто не веря глазам своим, заявляла, что у нашей пары открылось второе дыхание или же мы все-таки неожиданно нашли друг друга.

Конечно, я знала, куда это ведет. И чувствовала: подсаживаюсь на аргентинское танго с Лексом, как на наркотик, потекаю своей тяге. Так не пойдет. Поэтому, когда абонемент истек, поставила Романова перед фактом.

— Я тут подумала, просчитала бюджет. В общем, приоритеты придется пересмотреть, от чего-то отказаться. Решила отказаться от танцев.

Лекс, подсушивавший на сковороде чиабатту для нашего завтрака, на который решила сделать брускетты, неприятно удивленный, оглянулся на меня:

— Не надо. Ты же сама говорила, что это держит тебя в тонусе не хуже фитнеса, который ненавидишь.

Пожала плечами.

— Ну знаешь, не до жиру...

— Я заплачу за нас обоих, — резко выдал он, выкладывая хлеб на разделочную доску.

— Романов, — прикрикнула я, забросив возню с авокадо. — Прекрати немедленно! Не заставляй меня чувствовать себя еще более жалкой. Я все решила. А танцы вполне можно и велосипедными прогулками заменить, выйдет дешевле.

С минуту мы сверлили друг другу непримиримыми взглядами. Как и всегда, через минуту Лекс смягчился.

— Ладно, уговорила.

После этого запал ушел и у меня, потупившись, я продолжила:

— Отказываюсь я, тебе вовсе не обязательно. Ты сможешь продолжить, там вон Оксана без партнера осталась...

— Я ходил туда ради тебя, — отрезал недовольный друг.

Мои брови взлетели вверх. Никогда он и слова об этом не говорил. Я всегда считала, что, пусть и притащила его в студию, он стал настолько вовлеченным, что уже не имело значения, как все начиналось. Выходит, ошибалась. Его двигателем была я, а теперь жестоко «заглохла».

Что ж, похоже, вполне смогла бы победить в двух номинациях одновременно: мисс Разочарование и мисс Разочарованность.

Третьим открытием стала кулинария. Оказалось, что приготовление блюд разной сложности — замечательная отдушина для того, чей мир рухнул в одночасье. Чуть позже я где-то вычитала, что воплощение в жизнь рецептов и придумывание новых в некоторых

случаях дарит человеку иллюзию контроля над ситуацией. Мол, ты потеряла себя и понятия не имеешь, как выбраться из выгребной ямы, тогда вперед — на кухню, к ножам, кастрюлькам, специям и ингредиентам.

Ответа на вопросы почему и что дальше в утвари и рецептах я не получила, зато замечательно отвлекалась, адаптируя блюда высокой и не очень кухонь к реалиям быта среднестатистической российской пары. Случалось, мы возились вместе с Лексом. Под моим чутким руководством он пассировал овощи, помешивал соусы, месил тесто. В большинстве «сеансов» совместное пребывание на кухне превращалось в анекдот, мы шутили, поддразнивали друг друга, смеялись, болтали о всяких глупостях, спорили, вспоминали что-то из прошлого (общего и отдельного). Потом садились пробовать приготовленное.

Для этого я накрывала стол в большой комнате и доставала плотные салфетки из запасов родственницы Романова. Вот такой своеобразный поход в ресторан... В выходные такие «посиделки» завершались тем, что Лекс играл мои любимые песни из репертуара «Чайфа» и «Сплин», потом я в шутку отбирала у него гитару, воспроизводила единственный выученный в далеком детстве аккорд и покорно соглашалась получить урок музыки.

Любой из этих вечеров почему-то казался в сотни раз лучше, чем все вместе взятые из той моей жизни, что хотела вернуть. Без сомнения, после буду очень скучать по ним. По их теплу, беззаботности, по искренности, мягкой и дразнящей улыбке Лекса, прикосновениям его пальцев, обучающих мои, по лукавому блеску в серых глазах.

— Определенно, такую дружбу, как наша, следовало бы запатентовать, разливать в бутылочки и предлагать как эталон, — шутливо заявила я и проказливо взъерошила волосы парня, убравшего гитару.

— Думаешь? — закончив, Лекс поймал мои расхулиганившиеся руки, пристально всмотрелся в глаза. — По-моему, за рамки дружбы мы вышли.

Нарочито покачала головой, ощущая: каким-то образом разговор свернул в опасное русло. Вытащила свои руки из его больших ладоней.

— А по-моему, нет. Дружба, она вполне способна развиваться и расширяться. Или иссыхать и сходить на нет.

Лекс прищурился, лукаво улыбнулся:

— Время покажет.

На первую велосипедную прогулку мы отправились накануне праздника. 12-го оба работали, поэтому воспользовались выходным и отличной погодой.

Я любила это время. Первые дни лета, когда оно еще только начинало свой путь, словно познавало себя, любовалось отражением в холодно-голубом небе. Солнце скорее ласкало, чем томило до изнеможения, а его тепло было больше материнским и нежным, чем опаляющим и безжалостным. Дорожки в парке опутало кружево тени деревьев, трепетное и дарящее приятную прохладу. Час был достаточно ранний, часто встречались любители аутворка, бегуны. Мы изредка переговаривались, выстраивая маршрут, в голове наконец царил восхитительный вакуум... Хорошо...

Около полудня мы перекусили в стрит-кафе и покатали по центральной аллее на пляж. После многочасовой езды с непривычки я устала и хотела посидеть и отдохнуть. Лекс, как обычно, держался и подшучивал надо мной.

— Ты хоть доберешься до пункта проката? Или предпочтешь на своих двоих? — спросил, когда мы уселись на скамью. Он даже подложил мне под попу свою сложенную толстовку, чтобы помягче было.

— Даже не знаю... — притворилась задумчивой и обессиленной. — Предпочту на твоих двоих.

Мы рассмеялись.

— Рина! Эй, Марина! Королева! — услышала я голос справа.

Оглянувшись, напряглась. Шансов встретить Дашку в «Солнечном острове» был один на миллион, а в день, когда и я в этом парке оказалась, — вообще ноль целых одна сотая. Но тем не менее... Хвостова, в симпатичной широкополой шляпе и сарафане в стиле Шанель, активно махала мне рукой, подзывая.

— Это кто? — Лекс с явной неприязнью разглядывал Дарью.

— Моя подруга. Я отойду. Подожди меня минуту, ладно?

Романов неодобрительно нахмурился, но кивнул.

Шла неторопясь, собираясь с духом и мыслями, оценивая и жадно вбирая взглядом наряд Хвостовой, туфли, сумочку явно из последней коллекции... Шикарно. Дарья обладала вкусом в той самой нужной пропорции, когда умело подбираешь простые образы, стоимость которых превышает сотню тысяч. Сама я нет-нет, да склонялась в сторону вычурности и помпезности, чем вызывала у Дашки недовольство и поток замечаний.

Обязательно вернусь к работе над собой, продолжу вывозить деревню из девушки.

Интересно, она уже простила мне Решетникова? Или стоит приготовиться к издевкам и скрытой злости?

— Привет, — Хвостова улыбнулась так, как обычно. Равнодушно рассматривала меня: дешевую белую футболку, леггинсы, кроссовки, собранные в высокий хвост волосы, лицо практически без макияжа. — Выглядишь... замухрышкой. И даже вызываешь у меня сострадание.

Она усмехнулась одним уголком накрашенного нюдовой помадой рта.

— Ты как здесь вообще оказалась?

«Комплимент» заставил меня скривиться, но решила быть дружелюбной, если уж ко мне сострадание проявляют. Может, даже удастся воспользоваться...

Дашка махнула рукой вправо, в сторону веранды скрывавшегося в густой тени деревьев ресторана, пока заполненной лишь наполовину.

— Да выбралась со старой знакомой прогуляться, а она меня в эту дыру привела. Ты как вообще? С Максом точно все кончено?

Поджав губы, я кивнула.

— А кто этот милашка с тобой?

Дарья перевела взгляд за мою спину, разглядывая Лекса с явным интересом, в темных глазах мелькнул непонятный огонек. Почему-то захотелось отвесить ей оплеуху и предупредить, чтобы и не думала смотреть на Романова как на кусок стейка на тарелке в дорогом ресторане, восхищаясь мастерством шефа.

— Мой друг, — обронила прохладным тоном.

Брови Хвостовой взлетели на лоб в удивлении. Зараза! Догадалась, что все непросто...

— Хорошее определение, — хитро улыбнулась. — Ты мне скажи, сколько удалось поиметь с Решетникова? — перешла на деловой тон.

Я отвела взгляд, вздохнула.

— Бля! — выпалила Дарья, стиснув сумочку. — Королева, только не говори, что ничего! Что ушла голой! И это после двух лет, что эту сволочь ублажала!

Не буду говорить, раз так просит. И не расскажу о том, почему так случилось... Напоминания о бывшем вызывали тошноту и неприятие. По коже поползли мурашки, а солнечный свет будто потускнел, в висках заколотилась боль. Невыносимо захотелось помыться, до красноты натирая кожу грубым скрабом, снимая слой, в который будто впитались страх, бессилие и отвращение.

— И где ты теперь обитаешь? — спросила Даша, когда успокоилась. На это потребовалась долгая минута.

Я усмехнулась:

— Нашелся добрый человек, который меня приютил.

И вроде нейтрально заявила, ничем себя не выдала, но взгляд Дашки снова метнулся к Лексу.

— Твою ж мать, — хохотнула она. — Ты живешь у него!

— Слушай, Рин, — Дарья обхватив мой локоть, заставила сделать шаг вперед, встать так, чтобы ей удобно было изливать какие-то секреты мне на ухо. — Я все понимаю, он красавчик, вы еще и друзья, но, если продолжите спать вместе, ты запутаешься в этом, застрянешь. Прилипнешь, как муха, подсядешь на его член и чувства, как на наркоту, и так и останешься никчемной молью, матерью и домохозяйкой. Поэтому мой тебе совет: съезжай, перерубай все нахрен. В этом парнише ноль амбиций, по нему видно, что он так и будет жить на гроши в каморке на окраине. Бесперспективно, дорогая. Оставить можно лишь для перепихона для души, если уж ты в этом нуждаешься.

Я изумленно уставилась на нее, хлопая глазами.

— Мы не спим вместе и не собираемся, — выпалила зло.

Хвостова осуждающе покачала головой:

— Собираетесь, моя дорогая. Этот взгляд у парня я ни с чем не спутаю. Да и за тобой наблюдала, когда вы только примостились на этих лавочках. Ты хочешь его, он хочет тебя, это ясно как божий день.

— Господи, мы просто друзья, — отрезала я, вырывая руку и отступая от Хвостовой, улыбавшейся будто всезнающий дьявол. — Мы дружим с универа, считай как брат и сестра

уже!

Дашка выразительно закатила глаза. Еще пару минут мы с ней боролись взглядами, я скрипела зубами, Хвостова будто мысленно иронизировала надо мной (ухмылочка выдавала).

— Ладно, тебе виднее, — пожала она плечами с нарочитым равнодушием. — Кроме того, предупреждена, значит, вооружена. Я тут подумала, что слишком жестоко поступила, когда послала тебя и обижалась... Короче. Протягиваю руку помощи, подруга.

Я замерла, едва веря своим ушам.

— В эту субботу Рафик собирается с друзьями. Парочка уже занята, но будут те, кто в поиске. Я тебе напишу, кто именно. Ну и общие сведения, чтобы ты знала, как действовать. В целом, мужики как мужики, со своими загонами, но подход найти можно. Вероятно, не сразу. Сначала придется, как говорится, за просто так покрутить любовь.

Предложение, на первый взгляд, действительно являлось моим шансом. Даже неслыханной щедростью со стороны Дарьи, непонятым доверием... Своего Рафика она рьяно охраняла от хищниц, в число которых и я, по ее мнению, входила (даром, что существовал негласный кодекс не отбивать мужчин у своих наставниц). А тут я не только его впервые увижу, но и получу доступ к его друзьям. Насколько сильно мне радоваться? Или озадачиваться? Судя по рассказам Хвостовой, этот круг — как кубик Рубика, чтобы собрать за энное количество минут, требуются сотни тренировок. Для этих мужчин женщины были как предметы мебели, игрушки. Дашку спасало только одно: она сквозь пальцы смотрела на то, что у Рафика не единственная любовница, что есть еще жена, дети... У меня же были совершенно другие цели. Их я не собиралась менять.

— Мы подстроим все так, будто случайно встретились в том клубе, — продолжала Хвостова, на ходу продумывая план. — Типа столкнемся где-нибудь на входе, я тебе обрадуюсь, мол, сто лет не виделись, представлю, попрошу, чтобы ты с нами время провела, а дальше уже ты сама знаешь, как действовать. На двух перспективных я тебе накануне укажу. Оденься во что-нибудь красное. Макияж лучше смоки, а помада кармин. Волосы чуть подкрути и распусти.

Я поморщилась:

— По-моему, буду выглядеть слишком развратно, как в стриптиз-клубе. Останется только бирочку прикрутить с суммой.

Даша рассмеялась, похлопала меня по плечу:

— Риночка, именно там они и ищут себе красоток.

— Девоч, — брезгливо поправила я. — Я не из таких.

— Нет. Но это еще придется им доказать. Так ты принимаешь мое предложение?

Принимать не хотелось. Тошнота снова вернулась, под ложечкой холодило отторжение, какое-то неясное предчувствие. Не для меня такие мужчины... Но то, что предложила Дарья... Словом, отказ станет равносильным предательству и точкой в нашем общении. Терять такой контакт я не была готова. Хвостова мне сейчас нужна даже больше, чем обычно, пусть и есть Илона.

— Принимаю.

— Вот и умничка, — Дашка на секунду обняла меня, чмокнула воздух рядом с моей щекой. — Напишу тебе потом. Все, я побегу, подружка заждалась. Пока-пока!

И, быстро развернувшись на высоких шпильках, буквально упорхнула в ресторан. Я несколько секунд растерянно смотрела ей вслед, затем, устало выдохнув, зашагала к Лексу.

— Кто это? — спросил хмурый Романов, не переставая инспектировать меня взглядом.

— Старая подруга, — улыбнулась я успокаивающе.

Разумеется, говорить ему, куда собралась в субботу, нельзя. Но и уйти, не уведомив, — идея плохая. Вот же черт! Такое впечатление, будто мы с ним пара и имеем обязательства друг перед другом.

— Не похожа она на старую подругу, — мрачно констатировал Лекс. — Что она хотела?

— Она позвала на день рождения и, знаешь, я решила пойти. — Опустив глаза, я ладонью разгладила его футболку на груди, вздохнула. — А что такое? Что не так? — и пытливо заглянула в его лицо.

Хмуриться Романов перестал, но то, что напрягся от моих прикосновений, — факт. Права ли Дарья? Действительно ли испытываемые им чувства далеки от дружбы?

Чушь! Мы столько лет общаемся. И мы оставались, остаемся и останемся только в этих рамках.

— Она мне не нравится, — объяснил Лекс.

Поразительно: не то Романов хронически не переваривает «охотниц» и глух к их чарам, не то интуиция у него так отлично развита, что чувствует двойное дно.

— Но и запретить тебе не могу, ты уже большая девочка и понимаешь все прекрасно. Когда этот день рождения?

— В эту субботу.

— Черт! У нас выступление, думал, ты придешь...

Он расстроено потер лицо руками, потом повернулся и пошел к нашим велосипедам.

— Ну не расстраивайся. — Положила руку на крепкое плечо, когда приблизилась. Было приятно ощущать горячую кожу под тканью, а если преграду убрать, наверное, стало бы приятнее в тысячу раз...

Сбросив наваждение, отошла, схватилась за руль своего велосипеда. Пообещала, глядя в серые погрустневшие глаза:

— Я обязательно буду в следующий раз. И в следующий! И во все другие.

Романов криво усмехнулся.

— Врушка. Знаешь же, что иногда жизнь сильнее наших планов.

Этот сон приснился утром в субботу. Не кошмар, но и приятным его не назвать. В нем было что-то тревожащее, пугающее, противоречивое и темное.

Я танцевала. На какой-то погруженной во тьму сцене или, может, подиуме... Лишь вдали одинокий прожектор прорезал мрак резким лучом, выхватывая пустоту, в которой плавали пылинки. Шаги, повороты, поддержка, изгибы, ритмичное дыхание, рваные движения, символизирующие сдерживаемую страсть. Шуршало легкое красное платье, короткое спереди, волочащееся по полу воланами сзади, чуть пружинили старые доски под туфлями на шпильке.

Кто-то был рядом. Лицо всегда оставалось в тени. Лозой обвивалась вокруг этого мужчины, ощущала крепкую хватку, сильные плечи, бедра, горячую кожу и дыхание, испытующий и жадный взгляд. А потом он вдруг исчез и я, кружась, полетела вниз, упала. Долго неподвижно лежала, и вдруг сверху из темноты на меня посыпались красные, как кровь, лепестки роз. Цветочный запах забил ноздри, я начала задыхаться и в этот момент

проснулась.

Было около шести утра и, как ни пыталась, заснуть снова не смогла, поэтому поднялась и отправилась на кухню. Занялась круассанами.

— Ты чего так рано подорвалась? У тебя же выходной, — спросил Лекс, заходя на кухню и почесывая подбородок.

Небритый, заспанный, лохматый и слегка помятый после сна, парень заставил меня улыбнуться. Мысли о непонятном сне наконец-то оставили сознание. Отвлеклась от раскладывания ветчины на тесто, оглядывая обнаженный торс Романова, залипла взглядом на животе с дорожкой темных волос, убегающей под резинку пижамных штанов, которые сидели на бедрах неприлично низко.

— Да так. Не спится, — отрывисто пояснила, отворачиваясь.

Прокатившийся по телу жар тут же вытащил воспоминания о разговоре с Хвостовой тогда в парке. После той встречи я тщательно проанализировала ситуацию, свои чувства... Да, бессмысленно отрицать эту тягу к Лексу, но мы прежде всего друзья и, скорее всего, все пройдет, когда для меня начнется новый этап жизни, я перееду и приступлю к реализации «проекта» с другим мужчиной.

— Какие планы на день? — поинтересовался Романов, поставив на плиту чайник.

— Потратить аванс, — улыбнулась я.

Буквально вчера выпросила у начальницы аванс, разжалобив ту «семейными обстоятельствами». Требовалось купить подходящее платье, сделать прическу, привести в порядок лицо, ногти... Вряд ли полученной суммы хватит на все.

Задумавшись, я сворачивала треугольнички будущих круассанов. На душе вновь стало... мутно. Предчувствие? Растерянность? Злость? Страх? В любом случае, это не лучшие эмоции в данный момент, когда нужно собраться, чтобы вернуть себе свою жизнь.

— Давай пообедаем вместе, — предложил Лекс, усаживаясь за стол с чашкой растворимого кофе. Я поморщилась, глядя, как друг размешивает сахар, надула губы. Как ни пыталась приучить его к нормальному кофе, который готовила по пяти разным рецептам, его все равно тянет к этой жуткой дешевой бурде.

— Можно, — согласилась, перевернув в уме планы и маршруты. — Буду около двух ждать тебя на нашей лавочке.

Мы часто обедали вместе последние две недели. Меня как раз перестали воспринимать как бесправную рабыню, и старший менеджер любезно признала: я достойна поесть не в закутке подсобки за четверть часа, а уйти на сорок минут в кафе. Романов, узнав об этом, тут же набился в компанию, впрочем, была совсем не против. Мы ели в одном и том же месте на первом этаже центра, и всегда Лекс поднимал настроение, которое портилось уже в первые минуты рабочего дня, шутками, подколками, забавно таская еду из моей тарелки или подкладывая мне куски из своей.

— Пахнет вкусно, — довольно протянул Лекс, когда намывала сковороду. — Когда будут готовы?

Обернувшись, я коварно усмехнулась:

— Через двадцать минут. Но! Романов, обмен!

Темные брови нарочито сердито сошлись на переносице, но парня выдавали смешинки в серых глазах.

— Какой обмен?

— Давай сюда свою бурду, — протянула руку в перчатке, требуя кружку. — Иди-ка в

душ, одевайся, а я пока сварю нормальный кофе. Будет тебе достойный завтрак.

— Риш, — Романов, протонав, закатил глаза, — это тоже нормальный кофе, он классный, ничего ты не понимаешь.

— Кружку, — предупреждая улыбаясь, вновь потребовала я.

— Вот язва.

— Я блондинка. Мы все стервы, — парировала в ответ.

Покачав головой, больше разыгрывая недовольство, чем реально испытывая его, Лекс встал, приблизился. Вручив мне наполовину опустошенную кружку, он неожиданно притиснул меня к мойке, положил обе ладони на ее край, «запирая». Зашептал в ухо, тревожа щеку дыханием, вызывая приятные мурашки и волнение:

— Клянусь, что перестану пить эту бурду, как ты выражаешься, если ты поклянешься каждый день варить мне кофе. Ну или не каждый, я ж все-таки не тиран. Разрешаю и чай заваривать.

Я хихикнула.

— Романов, ты, по-моему, оборзел в край. Кажется, я перекормила тебя, — шутливо двинула ему локтем в бок, чтобы избавиться от странной и совсем не дружеской близости.

Он тут же обхватил мои плечи.

— Приручила, — поправил, усмехнувшись в ухо, обдав теплым выдохом, а после отпустил, отправился в душ.

Тряхнула головой, прогоняя пробежавшую по телу истому. Черт, все-таки очень не хватает танцев с ним, его объятий, ощущения крепких мышц, рук, поддерживающих, ласкающих. Зря отказалась продлевать абонемент.

... Если утро и день прошли интересно, жди тяжелого вечера. Этот как раз и был таким. Практически «рабочие» часы, ношение маски, от которых за время жизни с Решетниковым успела отвыкнуть. Но пора возвращать себе старые привычки: не «свои» платья, как вот это, красное, которое приобрела с прицелом на вкусы мужчин, описанных Дашкой, громкий легкомысленный смех, постановочные позы, улыбки, фразы, беспрестанный анализ флирта, расчет, который скрываешь за образом милой гламурной дурочки.

Впрочем, мне все стало ясно с первых же минут появления в этой компании.

Все задуманное мы с Хвостовой разыграли как по нотам, потом прошли в VIP-зону, уселись за столик. Семеро мужчин, одинаково шумные, разбитные, уже слегка навеселе. Спутницы были у троих, включая и Дашиного Рафика. Я же присматривалась к двоим, Ильдару и Марату, согласно инструкции... Владельцы строительного бизнеса. Старше меня примерно вдвое. Слишком похотливый, раздевающий взгляд — им явно не нужна постоянная подруга. Комплекция у обоих такая, что тренажерный зал сильно сучает и давно зовет, но позиционируют себя альфа-самцами. Нет, наверное, тут можно было бы работать, но корпеть явно придется не один год, чтобы предприятие увенчалось успехом.

Вызовы не пугали меня, главное ведь — воля и практический, мудрый подход. Я не спасовала бы и здесь, но... это просто не мое. Не хочу.

Клуб был замечательный: элитный алкоголь и дорогие закуски, профессиональные, мастерски поставленные танцевальные и песенные номера, бесшумные и выдрессированные официанты, танцпол, дамская комната высшего класса... Потрясающее заведение, новое, прежде в нем не приходилось бывать. Сам процесс «поиска» вообще никогда не был для меня чем-то тягостным, изматывающим, как, например, для Даши. Я наслаждалась

вниманием, четко срежиссированным общением и знакомством даже в том случае, если с самого начала было понятно: нет, не мой вариант, мимо. Мне нравились шум и движение, запах дорогих алкоголя и сигарет, яркость, эксклюзивность, шик, то, как преломляется жизнь в блеске бокалов, зеркальных и хромированных элементах декора, а также в глазах мужчины, которого ты уже раскусила и теперь направляешь по нужному руслу. В какой-то степени я все это любила, но сегодня... Было иначе. Что именно иначе, не понимала, и это беспокоило.

Такое впечатление, будто реальность оказалась чем-то инфицирована. Она по-прежнему воспринималась управляемой идиллией-квестом, но ежеминутно кололо осознание: все фальшь, все гниль, все пустота.

Хвостова чувствовала себя «под кайфом». Так она называла те вечера, когда и окружение, и мужчина рядом полностью удовлетворяли ее запросы и возносили на тот трон, где она была настоящей королевой. Две другие девушки, явно нашего с Дашей круга, такие же «охотницы», подчеркнуто меня игнорировали, всюю скрашивали досуг своих мужчин, много и звонко смеялись и секретничали друг с другом.

Ильдар и Марат сидели по обе стороны от меня и в самом начале шутливо соперничали за внимание. Я артистично и ловко смахивала их лопатообразные, пухловатые руки то своих колен, то с талии, то с плеч. Каждый раз, от каждого их фальшивого комплимента, от каждой улыбки, подмигивания в желудке зарождалась тошнота, я запивала ее фирменным сладковатым коктейлем, уговаривала себя побыть здесь еще немного, не выставляя себя трусихой или морально побитой Максом и продолжала игру.

Потом Ильдар «отвалился», видимо, заскучал, заметив, что добыча не стремится в расставленные силки. Он ушел к бару и после, уже когда уходила, увидела, что мужчина обхаживает двух блондинок из элитных.

Марат же позвал меня на танцпол. Уже через минуту медленного танца его руки сползли на мой зад, начали оглаживать его нагло и по-собственнически.

— Ну это очень не по-джентльменски. Против правил, Марат, — укорила я с улыбкой, пытаюсь убрать ладони со своих ягодиц.

Господи, до чего же он мерзок! Не припомню ни одного мужика, которого бы сочла таковым. Раньше плохие впечатления всегда сглаживали либо их щедрость, либо умение держать руки при себе, либо бездна обаяния.

— Против каких правил? — вздернул он брови, рассмеялся. — Правила здесь устанавливаю я.

Наклонившись, он вдохнул запах моих волос у виска, прикусил раковину уха. Меня передернуло от отвращения, попыталась оттолкнуть его, но не вышло, он только усилил хватку на моей заднице.

— Ты очень вкусно пахнешь, — довольный, поделился он наблюдением, обдав выдохом. От тяжелых алкогольных паров затошнило.

Он не заметил или не смог растолковать мою реакцию на него. Еще и глуп плюсом ко всем прочим недостаткам. Вкусно пахну? Ага, прошлой жизнью, из которой утащила флакон французских духов. Пока такие мне не по карману.

— Поехали развлечемся в другое место. Клуб, конечно, хорош, но я говорил Димке, что здесь гостиницы не хватает. Очень удобно было бы. И клиентов было бы в разы больше. Но он идиот, захотел шикарное заведение, но без возможности комфортно потрахаться. Прогорит, это я тебе обещаю.

Я сглотнула горькую слюну и, нахмурившись, уставилась на мужчину, сейчас откровенно прижимающего меня за бедра к своему напряженному паху. Не в новинку было выслушивать такие предложения, но вот сегодня...

Внутри все заледенело, захотелось в туалет — опорожнить желудок. Перед мысленным взором почему-то мгновенно встало лицо Решетникова, побагровевшее от гнева, со злыми, пустыми глазами. «Дрянь. Мразь. Шлюха и гадина. Ты кукла. Секс-игрушка», — зазвенели в ушах его слова. И я будто снова ощутила его вес на себе, шарящие по телу потные руки. Задрожала.

— Нет... Я не хочу, — пролепетала беспомощно. Лицо не удержала, Марат увидел перед собой напуганную и растерянную девушку, потерявшую маску уверенной красоты.

Увидел, но понял неправильно...

— Сколько тебе перевести? Видишь, какой я добрый, пока разрешаю тебе набивать себе цену, — усмехнулся, грубо зарываясь пятерней в мои распущенные волосы.

Еле удалось прогнать сковавший меня ужас, парализовавший все тело. Тряхнула головой, вырвалась и отступила на шаг. Все, этот вечер закончен, этого мужчину больше никогда не увижу. Надо взять себя в руки, успокоиться. Он не тронет меня...

Смелости придало и появившееся расстояние между нами. Здесь и сейчас надо четко обозначить границы, защитить себя. Спасти.

— Нисколько. Мне ничего не надо. Я сама выбираю, деньги тут вообще ни при чем, — ответила слабым голосом, но твердо, глядя в темные, ничего не выражающие глаза.

Марат сложил руки на груди, мрачно улыбнулся.

— Ничего ты не выбираешь, не п...ди, — заявил с превосходством. — Все в сумму упирается и во время, которое я готов тебе ее отстегивать.

Покачал головой:

— Знаешь, на упертых и ломающихся сук у меня не встает. Так что момент упущен, куколка. Пока!

Развернулся и ушел, оставив меня посреди танцпола среди медленнодвигающихся под музыку пар. И меня затопило облегчение. А следом пришел новый страх, заставив поежиться, обнять себя. Что здесь сейчас произошло? Почему я так отреагировала? Что именно ввело меня в это непонятное оцепенение? Означает ли это, что теперь секс всегда будет для меня ассоциироваться с формой насилия? Наказанием?..

Не стала прощаться с Хвостовой, кинула ей короткое сообщение о том, что уйду. Она спросила в ответ, с Маратом ли я, но ничего писать не стала, сама скоро поймет. Такси ждать долго не пришлось. В машине взглянула на часы: выходит, пробыла в клубе от силы два с половиной часа. Рекордно короткий срок...

Я могла еще успеть на выступление группы Лекса, но что-то удержало от того, чтобы назвать адрес «Игуаны», изменить маршрут. Мне требовалось побыть одной, зализать раны, понять себя. Не надо Романову видеть меня такой: испуганной, запутавшейся, в необъяснимом раздразне.

Всегда считала себя очень практичной, рациональной, волевой, всегда оптимистично смотрела на мир, и теперь неспособность найти ответ на самый простой вопрос нервировала, зудела и даже вызывала панику, понимание того, что я в тупике.

Вынужденные минуты безделья не помогали. В стрессе мне всегда хотелось куда-то нестись, делать что-то трудоемкое, я же вынуждена смотреть в окно на сменяющие друг друга, но однотипные улицы, ярко светящиеся вывески, разноцветную подсветку у зданий и

скверов. Все же самое замечательное время — ночное. Темнота скрывает всю грязь, убожество и неустроенность, а фонари высвечивают именно те стороны, которые нужно, преобразуя плохое в хорошее, а местами — в мистически прекрасное. Это как с вечерним макияжем, когда все не то, чем кажется...

Дома, захлопнув за собой дверь и закрыв ее на оба замка, я сбросила туфли и устремилась в ванную. Под душем простояла около получаса, безжалостно расставаясь с укладкой, макияжем, натирая тело скрабом и мочалкой. Надо было смыть с себя даже воспоминания о минувших двух с половиной часах, проведенных в клубе, молчу уже о запахах, следах прикосновений.

Когда, закутанная в полотенце, вышла, увидела пришедшее от Лекса сообщение: «Надеюсь, ты там веселишься за нас двоих, а то мне без тебя здесь скучно и пусто. Но день рождения — святое, как я мог не отпустить тебя к воздушным шарикам, шампанскому и милым женским сплетням?»

Положила телефон и, ссутулившись, оперлась обеими руками о письменный стол. На меня обрушилось понимание: мы с ним совершенно разные и никогда не будем едины, не надо обманывать себя. Он слишком бесхитростный, светлый, такой, будто никакая грязь мира никогда его не касалась и не коснется. А я... Я — часть этого грязного мира. Лицемерная, расчетливая. Стяжательница.

Из глаз вдруг хлынули слезы. Наверное, снова настал тот момент, когда следует пожалеть себя, дать мраку полностью накрыть и настоящее, и будущее... Десяти минут хватит.

Когда истерика и слезы чуть отпустили, я скинула полотенце, натянула нижнее белье, шорты и, с особым удовольствием, футболку, которую забрала у Лекса. Все будет в порядке, нет таких проблем, которые нельзя решить, надо просто верить и интенсивнее работать руками и ногами, чтобы выбраться с этого дна.

Где-то до часу ночи я мыла, чистила, пылесосила, намеренно изматывая себя, запрещая думать, раз за разом стирая, дезинфицируя вывод о том, что заблуждаюсь, выбираю неверный путь. Чушь! Помню, увидела как-то у одной из одноклассниц на ее страничке отличные слова очередного великого: «Постарайтесь получить то, что любите. Иначе придется полюбить то, что получили». Вот последнего я как раз не хочу.

— Дословно вспомни, что ты ей сказала, — распорядилась Валентина, старший менеджер, с успехом заменявшая вечно отсутствующую заведующую, сверлила меня неприязненным и колким взглядом.

Я закатила глаза.

— Она смотрела базы под макияж. Сначала спросила про лучшие бренды, потом — про тон. Я сказала: «Вы зря потратите деньги. Сначала нужно убрать следы акне да и само акне. Потратьте деньги на косметолога. Вот мой совет».

Я смотрела в глаза Валентины, густо залепленные накладными ресницами, и чувствовала одно: смертельно устала, хочу послать всех нахрен и лечь спать.

Ночь выдалась бессонной, хотя, когда Лекс вернулся, старательно притворилась спящей. Прислушивалась, как он тихо ходил в соседней комнате, видимо, раздеваясь, как отправился

в душ, потом лег.

Раньше, в тех случаях, когда мы не возвращались вместе, всегда ожидали друг друга. Обзавелись привычкой болтать на ночь о том, о сем, сидя за кухонным столом, запивая чаем купленный или приготовленный мною десерт. Ну в основном, его ел Романов, я же просто наблюдала или со смехом воровала с его тарелки крем или крошки, или соблазнительные кусочки ягод...

Но вчера он лег без этого устоявшегося ритуала... И чувствовала: его это обеспокоило. Я слышала, как поскрипывал диван — Лекс тоже не мог уснуть. А утром, как бы тихо ни старалась двигаться, он мгновенно вскочил, словно лишь дремал, сторожил мое появление.

Я натянуто улыбнулась:

— Привет. Прости, не хотела будить.

— Ерунда, — он потер лицо, поскреб пробивающуюся щетину. — Как вчера все прошло? Ты неожиданно вернулась раньше меня.

Я пожала плечами и прошла на кухню.

Не хотелось с ним говорить. Та стена между нами, которую вчера ощутила впервые и которая царапала острыми фрагментами поверхности, холодила душу, сегодня никуда не делась, а будто даже выше и прочнее стала. Эта стена защищала прежде всего меня саму. Мне нужно было время, чтобы собрать себя по кусочкам, чтобы перестать бояться непонятно чего, чтобы разобраться. Загвоздка в том, что я не знала: что именно разбилось, в чем именно нужно разобраться?

Я соорудила горячие бутерброды, сварила кофе, но успела сделать лишь несколько глотков, когда на кухню зашел Романов. Пробормотав, что как раз сегодня мне нужно быть на работе пораньше, оставила его одного, мгновенно помрачневшего, растерянного, обулась в прихожей, подхватила сумку и ушла.

Паршиво начавшийся день и дальше покатился по наклонной. Люди бесили и раздражали больше обычного, трескотня девчонок-сотрудниц вызывала головную боль и потребность нецензурно осадить их.

Я не знала, что происходит... Казалось, теряла связь сама с собой. Это было много хуже того вечера, когда ушла от Решетникова. Тогда мысли заняло составление плана, бурливший в крови адреналин требовал собраться, не поддаваться панике, эмоциям. Тогда все быстро определилось: есть трудности, их надо преодолеть. Теперь же... все словно осыпалось пеплом, стало зыбким, призрачным, странным.

Лучше всего помог бы разговор с Романовым. Лекс быстро бы нормализовал мое настроение, самочувствие и потерявшее фундамент мировоззрение дружескими объятиями, шуткой, ценными и чисто мужскими умозаключениями. Но любая такая беседа означает, что я должна быть откровенна. И если раньше могла себе позволить раскрыть все на девяносто процентов, пожаловаться и посетовать, как несправедлива жизнь, то как раз сейчас откровенность была под запретом.

А потом пришла ярость. Она не была кипящей, а скорее текла ровной рекой, затапливая душу, заставляя всех ненавидеть. Сначала все же заткнула вдохновенно болтавших о шмотках Алину и Леру (второй час уже пошел их обсуждению, достали!), потом сказала правду мадам, искавшей, чем же замазать свою пятнистую рожу. Той, как выяснилось, не понравились, во-первых, мой тон, во-вторых, посыл. Видите ли, усомнилась в ее безупречности и в мантре продавца «Клиент всегда прав».

— Все это можно было сказать более... Иносказательно, — вынесла вердикт

Валентина.

Помассировав виски, прикрыв глаза, она выдохнула и через долгую минуту заявила:

— Марина, ты хороший работник, хотя и любишь долгие обеды со своим парнем. Но вот такое поведение... Знаешь, если бы это была просто левая тетка, которая явилась за покупками, я бы просто ограничилась замечанием и предупреждением. Но тебе не повезло: это хорошая подруга нашей заведующей...

Я не удержалась, фыркнула.

— Окей, все понятно, — кивнула и начала развязывать дурацкий платок, вечно мешавший и натиравший шею. Прощай, хомут!

— Сейчас напишу заявление на увольнение по собственному.

Когда вручала листок Валентине, хотелось громко и зло расхохотаться. Но не стала этого делать, поглощенная потрясающей мыслью: я свободна. Совершенно свободна от этих людей, тупых покупательниц, вообразивших себя царицами, и их ограниченных вкусов, от необходимости притворяться той, которой не являюсь, вставать ни свет ни заря, волноваться из-за потери работы.

Эта мысль окрыляла и одновременно приводила в отчаяние. Жизнь продолжала рушиться как картонный домик, а я по-прежнему ничего не контролировала и не представляла, с какого конца начать разбирать этот хаос...

На карточке еще оставались деньги, не пожалела их, решив побаловать себя: прокатилась до любимого некогда винного и купила коллекционную мадеру. К черту все! У меня сегодня праздник. Первое увольнение, пустые карманы, потеря друга и странный психоз — это настоящий повод, чтобы выпить. Когда, если не сейчас?

Лекс пришел около девяти. Он несколько раз пытался дозвониться до меня, писал сообщения, но не реагировала.

К тому моменту, как он явился, я была в том самом состоянии, когда пьяное отчаяние мешается с экзальтацией и жадной деятельностью. Чтобы сделать как можно хуже и себе, и ему, я вынесла на помойку половину хлама, хранящегося в квартире (и не побожусь, что в пакеты попало только ненужное), потратила деньги с его карты, привязанной к озоновскому аккаунту, заказав постельное белье, кухонную утварь, пледы и что-то еще (покупка вылетела из головы сразу же, как я ее оформила). Он застал меня в большой комнате. Я сидела на диване и, широко улыбаясь, терзала гитару, пытаюсь вспомнить аккорд. Звучало ужасно, какая-то из струн, похоже, собиралась оборваться... Впрочем, мне хотелось мучений. И своих, и чужих.

Романов остановился в дверях и очень долго молча смотрел на меня. Явно шокировала его.

— Привет, сосед, — засмеялась я и, вскочив с дивана, бросив гитару на подушку, взяла с журнального столика наполовину опустошенный стакан (нужных бокалов у Романова в квартире не водилось, поэтому пришлось пить мадеру совершенно плебейским способом) и допила вино, не отрывая взгляда от лица парня.

А посмотреть было на что, да. Безмерно удивленные серые глаза быстро посерьезнели, рот твердо сжался, брови нахмурились. Лекс стал таким восхитительно обескураженным, напряженным, так пристально и цепко оглядел меня, одетую в шелковые, отделанные кружевами пижамные маечку и шорты, что расхохоталась, запрокинув голову.

— Ну сделай лицо попроще, Лекс, — попросила я, подходя к нему. — Тебе налить, кстати? Это коллекционная мадера. Нектар богов. Очень рекомендую. Думаю, ты никогда раньше не пробовал да и не попробуешь. Не с твоей зарплатой.

— Что празднуем? — спросил он тихо, явно сдерживая эмоции. Но они отражались в этих красивых глазах: немного гнева, тревога и решимость. Эх, Романов, меня ты никогда не обманешь!

— О! Меня уволили. Это раз. А два: я настоящая мразь. И поступаю как мразь. Все это ты не знал, а теперь знаешь. И это чудесно. Настоящее облегчение! Больше никакого притворства.

Я нагло растрепала волосы своего, кажется, уже бывшего друга, и ушла на кухню. Хозяина дома требовалось чем-то накормить. Пожалуй, приготовлю блюдо, которое всегда выручает ленивых, — омлет.

Из четырех яиц в миску попали только три. Выругавшись, я вооружилась бумажными полотенцами, присела, намереваясь убрать с пола растекшиеся желток с белком, скорлупу, но не удержала равновесия и плюхнулась на свои шикарные нижние 94 с половиной.

Смешки внезапно сменили жгучие слезы, заструившиеся по щекам. Неловко вытирала их ладонями, никак не могла остановиться, успокоиться...

— Рина, — Лекс легко поднял меня, подхватил на руки и понес в комнату.

— Пусти! — Я начала брыкаться, поэтому он поставил меня на ноги у стены рядом с двойными дверями.

— Ты ничего не понимаешь, ничего не знаешь, — всхлипывая, закрыла лицо руками.

Внутри бурлили желчь и алкоголь, подстрекавший вывалить на Романова все, что накопилось. Все. А иначе просто сойду с ума. — Тоже мне, помощник. Спаситель!

Стерев слезы, вскинула на него взгляд, прищурилась:

— Чтоб ты знал! Уволили меня из-за того, что я унизила покупательницу. Я потратила все последние деньги на дорогую хрень, которую, скорее всего, выблюю в унитаз. Я выбросила тряпье твоей идиотской тетки. И я не постеснялась опустошить твою карточку, затарилась новым хламом на Озоне! Доволен?

Выговорившись, я тяжело дышала, смотрела в потемневшие глаза Лекса, стоявшего практически вплотную, прижав меня к стене. Видела прорезавшую лоб крошечную складку, пробивавшиеся над верхней губой щетинки, ямочку на подбородке. Ощущала исходящий от него легкий запах мужского одеколona, самого простого, но сейчас почему-то напомнившего дорогие люксовые ароматы какой-то теплой, шикарной и шероховатой нотой. Ее, скорее всего, дала его кожа.

— Главное, чтобы была довольна ты, — произнес Лекс глухо. — Расскажи, что случилось.

— Я, блин, только что тебе рассказала! — выкрикнула, ткнув в его твердую грудь пальцем.

— Нет. Что произошло еще раньше? На дне рождения. Тебя кто-то обидел?

Я истерически засмеялась.

— Обидеть меня? Интересно, как это возможно? Я сама сделала из себя вещь, и если меня вещью назвали и поступили со мной как с вещью, то на что обижаться?

Лекс мягко обхватил мои плечи, наклонился к лицу, посмотрел пронзительно, требовательно.

— Марина, ты не вещь, — заявил уверенно.

Я вырвалась, стукнула ладонями по его груди.

— Вещь! И дрянь! Расчетливая и беспринципная. — Голос сорвался на всхлип. Ссутулилась, обхватив себя руками, ощутила вдруг, какая же жалкая, беспомощная.

— Но... я не хочу... Я не могу больше, понимаешь... Не могу так, а ведь надо... У меня нет ничего другого, только вот это...

Последние слова буквально шептала, закрыв глаза. Осознавала, что лечу в пропасть... В реальность вернули теплые руки парня, снова обхватившие мои плечи.

— Ты чудесная, потрясающая... Риш, я всегда восхищался тобой, — выдохнул Лекс в мое ухо. — Ты кажешься сильной, настоящим бойцом, но всегда чувствовал: ты очень хрупкая, слишком уязвима. Ты даришь столько света...

— Прекрати! — замотала головой, пытаюсь оттолкнуть его. — Перестань городить чушь и врать, чтобы успокоить меня!

— Я не вру.

Я замерла, презрительно усмехнулась. Лицо Романова застыло. Он верно прочел выражение в моих глазах, приготовился к очередному ушатy моих внутренних помоев.

— Я дарю свет? Боже, ты так наивен! Это прям преступление, Лекс! Взгляни на меня внимательней. Где свет? Я испорченная от и до. Вот, попросайся со своим идеалом, долой покровы! Открою тебе правду: я в девятнадцать продала свою девственность какому-то очень богатому, но старому мужику. Выставила ее на аукцион на одном форуме, есть такие, да, не смотри на меня так, словно не знал. Он заплатил больше всех. И знаешь, было хоть и противно, но сумма сгладила все. Ни до, ни после об этом не жалела! Так ты видишь теперь

во мне свет, а, Романов? Скажи правду!

Я сглотнула, подавила нервную дрожь, которая прокатывалась по телу. А Лекс... Никаких эмоций, только боль — за меня, а еще — жалость, грусть.

— Вижу, — отрезал твердо. — Мы все, пока были студентами, творили разную дичь.

— О господи... — простонала. Закрыла лицо ладонями.

— Рина, послушай...

Я начала активней вырываться из его хватки. Нет, не могу смотреть в эти чистые и ясные глаза, в которых ни капли осуждения или отвращения. Хочу уйти отсюда, хочу исчезнуть.

— Подожди... — Романов, удерживая меня, вдруг крепко обнял, с силой притиснул к себе, заставил прижаться щекой к его груди. Пальцы поглаживали затылок, скользили по волосам. Его тепло, сила, мгновенно утихомирили, утешили.

— Послушай меня всего несколько минут, — заговорил он в мою макушку, тревожа кожу дыханием, рождая мурашки. — Ты запуталась, ты чем-то ранена, я же вижу это. Тебе больно, плохо, но не отталкивай меня. Ты очень дорога мне, очень. Не унижай себя, ты неплохой человек, просто испуганный, растерянный, пытаешься сражаться, но сил все меньше и меньше. Но я помогу, просто позволь помочь... И что бы ты ни говорила про себя, как бы себя ни вела, ты все равно останешься светом для меня, потому что я так выбрал, потому что вижу твою суть. Да, иногда она спрятана очень глубоко, иногда вынуждена защищать себя и казаться обманом, но ее не отменишь. И я ее вижу.

— Нет... Нет, ты ошибаешься... — возразила, всхлипывая.

Слезы снова лились безостановочно, но теперь было все равно. Пусть жалеет, пусть гладит, пытаюсь успокоить как истерящего маленького ребенка, только бы не отпускал, только бы держал вот так крепко, заботливо, бережно. Согревал, щекотал дыханием макушку, висок, позволял чувствовать твердость мышц под щекой, руками. Был надежной опорой в этом мире, где я больше не могла быть опорой самой себе...

— Ну все, все... — Мягкие губы коснулись лба. — Просто поплачь. Поверь, тебе полегчает.

Как же хорошо, когда можно отпустить себя, опуститься в самую глубину несчастья, слабости, саморазрушения. Потому что греет и спасает знание: Лекс рядом, он выдернет меня из этого омота, вернет спокойствие и уверенность, расставит все на свои места.

Он все-таки донес меня до кровати, аккуратно уложил на нее, но я не отпустила его. Так крепко держалась за майку парня, что тому пришлось уступить, лечь рядом, обнять, снова с силой прижать к себе.

А потом истерика утихла, и в душе, и в голове воцарилась долгожданная пустота. Ни эмоций, ни мыслей. Это еще не было спокойствием, но было вызревшей усталостью, что всегда ведет к смирению и принятию.

Лекс, прижавшись щекой к моей макушке, ласково гладил спину, дышал усыпляюще размеренно. Я никогда раньше не задумывалась над тем, каким же должен быть идеальный мужчина. Смысл? Всегда осознавала: характер — последний пункт в целом перечне требований к тому, с кем останусь если не на всю жизнь, то надолго. Но теперь, если бы меня спросили, какой же он, идеал, я указала бы на Александра Романова. Дело даже не в чуткости, способности к крепкой дружбе и не в его странных романтизированных представлениях обо мне, а в сочетании мужской мудрости и силы.

Конечно, я не дарю свет, тут он преувеличил. Вот он — да.

— Лекс...

Чуть отстранившись, судорожно вздохнула, подняла к нему лицо. Понятно, что оно все красное, опухшее и жуткое, но это мало волновало. Он примет меня любой, знала это точно. Даже такой вот моральной свиньей и уродиной.

— Прости, пожалуйста... Я сегодня... ужасно поступила.

— Ерунда... Ты искала утешение, пыталась так забыться. Я все понимаю.

Позднее раскаяние и отрезвление так сжали сердце, что вновь почувствовала себя летящей в пропасть. Желая уцелеть, высвободила прижатую к его груди ладонь, коснулась щеки, осторожно погладила, убрала волосы со лба. Серые, цвета пасмурного летнего неба глаза смотрели в мою душу, завораживали. И сама не заметила, как потянулась, соединила наши губы.

Спонтанный, непрощенный поцелуй был коротким, но сладким с горчинкой минувших слез, головокружительным. Никогда таких не случалось... Распалющихся жадность, рождающих вспышку предельного возбуждения, желания не останавливаться.

И Лекс жадно ответил, я ощутила это. Он так же сильно хотел продолжать, как и я. Его руки на миг стиснули мою спину, затылок, пальцы забрались под шортики, чтобы изысканно нежным движением приласкать чувствительную кожу ямочки у ягодицы, горячий выдох обжег губы. Он ответил, но испугался. Именно поэтому резко разорвал поцелуй, быстро отстранился, а затем вовсе сел, повернувшись ко мне спиной.

Мне тут же стало холодно и почему-то обидно, подтянула колени к животу, обхватила себя руками.

Что между нами только что произошло? Что еще я натворила?

— Я пойду сделаю тебе чай. Тебе нужно пить побольше, — произнес Романов как ни в чем ни бывало, словно мы только что не попрали все неписанные правила дружбы.

Когда он ушел, я села на кровати, убрала упавшие на лицо волосы, поправила их пятерней, вздохнула. Губы все еще жгло и покалывало, будто долго целовалась без передышки, внутри прочно угнездились томление. А еще — неудовлетворенность, сожаление. Наверное, так чувствуют себя маленькие дети, которых сначала раздражат каким-нибудь лакомством, а потом заявляют, что оно только для взрослых и есть его нельзя.

Поганое ощущение. Но оно прогнало тот мрак, что терзал меня сутки, напрочь вымело злость, прояснило сознание.

Я встала и отправилась на кухню, замерла у входа, наблюдая, как возится Лекс. Он не повернулся ко мне, казался всецело занятым сначала чайником, потом чайными пакетиками.

Этот поцелуй сотряс и его мир...

Но за ним ведь ничего не последует? Если Лекс готов забыть об этом эпизоде (что сейчас мне показывает), то, наверное, и я могу.

Вздохнув, села за стол, обхватила теплую чашку, которую Романов поставил передо мной, даже не взглянув в лицо при этом. Он привычно уселся напротив, какое-то время что-то смотрел в телефоне.

Огромный белый слон под именем Неловкость заполнил всю кухню. А еще я чувствовала себя униженной, виноватой и почему-то отвергнутой. В горле запершило — что-то требовалось сказать, сгладить ситуацию.

— Прости, что потратила твои деньги. Я верну все, как только снова устроюсь на работу, — произнесла я, обводя пальцем край чашки.

— Марин, перестань, — Лекс потер лоб, переносицу. Он выглядел усталым,

потерянным. — Это просто деньги, их всегда можно заработать и потерять. Они как бессмысленная жидкость.

— Ну тут ты ошибаешься, — хмыкнула я.

— Да и черт с ним. — Он вдруг поднялся и направился к раковине, чтобы помыть свою кружку. Чай он не допил. А что касается традиционной болтовни, то, видимо, лимит на сегодня мы оба израсходовали.

Инстинктивно я поднялась следом, приблизилась к нему, крепко обняла со спины, прижалась щекой между лопаток. Хлопок майки был приятно мягким, и та теплая роскошная нотка в аромате по-прежнему ясно чувствовалась. Лекс же так напрягся, что закаменели мышцы.

— Спасибо, — прошептала я. — Спасибо, что ты такой, спасибо за поддержку.

И ушла, оставила его стоящим у раковины в оцепенении.

От усталости гудели ноги и голова, тело ощущалось ватным и одновременно тяжелым. Я легла, накрылась пледом и уставилась в темноту.

Что ж, Лекс готов забыть о поцелуе. А вот я не готова. Но что именно делать? Стоит ли вообще что-то делать? Не знаю...

И я выяснила кое-что, так что один камень с плеч. Дело не в восприятии секса, можно не опасаться, что он будет ассоциироваться у меня с насилием и отвращать. Вопрос упирается в то, а с каким мужчиной секс. Если это Лекс, то вообще никаких проблем. Только одно большое желание.

... И снова этот сон. Пустая пыльная сцена-подиум, красное платье, каблуки, колотящееся в горле сердце, которое вторит ритму музыки. Крепкие мужские руки на талии, бедре, их касания-ласки, горячее дыхание на щеке. Шаги, повороты, вращения, объятия и свобода, а потом — я одна.

Продолжаю двигаться, делаю вид, что по-прежнему уверена и спокойна, обойдусь без партнера. Втаптываю красные как кровь лепестки роз в деревянные доски подиума, а они все сыплются сверху, удушая ароматом. Теряю равновесие, падаю. По щекам струятся слезы: я одна, совершенно одна, мне нужны его руки, его дыхание и поддержка. Нужно его тепло. Очень.

Но ничего нет, только стонная плита одиночества, страха и тоски, пахнувшая розами...

С безмолвным криком и мокрыми глазами проснулась в темной комнате. Было душно. Часы показывали без четверти три. Болезненная сухость спазмом сжала горло, но на столике у кровати нашла большую кружку и бутылку минеральной воды. Лекс очень предусмотрителен.

Пока пила, думала о нем. Но мысли нисколько не прогоняли это чувство, шагнувшее в мою реальность из сна: я пропала, я мертва и впереди только еще большая тьма. Встав с постели, открыла окно и долго стояла в потоке прохладного ночного воздуха, который пах ледяной сладковатой влагой, невидящим взглядом смотрела в рассеянную фонарным светом иссиня-черную темноту.

Он нужен мне. Его руки, его поддержка, его дыхание, его губы. Танцевать одна я не смогу — пропаду в этой тьме, пострадаю, не справлюсь со своими страхами и самой собой. Лекс нужен мне, я хочу его, а он хочет меня.

Это спасение. Это опора. И к черту все остальное! Решение принято. И оно правильное никогда о нем не пожалею.

Пока шла к нему меня пробирали не то озноб, не то дрожь волнения, а возможно, все вместе. Бесшумно открыла дверь в большую комнату, замерла на миг, увидев его на диване. Лекс спал на боку, отвернувшись к стене, в сумраке, контрастируя с темным постельным бельем, белели крепкое плечо, спина, не прикрытые пледом.

Звонкая тишина. И только мое разогнавшееся сердце разрывает ритмом это кажущееся спокойствие.

Вздохнув, потеряв озябшие плечи, я неслышно, на цыпочках подошла к дивану и легла на бок. Секунду-другую разглядывала широкую спину парня, скользила взглядом от одной родинки к другой. Не думала ни о чем, просто — вдыхала тот особенный мужской аромат, сейчас обжигавший волнением и возбуждением, слушала его дыхание, зависала на краю, после которого как прежде больше никогда не будет. А потом, придвинувшись, положила ладонь на его восхитительно теплое плечо, провела легонько до локтя, прижалась губами к лопатке. Еще и еще.

Это было неожиданно — тот всплеск дикого вожделения и жара, который немедленно ощутила после простых, невинных прикосновений. Я притиснулась к Лексу, выдохнула ему в затылок и жарко поцеловала в шею.

— Риша... — прошептал он, просыпаясь.

Повернулся на спину, а я немедленно подалась к его лицу, чтобы соединить губы. Он тут же страстно ответил, застонав, крепко обнял. Ладони с обнажившейся поясницы скользнули под майку, потом одна рука обхватила мой затылок, Лекс углубил поцелуй.

Никогда еще меня не одолевало такое сильное желание — до режущей пустоты внизу живота, сменявшейся сладкими спазмами, до пожара в крови, от которого горели ставшая очень чувствительной кожа, сердце, каждая клеточка тела, до перерождения, словно ломающего изнутри. Не разрывая поцелуя, Романов перевернул меня на спину, прижал своим телом сверху. Ощутила, что он возбужден не меньше, чем я, одержим желанием так же, как я.

— Нет. — Он вдруг прервал поцелуй, но отстраниться не дали мои руки, запутавшиеся в его волосах. — Это ошибка.

Его горячее прерывистое дыхание тревожило мои полураскрытые губы, крепкое тело излучало тепло и силу, которые были так необходимы сейчас, возбужденный член упирался в мое лоно, усиливая болезненность желания.

— Не ошибка, — возразила, вглядываясь в глаза, выражение которых скрывала темнота.

Он покачал головой, промолчал. Сделал еще одну попытку отстраниться, но удержала его за плечи и обвила ногами талию. Лекс простонал, коснулся своим лбом моего и спросил со злостью и болью:

— Зачем ты пришла?

— Плохой сон приснился. Ты мне нужен, Лекс. Пожалуйста, не прогоняй.

Лихорадочно гладила его лицо, плечи, волосы. Это было так упоительно — дать наконец себе волю, касаться его как желанного мужчины и чувствовать, что он рядом, целиком мой... Новый опыт, открывший, что секс все же нечто большее, чем долг, договор, благодарность или оплата. Что его, оказывается, добровольно можно хотеть и даже нагло требовать.

— Не прогоню. Но ты понимаешь, о чем просишь? Чего хочешь? — Он все еще злился, но хотя бы не делал больше попыток отстраниться.

— Понимаю, — прошептала, дрожа от волнения. — Я хочу тебя. Не говори, будто не

хочешь меня.

— Хочу. Давно, — признался, легко касаясь пальцем моих губ, в голосе слышалась печаль. — Но у меня есть причина говорить нет. И эта причина — ты.

— Я говорю да.

Положила ладонь на его грудь, туда, где неистово билось сердце. Мы оба замерли на несколько секунд, потом, вздохнув, Лекс прижался к моим губам быстрым нежным поцелуем.

— Марина, после сегодняшней ночи все будет иным. Между нами больше не будет дружбы. Ты это понимаешь? Соглашаешься на это?

Я улыбнулась:

— Да.

... Потом, когда принимала душ после всего, без конца прокручивала в голове это да. Спасибо моему языку, который произнес его, и мозгу, который сформулировал. Потому что никогда мне не было так великолепно, как буквально несколько минут назад. Никогда.

В тысячу раз лучше, чем изысканное французское пирожное, закат на бирюзовом побережье Шри-Ланки и прикосновение к коже натурального дорогого китайского шелка.

Всегда считала, что женский оргазм — это миф, нечто, что легко симулировать и о чем можно потом повздыхать и пошептаться с подружкой, делая вид, что познала эти ощущения до конца. Оказалось, это не красивый финал, ради которого, собственно, девушки и ложатся в постель по наивной любви... Это непередаваемо. И не уверена, что тут все зависит от умения мужчины. Думаю, должны, как говорится, сойтись несколько звезд...

Счастливо улыбаясь, перебирала в памяти то, что Лекс делал со мной, моим телом. Ласкал всю, раздевая неторопливо, хотя сам, я чувствовала, был на грани... Майка, шортики... Целовал так, что припухшие губы до сих пор колело, а грудь, которой досталось столько внимания, ныла. В какой-то момент прелюдия едва не свела меня с ума, и именно по моей инициативе он так жестко в меня вошел. И при первом проникновении, таком желанном и сладко-болезненном, во мне будто что-то оборвалось, взорвалось, я словно отделилась от своего тела и потерялась, пропала в Лексе, в ощущениях от ласк его рук, губ, в движениях, ритме, в пьянящем шуме крови, в том, как что-то начало заполнять меня, сжигая, делая невесомой...

И когда мы кончили, то не разорвали объятий, продолжали целоваться, но уже медленно, словно наслаждались послевкусием, теплотой близости, лишенной страсти. Это удивительно, но мне не хотелось отстраниться, уйти, смыть запах, прикосновения, как всегда бывало. Наоборот — не желала отпускать его, прижималась сильнее, водила ладонями по взмокшей спине, рисовала на ней узоры пальцами, зарывалась в густые волосы на затылке. Чувства, впечатления необычайные...

Ни с кем у меня не было так. И ни с кем не будет.

Наверное, именно это встревожившее осознание заставило очнуться, выплыть из посторгазменного дурмана и, закончив поцелуй, улыбнуться, сказать, что мне нужно в душ.

Вытираясь, обдумывала новую проблему, которую, кажется, нажила. Плюс: у меня есть Лекс. Минус: кроме Лекса, у меня нет ничего и никого. Но я больше не чувствую себя одинокой, сломленной, испугавшейся какого-то повторяющегося сна и мертвой. Готова идти дальше, готова бороться и забрать у жизни то, что она не желает мне давать.

Счастье.

Не колебалась ни секунды и не обдумывала, где досыпать остаток ночи, вернее утра. Сбросив полотенце, присоединилась к Романову на диване, немедленно оказалась в капкане его объятий. Рассветало, поэтому выражение его глаз, лица больше не скрывала темнота. Видела, что он насторожен, испытующе вглядывается в меня, руки сжимают напряженно.

— Все в порядке? — спросил хрипло, убирая пряди волос с моего лица.

— Все великолепно, — ответила, притянула его ближе для поцелуя, нежного, тягучего, словно карамель. — Давай поспим. Как классно, что у тебя завтра выходной.

— Хорошо, давай поспим, — согласился, прижал мою голову к своей груди, коснулся волос поцелуем.

Я счастливо и удовлетворенно вздохнула.

Было начало десятого, когда проснулась. Романов все еще крепко спал рядом, обнимая меня за талию. Моя спина была прижата к его груди, ощущала дыхание парня в волосах. Его запах и жар окружали плотным коконом, и впервые за эти месяцы ощутила, что все идеально, поняла: вот с этой точки и собираю себя заново.

Я осторожно высвободилась из объятий Лекса, он что-то проворчал сквозь сон, лег на спину, продолжил сопеть. Улыбнувшись, заставила себя не поддаваться порыву: не лезть к Романову, чтобы убрать волосы со лба, коснуться рта, колючего подбородка, провести рукой, губами по груди, опуститься на живот, ниже...

Надо же, я, оказывается, озабоченная. Впрочем, ясно ведь: все дело только в Лексе. Меня очень давно к нему тянуло, поэтому не удивительно, что совсем не хочется от него отрываться. Тут как с диетой. Чем дольше себе что-то запрещаешь, тем больше потом набираешь килограммов.

Поднявшись, оделась в обнаруженную в кресле футболку парня, сходила в свою комнату за трусиками, а потом направилась на кухню. Раздвинув шторы, полюбовалась ярким летним днем за окном, начавшим наливать жарой, открыла раму, чтобы впустить внутрь чирикание воробьев, немного свежести, пахнувшей спеченной городской пылью и зеленью. Внутри бурлила энергия, все дурное точно осталось во вчерашнем дне, до близости с Лексом, а сейчас хотелось жить, творить и что-то делать.

Успела приготовить фруктовый салат и поставить в духовку песочные кольца с орехами, когда Романов появился на кухне.

— Будешь кофе? — усмехнулась я, млея от вида парня. Взлохмаченная шевелюра, темные от щетины щеки, сцеженный в кулак зевок. Почесал грудь. На нем были лишь боксеры, и я с удовольствием пробежалась по этому великолепному телу взглядом, ощущая, что снова начинаю возбуждаться.

— С добрым утром, — ответил он, поймав меня у холодильника. Развернул к себе и, стиснув талию, жадно поцеловал.

Несколько минут мы не могли оторваться друг от друга. Желание быстро вытеснило разум, заставив позабыть о том, где я, что в турку надо бы засыпать кофе, а в духовке находится десерт. Огладила его ягодицы и, запустив руку под резинку боксеров, обхватила восхитительно твердую плоть. Мы одновременно простонали.

— Потом. Нам надо поговорить, — выдохнул он, останавливая мою руку. Боднул мой нос своим, выпрямился.

— О чем поговорить? — я игриво обвела его ключицы кончиками пальцев, поцеловала в шею.

До чего же он все-таки потрясающий... И зачем так долго ограничивала себя лишь дружбой с ним?

— Рина, — Романов обхватил мои плечи, нахмурился, призывая к порядку, заставляя сосредоточиться.

— Ладно.

Пожав плечами, отошла от него и занялась кофе.

— И что ты считаешь нужным обсудить? — поинтересовалась, зажигая газ. — Только не говори, что эту ночь.

— Ее.

Я напряглась.

— Тебе не понравилось?

— Понравилось. Очень. Не могу не думать об этом, хочу повторять. Риш, давай определимся...

— Мы уже определились, Лекс, — я заскрипела зубами, уставившись в коричневую глубь турки в ожидании, когда жидкость закипит. — Тебе понравилось, мне тоже понравилось. В чем проблема? Что нужно еще обсуждать? Позы? Количество раз?

— Не знаю, — он разозлился. — Может, серьезность намерений?

Я потеряла лоб. Между нами назревала непонятная ссора, и не могла уловить ее корни. А ведь утро так здорово начиналось, воистину, слова и разум, привычка все как-то обозначать — вселенское зло.

— Это просто секс, — выдохнула, наблюдая за начавшимися подниматься мелкими пузырьками.

— Давай встречаться.

Поперхнувшись воздухом, я рассмеялась:

— Романов, мы много лет дружим, а теперь живем вместе. К списку добавилась и постель, в которой нам обоим хорошо. Давай просто жить, просто продолжать и не навешивать никаких ярлыков на все то, что между нами происходит. Оставим все так, как есть, и не станем перетирать этому кости. Идет?

Он молчал, затих. Чувствовала затылком его пронзительный взгляд. За это время успела выключить газ и осторожно сцедить для него кофе. Поставила кружку на стол перед ним.

— Если тебе так легче, то идет, — наконец произнес, взглянув мне в лицо.

В серых глазах — непривычная жесткость, захотелось убрать ее. Наклонившись, отвела волосы с его лба, поправила торчавшие пряди и с нежностью поцеловала, погладив колючие щеки.

— Все будет хорошо, не надо нам ничего обсуждать, — прошептала в его губы.

Лекс дернул меня за бедра, усадив на свои колени, и мы продолжили страстно целоваться, пока ставший интенсивным запах выпечки не отвлек меня.

— Какие у тебя планы? Помочь с поиском работы? — спросил Романов, вручив мне все еще прохладную бутылку минералки, поцеловал в плечо.

После завтрака и совместного душа (со всеми вытекающими, хотя и было тесно, зато это еще больше распалило) Лекс предложил поехать искупаться на озера. Мне не хотелось, понимала: наши местные пляжи весьма и весьма далеки от красот и комфорта испанских курортов. Согласилась только ради Романова. В конце концов, его близость и компания сотрут все неприятные впечатления.

Что ж, мне и правда не понравилось. И не пожалела, что нет купальника (пришлось надеть топ без лямок и шортики), лезть в эту воду желания не было. Зато Лекс устроил грандиозный заплыв, заставив переживать за него, а вернувшись, начал потрошить собранную нами сумку с напитками и едой.

— Я даже не знаю... — ответила, вглядываясь в даль.

Хотя на что тут смотреть? Плоскую водную гладь, зелень, наводящую уныние, подчеркивающую скучный равнинный пейзаж да белеющие на другом берегу многоэтажки — уродливый и инородный элемент среди а ля дикой природы.

Но Лекса все устраивало, и его приподнятое настроение, широкая яркая улыбка, отражавшаяся и в глазах, исподволь передавались и мне.

— Ясно пока одно: продавцом-консультантом я больше быть не хочу, — заявила, покачав головой. — До сих пор не понимаю, как можно гробиться на работе по девять-двенадцать часов в день и быть довольным своей жизнью? Это ж мрак.

— Ну знаешь, — протянул он, расправившись с бутербродом, — наши родители так жили, и были даже счастливы.

Меня передернуло. Вспомнила своих родителей, домашнее хозяйство, сестру, которая всего-то на два года старше, но уже сейчас выглядела на все сорок: неухоженная, опустившаяся, погребенная под заботами о трех детях, муже, птице и свиньях.

— Тут секрет прост, — объяснил Романов, настойчиво протягивая мне бутерброд. Пришлось взять его, но ветчину и сыр отдать парню, оставив лишь огурец. — Если найти дело по душе, то рабством это перестанет восприниматься.

— Вот только не говори, что менеджер отдела — это дело твоей души, — хохотнула я.

— Не скажу, — улыбнулся лукаво, теплые серые глаза сияли, глядя в мои. — Но у меня другой секрет.

— Какой?

— Немного философский. Я работаю, чтобы потом, вернувшись домой, как следует отдыхать. Быть собой, играть любимое, смотреть видео и фильмы, куда-нибудь выходить с тобой...

— А в последние месяцы, с тех пор как ты перебралась ко мне, приятностей только прибавилось. Не представляешь, как я счастлив, — прошептал, придвинувшись ближе, обняв за талию. Нежно поцеловал в висок, скулу, замер у губ.

— Лекс...

Бутерброд я отложила, обняла парня за плечи. Его кожа была влажной и прохладной после купания, пахла солоноватым солнцем. И тот же привкус был у настойчивых губ. Осторожно уложив меня на покрывало, он продолжил целовать, чувственно, дразняще медленно, так, что ощутила: просто сгораю, снова сильно хочу его.

Громкие хлопанья крыльев каких-то птиц и звук мотора машины, которая, возможно, направлялась сюда, вернули в реальность. Мы снова уселись, и я, поправив волосы, вновь задумалась над вопросом, который Романов задал в начале этого разговора.

— Идеальным для меня был бы фриланс, — вздохнула, сделала несколько глотков

минералки. — Только какой? Чем могу и хочу заниматься? Голова просто пухнет.

Я помассировала виски.

Ненавижу все это! Треклятые проблемы, необходимость зарабатывать деньги, искать выгоду, чтобы быть свободной и иметь все, что захочу. Как жаль, что невозможно застыть в этом мгновении: пусть убожество, но вполне приветливый пляж, нагретый влажный воздух, пахнущий острой озерной свежестью, насыщающий кровь и легкие, Лекс рядом, ненавязчиво ласкающий бедро, улыбающийся...

— Возьми перерыв в пару дней, отдохни, — он снова поцеловал меня в плечо, шею. — Можешь и вовсе отправиться на поиски себя, записаться на курсы какие-нибудь... Можно и вовсе не работать, я достаточно получаю...

Разозлившись, обхватила ладонями его лицо, впилась в глаза свирепым взглядом:

— Твоей содержанкой я не буду. И на работу устраюсь. Все, давай поставим точку.

Спокойный Романов осторожно убрал мои ладони со своего лица, поцеловал каждую в середину, а потом крепко обнял.

— Пойдешь со мной купаться? — спросил через минуту.

— Не хочу. Иди один, только умоляю, никаких получасовых заплывов, иначе у меня будет истерика.

Он рассмеялся.

То, что наши с Романовым дружеские отношения преобразовались в любовные, воспринималось весьма органичным следствием. Так же легко, понятен и объясним факт прихода лета вслед за весной или заката вслед за восходом.

Нежные и страстные прикосновения, откровенные ласки, поцелуи, флирт, интимные поддразнивания, та самая близость, которая возникает только между идеально подходящими друг другу сексуальными партнерами, — все это буквально на следующие сутки улеглось в сознании как нечто, существовавшее всегда. Большую часть дня мы провели в постели (решили, что диван Лекса намного шире и удобнее кровати в моей комнате, и выбрали его), побывали на кухне, чтобы совместно приготовить отбивные и греческий салат, много болтали, шутили, смеялись...

Потом в нашу идиллию вмешались трудовые будни Лекса. И вот тогда осознала: работу я сильно ненавидела, но она спасала, рождала иллюзию контроля, мысль, что постепенно продвигаюсь вперед, к цели. Пока по десять часов торчала в этом проклятом бутике, а потом отдыхала, приходила в себя, не требовалось оставаться тет-а-тет со своей жизнью, покотившейся к черту, а вовсе не вперед. Теперь же мало того, что будто бы вернулась на старт, обнулив все заработанные очки, так еще и не покидало ощущение тесного кокона, в которой меня поместили. Да, я получила свободу, но она равнялась плену.

Раньше, пока была с Решетниковым, так же обладала массой свободного времени. Которое с удовольствием тратила в салонах, СПА, на массаже, пилатесе, у косметолога, в магазинах, за изучением каталогов модных новинок, бассейне. Молчу уже про танцы с Лексом три раза в неделю, встречи и вылазки с ним во всякие интересные места, курсы испанского (решила изучить, подумывая перебраться в Испанию). Сейчас мне ничего не было доступно. Наглядное доказательство: хочешь быть самой собой, счастливой и удовлетворенной — имей много денег!

Впрочем, не все так уж плохо. Я заполняла часы серфингом по сайтам с вакансиями, осваивала маникюр, педикюр и уход за кожей в домашних условиях, читала книги, которые нашлись в книжных шкафах и на антресолях, много готовила, выбиралась на прогулку. А когда Романов возвращался домой или когда мы болтали по телефону (не менее двух раз в день), обменивались сообщениями, этот треклятый кокон будто растворялся, и млела от мысли: главное — Лекс рядом.

... В пятницу около десяти вечера лежала на диване, обнаженная, совершенно расслабленная, разнеженная и заласканная. Лекс, повернувшись на бок, медленно и щекотно водил пальцами по моей спине, ягодицам, потом начал целовать, постепенно спускаясь от лопаток к пояснице.

В этот раз мне было пронзительно хорошо. Остро и жадно, словно делаешь последний вдох. Все потому, что, пока он входил в меня, жарко целуя, получая не менее напористый ответ, вдруг осознала: я увязла. Опять это ощущение, но на этот раз такое сладкое, такое упоительное. Увязла... Но не во тьме и катастрофе, а как муха в меду, упиваясь, торжествуя, приветствуя.

Что ж, осознание проблемы — первый шаг к ее решению. Увязла? Справлюсь.

Лекс лизнул поясницу, прижался долгим чувственным поцелуем, заставив меня задрожать и снова возбудиться. Но сил на третий раз пока не было, меня полностью исчерпали и осчастливили предыдущие два.

Надо же, всегда думала, что отлично знаю мужчин и умею управлять ими, но Романов доказал: они умеют удивлять и способны не терять интерес к сексу сразу же после акта. Или это относится исключительно к Лексу?..

— Родители позвали к себе завтра, — произнес он, щекоча позвоночник носом. О хихиканье я забыла моментально и напряглась.

— Ты согласился?

— Да. Хочу, чтобы ты поехала со мной.

Родителей Романова я видела мельком однажды, когда мы еще дружили в студенческие времена. Они произвели впечатление нормальных людей. Как и мои, живут в поселке, она до сих пор работает учителем в школе, а он — кто-то вроде мастера на все руки, занимается ремонтом квартир, бытовой техники, строительством бань. Кроме Лекса, детей у них нет, и в целом они не бедствуют.

Представлена я им не была ни в каком качестве, поэтому предложение познакомиться выглядело... Однозначно.

— То есть предлагаешь перейти на этап «Знакомство с родителями»? — спросила, укладываясь на бок. — Ответ нет.

Романов посерьезнел.

— При чем здесь этап? Я предлагаю съездить в гости.

Он тоже лег на бок и теперь смотрел на меня внимательно и требовательно.

— И как ты меня представишь?

— Как свою девушку.

Простонав, я уткнулась лицом в матрас.

— Лекс, — проговорила глухо. — Я просила еще в самом начале не усложнять все.

Услышала его вздох.

— Риш, я не усложняю. Я хочу взять тебя с собой, потому что не хочу расставаться. Это считай, только к вечеру вернусь. А так мы проведем время вместе.

Подавшись ближе, он поцеловал мое плечо, обдал выдохом затылок, зарылся лицом в волосы, обняв.

— Я не готова к такому, прости, — ответила через минуту.

Он промолчал.

— Хорошо. Напишу матери, скажу, что не смогу. Подождем, когда ты будешь готова.

Беспокойство и недовольство растаяли. Возможно, и правда накрутила слишком многое на элементарное его (да и свое) желание быть вместе в выходной.

Обожаю его за чуткость и понимание! Идеальный мужчина...

Пошевелившись, я обняла его за шею и вовлекла в поцелуй, быстро ставший обжигающим и глубоким. Отвлек нас зазвонивший телефон Романова, который он оставил на журнальном столике.

— Да пусть трезвонит, — улыбнулась я, прикусила и лизнула его губу, и мы вернулись к поцелую.

Но кто-то оказался слишком настойчивым, решив достать сегодня Лекса во что бы то ни стало.

— Черт, — прошипел Романов, прекратив целовать мою шею. — Давай я просто его выключу.

— Давай, — согласилась и, взлохматив шевелюру парня, выпустила его из своих объятий. По разгоряченной коже прошла прохлада, а я разочарованно вздохнула.

Он встал, схватил телефон и неожиданно, тихо ругнувшись, ответил на вызов, а не сбросил его.

— Тём, прости, совсем из башки вылетело, — проговорил быстро.

Ответил, послушав собеседника:

— Да, она рядом, — быстрый взгляд на меня, раздосадованный и какой-то взволнованный. — Да, конечно... Давай минут через десять... Ага, окей.

Сев на постели, я прикрылась пледом, спросила:

— Что случилось?

Было ясно, что ласки, поцелуи и возможный секс отменяются.

Романов сел рядом.

— Рин, только не ругайся, ладно?

Я кивнула, заинтригованная.

— Звонил мой бывший одноклассник. Зовут Артем. Хороший парень. Он уже давно помешан на качалках, белковом питании и прочем ЗОЖе. Администрирует форум, где тусуются единомышленники. И в общем... ему понадобился переводчик. Нужно переводить статьи в журналах о спортивном питании, нагрузках, упражнениях, одежде и всем таком прочем. У него был человек, но слился недавно, ушел работать, свободного времени не стало. Тёма пристал ко мне с предложением, но тут ты переехала, потом то да сё... В общем, я его посылал. Но позавчера, когда он снова позвонил, сказал, что ты можешь заняться... Хотя не сказал — ляпнул просто. Не подумал.

— Перевод с английского?

— Да. Большая часть именно с английского.

Неплохое ведь предложение. Хотя давно не практиковалась, и тема особенная, будет много специальной лексики, но почему не попробовать? Что-то новое, необычное... И образование принесет материальную пользу, а не практическую. Годы учиться, только чтобы спокойно этикетки, описание брендов и статьи в глянце на языке оригинала читать?

Смешно, если посудить.

— Я с ним договорился созвониться по скайпу сегодня в десять и благополучно об этом забыл, — ухмыльнулся Лекс, расслабившись, отметив, что не злюсь и обдумываю сказанное.

Бросила взгляд на круглые часы на стене (дизайн, кстати, китчевый до невозможности, выкинуть бы их). Половина одиннадцатого.

— Как я поняла, мне нужно встать, одеться и привести себя в порядок, — задумчиво произнесла, пытаясь уложить волосы пятерней. — Сколько у меня времени?

— Еще пятнадцать минут есть.

Лекс, поймав меня у края дивана, крепко обхватил талию, впился в губы настойчивым поцелуем. Я ответила, поглаживая сильные плечи, шею.

— Я рад, что ты не злишься и настроена по-деловому, — шепнул потом в губы.

— Нууу, я открыта ко многим предложениям, — усмехнулась, легонько чмокнув его в уголок рта, колючий подбородок.

— Но не к предложению поехать к моим родителям.

— Нет, — рассмеялась.

Через четверть часа я, одетая в футболку и шорты, освежившаяся в душе, успевшая достойно уложить волосы, села перед ноутбуком и приняла звонок от некоего Артема Жукова. Ожидала увидеть мощного качка с каменным выражением лица, но собеседник оказался милым, улыбчивым, стандартной комплекции, со светлой выгоревшей на солнце кудрявой шевелюрой. Этаким наивный шалопад.

— Привет! Ты Марина? — начал он разговор. — Да ты обалденная!

Открыла рот, чтобы ответить, но Лекс опередил:

— Иди лесом, Жук! — прокричал с дивана, отрываясь от переписки в телефоне. — Она занята мной, тебе ничего не светит.

Я закатила глаза. Что за мальчишеские игры?

Впрочем, Артем быстро перешел в деловое русло, детскую непосредственность будто волной смыло. Предупредила его, что ни на что не соглашусь, пока не изучу вопрос стоимости подобных услуг. Парень не обиделся. Сразу же озвучил сумму, условия, обозначил фронт работы, сказал, что сутки на размышления у меня есть. Оставил свой номер телефона и заявил, что отправит на почту Лекса текст — вдруг захочу испытать свои силы или просто ознакомиться с поставленной задачей.

Завершая звонок, ощутила щекотку под диафрагмой: хорошее предчувствие, азарт и нетерпение. Крайне редко такое испытывала, возможно, всего два раза...

Это знак. Все меняется, и очень скоро жизнь наладится так, как того желаю. Кокона больше не будет.

Во второй половине августа город плавал в лужах от ежедневных дождей. Каждый раз, как Лекс перед работой подбрасывал меня до парка для ставших традиционными пробежки и разминки, смотрела на хмурое небо и кривилась: ну и где же солнце, мы будто в столице живем, следующий этап — трудоголизм и депрессия.

Вот и сегодня мелкий противный дождь начался еще во время разминки. Натянув козырек кепки пониже, проверив шнурки, начала бег с быстрого шага. До ливня бы не дотянуть... Механические движения, контроль дыхания привычно ввели в медитативное состояние, я выбросила из головы реальность, улыбнулась.

Почему-то вспомнился конец мая, напуганная, сломленная и потерявшая все я, мерзкое ощущение, что мир рухнул, а мне титаническими усилиями придется разбирать обломки, гнев, отчаяние и решимость... Вроде всего ничего прошло, а будто другая Марина Королева. Совсем не я.

Все преобразовалось. Разобрав обломки, обнаружила себя в совершенно другом мире и ... даже нашла в нем прелесть.

Фриланс действительно оказался лучшим выходом для меня. С Артемом мы сработались и даже начали дружески общаться. Знакомый Лекса оказался смышленным и амбициозным парнем, строил планы о создании в городе своей сети магазинов спортивного питания и работал как бессмертный пони для этого.

Первое время переводы статей отнимали у меня почти весь день и выматывали нервы. Я злилась и в какой-то момент пожелала бросить это занятие, но Романов отговорил. Поддержал, как всегда, сгладил все острые углы. Слепая вера парня в меня, мои способности, выдержку и успех удержали от опрометчивого шага.

Похоже, без Лекса я просто сгину... Вывод не очень хороший.

Теперь на работу тратила от силы часа три в день. Тёма не обижал в денежных вопросах, платил вовремя и согласно договоренностям. А две недели назад предложил отличный источник дополнительного заработка: писать собственные статьи, собирая и компилируя сведения из нескольких источников, в том числе из английских. Такой вот своеобразный копирайт. Первый материал отправила вчера, и Жук уже пришел в восторг, заявив, что я редкий алмаз.

Может, и алмаз, но неплохо было бы какие-то курсы копирайтинга все же пройти. Работа должна быть качественной, тем более такая...

Если в части заработать себе на кусок хлеба, новую одежду, поход в салон жизнь наладилась, то с Лексом... С ним все было сложно.

Мы не говорили о наших отношениях, табу до сих пор действовало. Просто спали, просто сближались, вращая друг в друга, но уже не в пространстве дружбы, а в пространстве пары. В постели все было безупречно, потрясающе, сказочно хорошо... Я поняла, что до Романова была, метафорически выражаясь, девственницей, он открыл меня как неизведанную землю, показал, как это бывает по-настоящему...

Настоящие отношения, которые никуда не ведут. Будто чудесный отпуск, который, ты точно знаешь, когда-то закончится. И ты вернешься к прежней жизни и прежней себе. И первые звоночки завершения уже прозвучали...

В тот день, помню, мое терпение лопнуло. Был выходной, мы собирались прогуляться,

потом вернуться домой за гитарой и отправиться в «Игуану». Лекс влез в свои мешковатые джинсы и футболку с безвкусным принтом, а я вспылила. Разразилась тирадой минут на пятнадцать, разбирая вещи в его шкафу и ругаясь.

— Так, все! Мы едем в «Галерею», — отрубил, хмуро разглядывая кучу тряпок у себя под ногами. По моему глубокому убеждению, вся эта одежда годилась только для одного: украшать собой мусорный контейнер.

Покосилась на Романова. Тот безмятежно укладывал гитару в чехол, будто не его вещи топтала сейчас его подруга. Посмотрел на меня и усмехнулся.

— Ладно, — кивнул.

— А чему ты улыбаешься? — прищурилась я, чувствуя какой-то подвох.

Лекс рассмеялся.

— Ты такая забавная сейчас, Риш. Это ведь просто одежда, а ты косишься на нее, словно она твой злейший враг.

— Боже, Романов, — закатила я глаза. — Она твой злейший враг. Нельзя одеваться как...

— Бомж?

— Нет, как студент-идиот.

— Ну прости, у меня нет вкуса, как у тебя. Я покупаю то, в чем удобно.

Я вздохнула и, подойдя к нему, крепко обняла, потянувшись за поцелуем, когда ощутила крепкие руки на своей талии. Улыбнулась, осознав, что грубые слова не задели его, и с огромным энтузиазмом отозвалась на ласку его рта.

Он действительно удивительный человек, от которого у меня крышу срывает. Мой мужчина...

Магазинам пришлось подождать нас, ну а потом я дала себе волю. Понимала, что бюджет ограничен, но кстати вспомнились правила базового гардероба, пусть женского, но здравый смысл ведь позволяет экстраполировать их на мужской. А здравым смыслом всегда отличалась.

Лекс в восторге не был, но проявлял ангельское терпение, а в некоторых случаях живое участие, например, какие-то варианты рубил на корню. Ближе к четверем, времени, когда нам пора было бы выбираться из бутиков, перекусить и отправиться за гитарой, мы, теснясь, стояли в примерочной. Я критически оглядывала отражение своего парня в зеркале. Он потрясающе выглядел: взлохмаченные темные волосы, пряди которых падают на лоб, улыбающийся рот и глаза, сияющие хитринкой, смотрящие прямо в мои, зауженные черные джинсы, бежевая футболка с V-образной горловиной и приталенный двуцветный блейзер с рядом серебристых пуговиц посередине (повезло найти такой, кстати! Темно-коричневые, практически черные рукава на три четверти и бордовая жилетка. Сразу схватилась за это сокровище, как только откопала среди вешалок с вещами по скидкам).

В этой одежде Романов смотрелся иначе. Этаким притягательный плейбой, который знает себе цену и понимает, что неотразим. Черт... Вот и зачем я его так одела? Теперь все девушки будут смотреть на него и пускать слюни, а мимо самых решительных Лекс не пройдет просто так, обязательно засунут номер телефона в карман.

— И чего ты хмуришься? — усмехнулся Романов, обняв меня за талию и прижимая к своему боку.

Мы замечательно смотрелись вот так вдвоем, пусть я и была в простых светлых капри, майке цвета фуксии и полосатой укороченной и широкой кофте, сползавшей с одного плеча.

Зеркало отразило, как мы, повернув головы, посмотрели в лица друг другу.

— Да так. Подумалось, что в такой одежде ты станешь предметом охоты всех озабоченных девушек, — пожалала плечами, смахнула челку с его лба.

— Ты думаешь, им что-то светит? — вопросительно выгнул бровь.

Скривилась в ответ.

— Риш, мне дела нет ни до кого, ты ведь знаешь, — прошептал, целуя в уголок рта. — Есть и будешь только ты.

Сердце неожиданно и необъяснимо зашло. Вдохнув, я развернулась к нему, обняла за шею, пропала в потемневших серых глазах, встретила нетерпеливый рот. Мы долго страстно целовались, забыв совершенно обо всем и сминая, спуская одежду. И, как знать, возможно, так и не остановились бы, если бы Лекс, проложив дорожку поцелуев по моей шее вниз, к ключице, не заявил:

— Мой костюм на нашу свадьбу тоже будешь выбирать ты. Сам я дело провалю, а ты справишься на отлично.

И я застыла, внутри все оборвалось и заledenело.

Он сразу же почувствовал неладное, выпрямился, оставив руки на талии, и посмотрел мне в лицо. Наверное... Я прикрыла глаза рукой, чтобы Романов не видел того, что в них отражалось.

Ужас. Боль. Разочарование.

— Рина? — позвал.

Заставила себя встряхнуться. Нет, не готова принимать сказанное всерьез. У Романова просто вырвалось. Это ничего не значит, он не то имел в виду, что сказал. Никакой трагедии, это фарс. Сейчас все переведу в шутку, и мы продолжим этот день. Потому что мне нужно наше завтра. Очень нужно!

Убрав руку, я безмятежно улыбнулась, провела рукой по его широким плечам, поправила блейзер:

— Не знаю, Романов. Давай примерно так, как в той старой комедии с Джулией Робертс. «Свадьба лучшего друга», м? Договоримся, что поженимся, если до 30 угораздит остаться холостяками.

Лекс помрачнел.

— Надавил на больное. Прости.

— Ерунда. — Я аккуратно высвободилась из его объятий, повернулась к вешалкам на крючках и протянула рубашку в узкую красную полоску. — Просто тему мы закроем. И еще пять минут потратим на оценку вот этой вещи, ага?

Откровенно говоря, мне хотелось закатить ему истерику, а не улыбаться как милая дурочка. Но я улыбалась, притворялась веселой, довольной и счастливой. Больше суток. Пока меня наконец не отпустило.

Ведь это не было шуткой. Он произнес эти слова с серьезным видом и намерениями. Он определил, к чему мы движемся. К тому, что мне не нужно. Потому что это — тупик. Катастрофа. Мы идеальны друг для друга, но мы — детали разных миров. Вот и всё.

Какое-то время (весьма короткое) раздумывала: не пора ли собрать вещи и съехать. Потом поняла, что не хочу — разрыв совершенно уничтожит меня, требуется еще время. Потом полагала: а что, если Лекс изменится? Станет тем, кто являлся бы для меня опорой в материальном плане, ведь все задатки налицо... Да уж, фантазерка. Уже настолько подседа на Романова, что наш роман застигает трезвое мышление.

И неожиданно все то, что воспринимала как неотъемлемую часть своего друга, к чему раньше относилась философски, со снисхождением, пониманием, и даже умилением, начало раздражать, бесить.

Бесила его старая «Калина»...

— Лекс, эта старуха уже, кажется, больше времени в ремонте стоит, чем ездит по дорогам. Почему ты не хочешь купить что-то другое?

— Без понятия. Помню, я спятил от радости, когда отец мне ее подарил. Было так приятно... Но если хочешь, давай подумаем, какую можно купить. Но эту продавать все равно не буду.

Бесила его работа...

— Ты можешь больше, ты ведь сам понимаешь. Твоя смекалка буквально гниет среди вашего спортивного барахла. Почему не согласишься вместе с Артемом работать над этой сетью? Вложения там по силам...

— Риш, Артем тот еще балабол. Это раз. А два: это его задумка, не моя. И три: деньги — тлен, я не хочу тратить свою жизнь лишь на то, чтобы их зарабатывать и бояться потерять. Но почему ты снова поднимаешь эту тему? Тебе хочется, чтобы я больше зарабатывал?

Бесили его группа и музыка...

— Куча репетиций, ноль амбиций.

— Мы просто друзья. И просто играем, потому что нам классно вместе играть.

— Конечно. А хозяину «Игуаны» классно, что вы такие энтузиасты и готовы развлекать клиентов просто за бесплатную выпивку и еду. Смешно.

— Ну не злись. Хочешь, подойду к нему завтра и попрошу отдать то, что должен.

— Делай то, что сам хочешь, Лекс...

Да, только я была для Романова тем толкачом, что способен поднять его в гору, той, ради которой он стал бы терпеть, стараться и меняться, лишь бы соответствовать ожиданиям и радовать. Конечно, все слышали про женщин, которые делали своих мужчин. Но я не из такой породы, слишком слаба, избалованна, нацелена на иное. В моем случае все должно было быть наоборот: мужчине требовалось сделать меня.

За последние полторы недели все мои эмоции пришли в шаткое подобие равновесия. По крайней мере, затолкала их поглубже, больше не пугала и не терзала Лекса своей долгой молчаливостью, внезапным раздражением или уходом на прогулки в одиночестве.

Я научилась наслаждаться той малостью, которой обладала: ошеломительным сексом, безусловным обожанием Романова и близостью, которые, кажется, ничто не могло поколебать. Он прощал мне все, а страсть будто еще больше нарастала... Накал был такой, что сходила с ума... И предчувствие завершения всего этого, нежелание этого завершения, делали то, что происходило между нами, стократно острее. Отчаяннее. Безумнее. Слаще.

... Добежав до своего привычного ориентира, скамейки рядом с фургончиком баристы, я сбавила темп, перешла на шаг. Дождь к этому моменту шел уже полноценный, занудный и монотонный, шуршал в листве и траве, мочил одежду, стекал по лицу, шее, рукам.

Когда направилась к выходу, ближайшему к автобусной остановке, зазвонил мой телефон. Приглядев навес, я укрылась под ним, никак не решалась ответить на вызов.

Может, Хвостова сама его сбросит? Сколько мы с ней не созванивались? Почему она вдруг вспомнила обо мне?

— Черт... — выдохнула сквозь зубы, а потом ответила:

— Да. Привет.

— Ну привет, пропажа, — протянула сладким тоном Дашка. — Полтора месяца от тебя ни слуху ни духу. Ни СМС, ни сообщений. Думала, я в обиде на тебя, что кинула тогда Марата? Не переживай, мне похер на него, тот еще кобелина.

— Ну подложить под него меня ты пыталась, — огрызнулась, передернувшись от воспоминаний.

Дарья издала смешок.

— Так выбор за тобой был, Королева: ложиться или нет. Ты ведь давно не наивная девочка. А Марат недурно платит, кстати.

— Только я не шлюха, — выплюнула зло, борясь с тошнотой при мысли о руках этого мужика, оглаживавших мой зад.

— Ну да, я тогда убедилась, что ты не в таком уж отчаянии и менять высоты не намерена. Умница. Хвалю. Кстати, как там твой красавчик? Признаться, звоню тебе, чтоб узнать: ты там часом не выбираешь ли свадебное платье по объявлениям на «Авито» или, может, думаешь над именем первенца?

— Да ты шутница, — съязвила, кусая губы. — Не надейся. Как мы были просто друзьями, так и остались.

— Тогда почему не разрабатываешь мальчиков Илоны?

— Ты о чем? — Растерявшись на миг, убрала прилипшие к щекам пряди, выпавшие из хвоста.

— О контактах, которые она тебе кинула. Давно уже. Мы с ней болтали вчера. И она заявила, что зря помогла, твоей активности не видно.

Я округлила глаза.

— Откуда она вообще может знать про мою активность?

— Нууу... Скажем так, она может. И она разочарована, Мариш. Давая такую информацию, она в некотором роде себя подставляет. Поэтому очень хочет, чтобы риск был оправдан. Ты понимаешь?

— Понимаю, — потерла вдруг загудевший болью лоб.

— Я ей передам, что ты работаешь в этом направлении, просто все это время вынуждена была личными делами заниматься. Прикрою тебя, подруга.

Боже, какая редкая забота. Осталось только в ножки бухнуться.

— Спасибо.

— Так как там у тебя дела?

Я стиснула свободную руку в кулак и заставила себя расслаблено ответить:

— Все хорошо. Действительно, пришлось кое-что улаживать, но теперь Илоне не придется разочаровываться.

— Ну супер тогда. Может, встретимся? Поболтаем в «Грандо»?

«Грандо», конечно, Хвостовой по карману, мне, в принципе, тоже, если сделать очень скромный заказ... Только не хочу. К черту ее.

— Хм... Сегодня и завтра никак. Но мысль хорошая.

— Окей тогда, вписали ее в лист ожиданий. Увидимся. Пока!

— Пока.

Завершив вызов, я раздраженно и одновременно растерянно уставилась в погасший экран смартфона. Что ж... Звоночки завершения уже не просто тренькали где-то там, на заднем плане, теперь они загудели набатом, отдаваясь громом в ушах и желчью во внутренностях.

Отпуск подходил к концу. И это ужасно. Я пока морально не подготовилась.

Домой вернулась вымокшая и обессиленная. Четверть часа стояла под теплым душем, потом села за текст. В нем было больше десяти тысяч знаков, думала, разделить работу на два дня, но решила все сделать за сегодня.

Было страшно остаться один на один с реальностью, с тем, что сказала Хвостова, что я ей пообещала... С вопросом: что делать с Лексом? Как поступить?

Он задерживался на репетиции, поэтому загрузила себя работой на кухне. Приготовила том ям, потом киш с ветчиной и грибами, запекла картофель с сыром. К тому моменту, когда Романов вернулся, пришла к мысли: сегодня ничего решать не буду, уже поздно, я устала и расстроена, в таком состоянии не строят никаких планов.

Облегчение было таким грандиозным, что оставшуюся часть вечера была в экзальтации, чем дезориентировала парня. Впрочем, он принял меня и такой странной: сверх меры болтливой, деятельной, генерирующей безумные идеи.

А ночью снова приснился тот проклятый сон. Я вновь танцевала аргентинское танго в красном платье, на темном подиуме и точно знала, что моим партнером и поддержкой был Лекс. Ощущала его запах, его тело, прижимавшееся к моему, его дыхание. Сердце билось сильно, в такт резким и стремительным движениям, и в тот момент, когда склонился ко мне, удерживая практически горизонтально к полу, ловя приоткрывшимися губами мое бурное дыхание, он исчез. А я осталась лежать на полу, в ворохе лепестков роз, влажных, скользивших под загребавшими их пальцами, источавших уже ставший ненавистным аромат. Из глаз брызнули слезы бессилия и одиночества, хотела закричать, но крик застыл в горле саднящей, колючей болью.

— Лекс... Лекс... — силилась дозваться. И проснулась.

Он склонился надо мной. В полутьме различила его глаза, полные тревоги, твердо сжатые губы и морщинку у переносицы. Романов осторожно и ласково провел пальцами по моему лбу, щеке, спросил тихо:

— Все в порядке? Кошмар приснился?

Всхлипнув, я резко подалась к нему и стиснула шею.

— Лекс, — содрогалась то ли от сухих рыданий, то ли от охватившего тело озноба. — Такой жуткий сон. Знаешь, там вроде бы ничего страшного, он так приятно начинается, но потом... Он меня пугает.

Романов поглаживал мою спину, успокаивая.

— Все хорошо, Риш. Это просто сон, — поцеловал в висок, в шею. — Часто кошмары просто концентрируют наши страхи или напоминают о том, что мы потеряли.

Потеряли... Да, зря я отказалась от танцев с Лексом. Даже начав спать друг с другом, в ту студию так и не вернулись. А ведь мы идеальные партнеры, замечательно чувствующие друг друга, и иногда хочется именно этого — просто ощущать, двигаться навстречу друг другу, отдаляться, отталкиваться, притягиваться. Совместный поход в фитнес-зал или велопрогулка никогда не дадут того, что давало аргентинское танго... Возможно, этот чертов сон намекает на это?

Отстранившись, я заглянула Лексу в лицо.

— Давай снова будет ходить на танцы.

Он удивился:

— Уверена? У нас уже образовалось кое-какое расписание...

— Да. Уверена.

— Ладно тогда. Можно napроситься в группу, которая в восемь.

Обожаю его.

— Ага, — я улыбалась, покрывая поцелуями его лицо, чувствуя, как холод и тяжесть кошмара отпускают меня, как им на смену приходит желание.

Мне так нужны сейчас его тепло, его страсть и его сила. Хочу его всего так остро, так жгуче, как, кажется, никогда до этого...

Я нашла его рот, углубила поцелуй, и уже в следующую секунду мы горели оба, лаская друг друга и спуская одежду. Романова оказалось раздеть проще всего, он лег лишь в боксерах, а вот моя майка, кажется, порвалась по шву, когда сдирали ее, с трусиками-шортиками вышло быстрее и без ущерба.

Лекс словно чувствовал мое нетерпение, мою сильнейшую нужду, они передались и ему, поэтому прелюдии почти и не было. Только требовательность, напор и жар-хватка прикосновений. И в тот миг, когда он оказался глубоко во мне, меня будто пронзило осознанием: я не могу, не хочу и не стану его отпускать. Никогда. Ни за что.

Сердце защемило, из глаз заструились слезы, но я кричала и пылала от наслаждения, умирала и воскресала вновь и вновь, цеплялась за Лекса и отдавала ему, только ему, каждую частичку своей души, своего экстаза, своего огня.

Он кончил с моим именем на губах, немного позже, чем я, сладко поцеловал, укрывая в своих объятиях. И была счастлива ощущать его кожа к коже, его ослабевшую плоть внутри, его дыхание на своей шее.

— Лекс, не оставляй меня. Не оставляй никогда, — попросила, не скрывая отчаяния. Сердце не переставало колотиться, и горло саднило то ли от крика, то ли от слез.

— Не оставлю. Я просто не смогу, ты же знаешь, — ответил он, снова соединяя наши губы, обхватывая мое лицо горячими ладонями.

И я успокоенно выдохнула, обняла его за шею, зарываясь пальцами в шелк волос, давно нуждавшихся в стрижке.

... Утром Романов опоздал на работу. У меня поднялась температура, сильно болело горло, он сбегал в аптеку за лекарствами, не хотел оставлять меня и смотрел с таким волнением, что сначала отругала его за гиперопеку, а потом крепко обняла, тоже не желая расставаться...

Обещала писать ему каждый час о своем самочувствии и все-таки отправилась трудиться.

Я болела редко, поэтому общая слабость, разбитость, гудящая голова и больное горло, досаждали, но рассматривались как очередной опыт. Как отсрочка перед важным шагом. Передышка, когда можно побыть беспомощной, уязвимой и ни о чем не думать.

Не важно, что я подхватила и виноват ли во всем дождь, под которым вымокла. Главное сейчас — поставить жизнь на паузу. Около двух суток провела между дремой, апатией и раздражением из-за забитого носа и скребущего горла. Легчало лишь тогда, когда Романов возился со мной: укутывал, измерял температуру, таскал в постель ромашковый чай и бульон, читал интересные статьи из интернета и крепко обнимал, поглаживая по спине, чтобы легче и быстрее заснула.

На третий день в голове прояснилось, почувствовала себя бодрее и даже встала утром, чтобы проводить Лекса на работу. Он нежно, долго и осторожно поцеловал меня в губы и предупредил, что будет часто писать, чтобы узнать, как я.

— Иди уже, — улыбнулась, приглаживая его темные вострепанные вихры, — я сама тебе

буду писать.

— Отлично, — серые глаза заискрились весельем. — До вечера.

— Пока, — чмокнула его в щеку и выпихнула за порог.

Сил прибавилось, поэтому, сделав себе кофе, прибралась, включила ноутбук. Сначала проверила почту, написала Артему, немного поработала, чтобы встряхнуть мозги, а потом принялась за то, за что давно следовало приняться.

Что ж, мне действительно нужна была передышка, время на то, чтобы привыкнуть к поставленной задаче. Зато теперь с новой мудростью и свежим взглядом я устрою свою жизнь так, как наметила.

Все данные Илона прислала мне файлом. Сегодняшний день решила посвятить тщательному изучению соцсетей этих «мальчиков». Хотя каких мальчиков? Самый младший из них оказался на 10 лет старше меня. С него и начала.

Борис Смирнов. Помимо предложенных Илоной, нашла еще два его аккаунта в соцсетях. Что ж, он любил фотографироваться, позировал практически профессионально. Симпатичный, веселый, оригинальный... И сразу видно: абсолютно незрелый. Машины, машины, машины, девушки с минимумом одежды, рестораны, клубы. Еще девушки, еще машины. Вот здесь он гоняет по Москве, здесь — по Ницце, здесь зажигает на яхте друга в Ибице.

Прожигатель жизни. Илона сделала пометку, что официально он ничем не занимается, источник его средств неизвестен. Возможно, красивую жизнь ему устраивает его дядя, далеко не последний человек в органах. Все-таки единственный племянник бездетного мужика.

Боренька — тот тип, который отлично изучила, пока работала хостес. Покорить легко, удержать труднее, построить далеко идущие планы — вообще невозможно. Эта та разновидность мужчин, которые останутся детьми и в сорок, и в пятьдесят. Сегодня он свозит тебя на Лазурный берег, а завтра забудет о твоем существовании, ведь вокруг полно игрушек. Сиюминутная выгода... А хочется фундаментального. Настоящего.

Смирнова я вычеркнула из списка. Если ухвачусь за него, потеряю время и останусь у разбитого корыта. Тратить нервы и средства на то, чтобы втискиваться в сонм его любовниц и увлечений не желаю.

Сергей Ковалев выглядел более обнадеживающе. Фамилия вообще на слуху в определенных кругах. Этот — один из братьев, которые владели сетью продуктовых в городе. Даже уже успел замараться в уголовном деле о взятке какому-то чиновнику, но целиком и полностью был оправдан. Вероятно, вовремя занес деньги тому, кому надо.

Соцсети мне почти ничего не сказали об этом мужчине. Только то, что у него за плечами был распавшийся гражданский брак, а бывшая регулярно навещала его на страницу в комментарии, чтобы позубоскалить и слить накопившийся яд. Ну еще стало ясно, что он обожает мотоциклы и «коллекционирует» девушек восточного типа внешности.

Непонятный тип... И внешность невнятная: не урод, но и не симпатичный, рыхловат, как Макс, с залысиной, одевается в стиле деревенский шик. Тянуло тоже вычеркнуть его из списка, но... Придется, составляя мнение, наблюдая за ним где-нибудь, а потом начать действовать, если впечатление окажется положительным.

Посмотрела адреса, где он регулярно бывает, мысленно присвистнула. Что ж, в одном месте есть связи, меня туда пропустят. Но это весь вечер. И, возможно, ночь. И, кажется, не один раз. Что я скажу Лексу?..

Вопрос впился в мозг, все не отпускало. Голова начала болеть и, выпив таблетку, я легла в постель. Ответ гудел, наливался напряжением и заполнял меня паникой: пришло время собрать вещи, сказать Романову прощай и уйти в самостоятельное плавание, тогда не придется изворачиваться и врать, глядя в глаза дорогого человека.

Но ведь Ковалев может оказаться такой же пустышкой, как и Боренька. И останусь совершенно одна, без Лекса, без надежного тыла, где можно укрыться, зализать раны. И еще: я не стану изменять ему! Ни с кем не буду спать, пока не поставлю точку в отношениях с Романовым. Да, будет ложь. Но крошечная, безопасная, почти во благо. Просто пойду в клуб, чтобы понаблюдать за другим мужчиной, в этом нет ничего такого, что можно было бы считать предательством. Мне нужно убедиться, сделать выводы. Это словно тайная работа. Дав имена, контакты и информацию, Илона фактически обязала, «наняла» меня...

Когда Лекс вернулся, меня всю трясло от жара, а голова раскалывалась. Таблетка не помогла. Парень запаниковал и, раздев меня до трусиков, принялся растирать ледяной водой. Мне стало хорошо просто от прикосновения его рук, заботы и тревоги, от которой побледнело лицо.

— Ты зачем работала? — осведомился глухо после окончания процедуры, завернул меня в плед, лег рядом, крепко обняв и руками, и ногами. — Господи, Риш, Жук никуда не гонит, он бы подождал, пока ты бы совсем поправилась.

— Я нормально себя чувствовала. И мне надоело лежать, — возразила, перебирая кончиками пальцев по его груди, которую закрывала новая рубашка. Потом потянулась, заключила в ладони колючие щеки и улыбнулась:

— Мне лучше. Все хорошо. И голова больше не болит, наверное, лекарство наконец подействовало.

Поцеловала настойчиво и жадно, показывая, что действительно полегчало. И я соскучилась. И больше не хочу думать, отвечать на вопрос, понимать, что теряю его...

— Все... Не мучай меня, — выдохнул через некоторое время Лекс, задыхаясь, убрал мои руки от своей обнаженной груди. Рубашку получилось расстегнуть почти до конца. — Сегодня точно никакого секса. Пойду сделаю тебе чай.

Он чмокнул меня в нос и со вздохом поднялся с дивана. Улыбаясь, оглядывала его красивую спину (рубашку он аккуратно повесил на плечики в шкаф), зад, чудесно смотревшийся в джинсах.

Лекс... Он дорог мне бесконечно... Поэтому в пятницу спокойно скажу, что решила с подружкой устроить девичник и уйду. Это не будет ложью, а только защитой.

... Ковалев в итоге оказался нерабочим вариантом, как и предчувствовала. Вальяжный, самодовольный, неопрятный. Мне повезло в первый же выход. Три часа наблюдала за ним и его спутницей, ярко накрашенной брюнеткой, которая не была похожа ни на элитную, ни на одну из наших. Повадками и привычкой громко смеяться мужчина напомнил мне Решетникова, тем, как хватал и лапал свою даму — Марата.

Тошнотворный тип. Даже не хочу второй раз видеть, чтобы понять: он только сегодня такой, потому что под градусом, или же всегда?

Спина и то, что пониже, затекли от долго сидения на лавке. Я встала, прошла взад-вперед по неровной дорожке крохотного сквера у здания, разминая ноги. Посмотрела в стремительно темнеющее и хмурое небо, обещающее очередной занудный дождь.

Влад Шикоренков, последний из списка, оказался загадкой. Головоломкой, к которой дня три подбирала ключик. И не ясно еще, может, ключ не подходит. Не зря Илона поставила пометку напротив его фамилии: «Сложность — 90 %».

Необычный мужчина. Согласно информации в файле, в этом году ему исполняется 39, он — плод короткой интрижки молодости нашего губернатора и, видимо, им не забытый и вполне признанный сын. Это если судить по его бизнесу: рекламное агентство, фактически монополист на городском рынке, живущее в том числе муниципальными контрактами. Он его вполне преуспевающий и легальный руководитель. Ну спасибо ему за те кошмарные стенды и тумбы, что украшают улицы города...

Вот это краткое описание, устоявшийся график, ссылка на его скудную страницу во «ВКонтакте», адрес офиса — все, что Илона сумела мне предоставить о Шикоренкове. Развлекаться Влад предпочитал в столице, он навещал там мать и сестру и встречался с какими-то важными шишками. Ходили слухи, что у него есть бизнес в Москве (и вроде даже не один), но записанный на родственниц.

Странный тип... С острыми чертами лица, худой, невзрачный с виду, но умеющий себя подать. Во многом сделавший себя сам. В общем, картина более или менее вырисовывалась: трудоголик, замкнут, необщителен. Несколько отягчало ситуацию и наличие брака за плечами. И дочери, которой сейчас девять. Хотя, если посмотреть с другой стороны, факт женитьбы (пусть и неудачной) означает готовность вообще заключать официальный союз.

Что ж, опыта охоты на таких мужчин у меня не было. Как вообще завязать с ним знакомство? Что способно привлечь его закорючавшуюся натуру, во главе угла которой явно стояли стабильность и сила привычек? Возможность знакомства через его круг общения исключалась. Вероятность встречи где-то, где собираются одинокие, богатые и желающие приключений, шикарных женщин, равнялась нулю. Замечательный повод — работать рядом, но не в моем случае...

Недоступность Шикоренкова разбудила во мне азарт. Очень давно его не испытывала, уже забыла, каково это — привлечь мужчину, имея минимальные шансы на внимание. Если справлюсь, это же будет вершина моего мастерства. Я рыла, анализировала и строила схемы каждую свободную минуту, пока, наконец, не дошел способ. Он очень простой, наглый, рискованный. Но если не выгорит, не беда ведь. Список Илоны будет отработан, а я продолжу жить так, как до этого — с Лексом и хмельным ощущением отпуска в душе и голове.

Идею мне подкинули гороскопы, которые Влад одно время регулярно постил на своей странице. Они и еще какая-то эзотерическая чушь — вот и весь контент давностью три года и больше.

Он верит в знаки и судьбу, в случай, который решает все. Так почему бы не сыграть на этом? Исходные у меня есть. А если тщательно подготовиться, то за попадание в яблочко можно практически ручаться.

Звезды сошлись 1 сентября. Первый день месяца, первый день нового сезона. А все

астрологические прогнозы для Шикоренкова, которые только нашла, предсказывали ему знаменательную встречу, задувший вдруг ветер перемен, прятаться от которого чревато. Я тщательно подобрала гардероб, который может понравиться столь консервативному мужчине (пришлось разориться на новое платье вовсе не в моем стиле, но что поделать). Одежда в темных тонах с мелким принтом, рукава три четверти, длина — чуть ниже колен, черные закрытые туфли с ремешком у щиколотки, собранные в ракушку на затылке волосы, но намеренно сделала прическу чуть встрепанной, небрежной. Если и превращаться в монашку, то хотя бы с налетом легкомысленности и озорства.

Когда подъехала к его офису и спряталась в тени деревьев напротив дорожки, ведущей на парковку, настроилась, собралась. Я не волновалась, ведь на карту ничего не было поставлено. Зачем переживать, если ничего не теряю, если это будто партия в теннис, которым одно время занималась из любопытства и проигрывала всем, кому можно. Причем со смехом, без капли негатива или сожаления.

Из графика следовало, что в час он должен выйти и к двум отправиться в ресторан, где всегда обедал по четвергам. Что ж, он опаздывал, но я была терпелива. Едва завидела его, повернувшего на дорожку, немедленно сделала вид, что поправляла ремешок на туфле, выпрямилась и шагнула из тени деревьев.

Шла навстречу, лучезарно улыбаясь, глядя прямо ему в лицо, словно бы узнала старого приятеля, с которым давно не общалась, но которого всегда обожала. Он заметил меня, чуть смутился, но не отрывал взгляда. В жизни все-таки Влад оказался симпатичнее, чем на фотоснимках. Неприметное лицо скрашивали живые и пронзительные светлые глаза, а еще в нем чувствовался тот лоск, то достоинство, которые так редко наблюдала у своих объектов, но которые всегда притягивали магнитом.

Приблизившись, я близоруко прищурилась и погасила улыбку, словно бы вдруг поняла, что обозналась.

— Простите, — прошептала виновато на выдохе, опуская глаза (даже чуть зардеться получилось), но он услышал, кивнул с серьезным видом и пошел дальше.

Я намеренно скрылась в здании, где у Шикоренкова располагался офис, и, найдя в вестибюле окно, выходящее на парковку, видела, как выехал его Lexus LS, следом опустился шлагбаум. Пункт А плана был разыгран строго по нотам. Можно было приступить к пункту Б.

Уже полчаса ожидала на лавке в сквере напротив ресторана, добравшись сюда на такси, ощущала, что начинаю терять боевой настрой. В исполнение плана может вмешаться погода, и хотя критичным это не будет, но жаль прическу и платье... Я, нахмурившись, посмотрела в небо, на которое стремительно напоздали темно-серые тучи, на нос вдруг упала капля дождя. Поморщившись, смахнула ее.

Давай, Влад, заканчивай уже трапезу и появляйся.

Минут через десять, когда еще одна капля упала мне на лоб, а небо еще больше потемнело, увидела Шикоренкова у выхода из ресторана. Он несколько минут разговаривал с каким-то мужчиной, а потом, распрощавшись, повернул на парковку.

Накануне внимательно изучила местность по гугл-картам и знала, где водителям приходится ожидать перед тем, как выехать на главную. Тротуар пролегал недалеко, так что мое появление перед капотом его Lexus будет обоснованным... Дальнейшее развитие событий зависит от характера Шикоренкова. Опыт подсказывал, что мужчины обожают играть в благородных рыцарей там, где это им ничего не будет стоить, но всегда возможны

варианты.

Я заторопилась к точке икс, а потом сбавила темп, выровняла дыхание, ступив на тротуар. Шагала, будто прогуливаясь, а Lexus приближался к перекрестку, дождь уже легко накрапывал. Остановилась, якобы ожидая проезда машины, а потом вышла на проезжую часть. Боже, даже яма подходящая была в асфальте... Потрясающе! Все одно к одному. Вот и не верь после этого в гороскопы.

Всплеснув руками и вскрикнув, я упала, «подвернув» ногу на неустойчивом высоком каблуке. Столь артистичный трюк без тренировки не дался, хотя отточить «номер» без вреда для здоровья помог и опыт в танцах, и пилатес.

— Девушка, с вами все в порядке? — послышалось от водительской двери.

Я только охнула в ответ, усаживаясь и потирая «покалеченную» лодыжку.

Влад не подвел. В следующий миг он вышел из машины и бросился мне на помощь. Жаль, не видела этот знаменательный момент и не могла заметить выражение его лица, так как сидела к нему спиной.

— Вы... — Произнес ошеломленно, едва взглянув мне в глаза.

— Ой, — притворилось смущенной и смешавшейся я. — Курьезное совпадение...

Шикоренков пытливо вглядывался в меня. Голубые, холодного оттенка глаза будто оценивали мое внутреннее содержание. Этаким сканер, ничего общего с эмоциями, приятием, симпатией. Да уж, такой взгляд мог насторожить кого угодно, но мой азарт только увеличился.

— Сможете встать? — спросил, оглядывая ногу, которую все продолжала потирать.

— На ручки не попрошусь, — хихикнула. — Давайте попробуем. Поможете?

— Разумеется.

Подхватив под локти, Влад потянул меня вверх, помогая подняться. Нарочито сделала это тяжело, с опаской.

— Похоже, просто растяжение, — пробормотала задумчиво, осторожно двигая «пострадавшей» конечностью.

— Надо бы в травмпункт, чтобы удостовериться. Или вы врач?

Подняв голову, встретилась с тем же холодным, оценивающим взглядом. Шикоренков первый из мужчин, кто смотрит на меня так, будто я опасный, но неожиданный элемент в жизни, с которым можно и нужно разобраться, определившись с методами.

Я вздохнула, убрала капли дождя с лица. Благо, лить он не надумал, продолжал лениво моросить.

— Нет, не врач.

— Я довезу вас.

— Да не стоит. Позвоню подруге, попрошу забрать. — Оглядела окрестности. — А что там за ресторан? Как называется?

— Да бросьте. Мне ничего не стоит оказать помощь девушке.

— В разгар рабочего дня, — усмехнулась, с печалью оглядывая отсыревшее платье и его грязный подол.

— Я начальник, мне можно.

— О... Ну если так...

Он поддерживал меня за талию и руку, пока, старательно хромя, ковыляла к машине. Кстати, в очереди на выезд стояло уже двое водителей. Терпеливо ожидали, ни один не сигналил возмущенно. Мужчина за рулем Kia, стоявший прямо за черным красавцем Влада, с

любопытством смотрел на нашу пару.

Ну пусть наслаждается. Не каждый день Рина Королева радует мир своими артистическими способностями.

Мы ехали в тишине. Шикоренков казался сосредоточенным на дороге, я же исподтишка оценивала свою «добычу», временную ли, постоянную — будущее покажет. Дорогие часы на запястье, последняя модель айфона на специальной подставке на приборной панели, костюм и сорочка классические, но явно luxury бренд, у такой одежды не только вид особенный, но будто и запах.

Косясь на мужчину, я и не пыталась завязать беседу. Инстинкты подсказывали, что это оттолкнет его, он замкнется и знакомство оборвется. Шикоренков странный. Пожалуй, самый странный из всех, с кем сталкивала жизнь. Может, и не стоит вообще хоть что-то с ним начинать...

А на Октябрьской мы попали в пробку из-за аварии на перекрестке. И вселенная в очередной раз показала: со случайностями стоит считаться. Как знать, если бы не этот затор, возможно, мы бы так и промолчали всю дорогу.

— Я думаю, нам стоит познакомиться, — постарался улыбнуться Влад, повернувшись ко мне. Плохо постарался, видела, что он крайне редко улыбается, не то что Лекс, который всегда словно бы сиял.

— Думаете? — протянула я, поморщившись, будто в сомнении.

Мужчина кивнул.

— Я верю, что любая случайность предопределена. А сегодня два раза с вами столкнулся.

— Ой, в первый раз приняла вас за старого приятеля, простите. Я близорука, но сегодня отказалась от линз, а очки принципиально не ношу, — виновато улыбнулась.

— Опять же — знаменательно, — подчеркнул Шикоренков. — Второй раз вы ногу подвернули у меня под носом. Практически на ровном месте.

— Знаете, там яма была.

— Неважно, — покачал головой. — Поэтому позвольте представиться. Влад Шикоренков.

— Я Марина Королева.

— Мы столкнулись в разных концах города...

Оборвала его со смехом:

— Вот это не случайность. Я просто ищу работу, вот и мотаюсь туда-сюда. Вполне закономерно.

— И какую именно работу?

И почему наша беседа напоминает и допрос, и тест одновременно? Хотя и пытаюсь придать ей легкомысленности, но Шикоренков все такой же сосредоточенный, мрачный. Пристально отслеживает малейшую эмоцию на моем лице.

Раздражает.

— Вот тут проблемы, — скисла я, опустив глаза. — Опыта у меня почти никакого. Последние две вакансии, которые присмотрела, офис-менеджера. Ну побеседовали, обещали позвонить, в случае положительного решения. Но чувствуется, что я им не подхожу. Вчера смотрела должности администратора и оператора кол-центра, но... Печально, короче.

Нарочно говорила слабым и уставшим голосом.

— Почему бы вам не повысить квалификацию, — предложил Влад спустя минут пять.

Мы как раз продвинулись вперед, ближе к перекрестку, я уже видела «Гранту», стоявшую на аварийках. — Можно пройти курсы, получить дополнительное образование. Тогда ваша ценность на рынке труда повысится, станет проще.

Спасибо, капитан Очевидность.

— Любые курсы и учеба стоят денег, — с прохладцей произнесла я. Дала понять: мол, Шикоренков, не лезь на личную территорию.

— А у вас их нет?

— Нет. Так сложились обстоятельства. — Отвернулась к окну, сделав вид, что задета и не хочу продолжать тему.

Теперь тишина его зацепила, как и предполагала.

— Вы замужем? — поинтересовался спустя еще несколько минут молчания.

— Был гражданский брак. А вы? Женаты?

Получилось выдержать идеальный тон светской, вежливой и ничего не значащей беседы, призванной развеять скуку. Я просто умница.

— Было дело, но давно прошло. Я почему спросил... Хотел посочувствовать вам: одинокой женщине трудно приходится в жизни.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась я.

Пошевелила ногой, покачала ей взад-вперед.

— Знаете, а лодыжка почти не болит. Да и дождь передумал идти. Высадите меня, пожалуйста, у драмтеатра. Зайду к подруге, думаю, она охотно позаботится обо мне. Холодный компресс, море сочувствия и все такое.

С ожиданием посмотрела на него, мило улыбаясь. Прикусила губу.

Шикоренков, метнув взгляд на мои ноги, еще больше нахмурился.

— Советовал бы вам проверить...

— Думаю, все в порядке, — по-приятельски, мягко похлопала по его предплечью. — Не волнуйтесь.

— Хорошо.

Итак, решающий этап... Попросит ли он мой телефон? Захочет ли новой встречи? Достаточно ли я его раздразила, заинтриговала? Достаточно ли была неприступно-доступна? Точно ли счел судьбой наши сегодняшние встречи?

Он остановился на Коммунаров, на пяточке, перед воротами. Повернулся ко мне, пугающе серьезный.

— Марина, давайте встретимся завтра вечером.

Мои брови взлетели на лоб в безупречно разыгранном шоке.

— Завтра? Зачем?

— Вы интересная девушка. Я понял, что не против узнать вас поближе. — Заявил спокойно, по-деловому. Таким тоном объявляют погоду, но не выказывают симпатию. — Это во-первых. А во-вторых, все произошедшее определенно знак.

— Я... Не то чтобы верю в знаки... — Растерянно затеребила ремешок сумочки, поправила прическу. — Думаю, можно, — продолжила неуверенно.

— Давайте тогда завтра в восемь в «Белини».

Вновь потрясенно округлила глаза.

— Боже, никогда там не была, но наслышана. Может, начнем с чего попроще?

— Зачем? — Во взгляде Шикоренкова впервые холод сменило подобие иронии. — Если там не были ни разу, очень рекомендую. Так что? Устраивает время?

— Да, — кивнула, будто бы смущенная.

А он неплохо начинает, не мелочится. «Белини» — считай самая высокая планка для первого свидания. Разумеется, я там бывала. Неплохое место, чудесный вид с веранды, но несколько нервирует некоторая избыточность в интерьере: зачем им столько зелени внутри?

— Тогда до завтра. И могу вас проводить к вашей подруге...

— Ой, не надо. Я дойду. Спасибо огромное за вашу помощь... И за приглашение, — я ярко улыбнулась, пустив во взгляд восхищение и благодарность. — Вы настоящий рыцарь.

Шикоренков явно был польщен, даже небольшой румянец на скулах выступил. Как мило.

— Ну что вы.

— Ты не думала снимать квартиру? Тяжело ведь тратить по два часа на дорогу сюда и обратно.

Покачала головой, улыбаясь:

— Пока не могу себе такого позволить, но как только найду работу, озабочусь обязательно.

— Если бы не работа, я бы тебя подвез.

— Да перестань, я уже привыкла мотаться, и меня все устраивает.

Легенды я придерживалась старательно: мол, живу у родителей, приезжаю в город, а потом отправляюсь обратно к ним в поселок. Ни к чему Шикоренкову знать мой нынешний адрес, велика вероятность, что раскопает информацию про Лекса. Или, что еще хуже, Романов случайно увидит нас вместе. Или какие-нибудь добрые соседи донесут.

Попрощавшись, я вышла из машины и направилась к остановке. Воткнула наушники в телефон, делая вид, что собираюсь послушать музыку, скрасив ожидание транспорта, а потом и поездку. Как только машина Влада скрылась в потоке транспорта, убрала в сумку смартфон и направилась в сторону совершенно другой остановки.

Сегодня было наше третье по счету свидание. Не сказать, чтобы я продвинулась, однако и успех отрицать не могла.

Встречались мы всегда днем. Тут и я настояла, мол, так гораздо удобнее, причем нам обоим, и он согласился: самый пик работы у него приходился именно на вторую половину дня и вечер.

В первую же встречу, в «Белини», мы перешли на ты, оставив формальности. Но общение было таким же странным, как и сам Влад. Он не отличался разговорчивостью, всегда был осторожен в словах, вопросах, а высказывания мало что говорили о его намерениях. Большую часть времени молчал, глядя на меня изучающе и как-то выжидающе. Я не считала нужным заполнять вакуум болтовней — молчала тоже, но и скованно себя не вела, показывая, что тоже ценю тишину и слова, произнесенные исключительно по делу.

Он охотно распространялся о работе и родственниках, о юношеских увлечениях и маленьких радостях жизни уже в зрелости. Анализируя сказанное, его поведение, взгляды на мир, набросала этакую черновую характеристику Шикоренкова (если продолжение «проекта» последует, то разберемся более детально).

Характеристика получилась не очень привлекательной.

Он и правда оказался человеком привычек, но уже начал тяготиться ими и стремился

хоть к чему-то новому. Подтвердил информацию Илоны: руководит агентством, есть связи в правительстве, которые помогли сделать карьеру, но он и сам немало потрудился и был талантлив. По образованию Влад юрист, а по призванию оказался толковым управленцем.

— То, чем приходится заниматься сейчас, поднадоело, — признался во время второй нашей встречи, когда мы прогуливались по парку после посещения очередного элитного ресторана. — Я решил развиваться дальше, и создал свой бизнес — агентство, которое занимается рекламными материалами для интернет-аудитории. Пришлось освоить таргетинг. Это очень интересно.

Я догадалась, что этот бизнес записан или на его мать, или сестру, живущих в столице.

— Боже! Выходит, у тебя две работы. Как ты справляешься? — поразила я.

Пожал плечами.

— Всегда любил контроль и режим. Это помогает.

Насчет контроля была согласна. Это даже забавляло. Допускала, что он не только в определенное время ложится, встает, ходит в спортзал, чтобы поддерживать форму, назначает встречи, звонки, но, черт возьми, по часам и кончает. Десять минут на секс — ну и хватит. Зачем больше? Он вообще производил впечатление отстраненного и прагматичного мужчины, строго отмерял эмоции, улыбки или выразительные взгляды на меня. Почти не прикасался, не пытался поцеловать, обнять по-собственнически или с подтекстом, не делал пошлых или не очень намеков, предложений.

Разительное отличие от всех тех, кого встречала ранее...

Было не ясно, ущербность ли это? Или, может, вот такая он загадка. Запертая изнутри на засов дверь. Возможно, когда-нибудь хозяин сам мне откроет, а, возможно, так и останусь на пороге, признанной, но не имеющей допуска в центральную часть дома.

Интересна ли ему? Похоже, да, иначе встреч бы не назначал. Как много ему потребуется времени, чтобы принять решение и обговорить, что наступил момент перехода на новый уровень общения, откровенности и влечения, отличных от дружеских? Кто ж знает...

Осознавала: «проект» не прошел бы и первую точку реализации, будь я чуть более отчаявшейся. А так, Влад не только видел отлично разыгранную мной индифферентность, но и чувствовал ее внутри. Причем неподдельную. И это дразнило обычные мужские охотничьи инстинкты.

В Шикоренкове не было ничего, что цепляло бы меня, даже его странности казались скучными, а в некоторых случаях настораживали. Это не Лекс, разумеется. Он не станет меня веселить, смешить, трястись надо мной, если заболею, не предложит чего-то экстраординарного, не вытянет в полночь на улицу, чтобы постритовать. Влад не позволит стащить аппетитно выглядящие куски из его тарелки, не заберет мой кофе, когда отвлекусь на что-нибудь, и, думаю, не станет страстно целовать в толпе народа, шептать возбуждающие вещи на ушко, пока танцуем или просто гуляем, смотрим вместе фильм, сидим в баре после выступления в «Игуане».

С Шикоренковым я не буду собой, конечно же. Впрочем, и не знаю, какая я на самом деле. Словно разделилась теперь. Одна часть меня отлично подстраивалась, укладывалась в форму, заданную Владом, в свободное время выстраивала стратегию, готовясь к новой встрече. А другая... Другая анализировала происходящее, качала головой и грустила. Ей было больно обманывать Лекса...

Поэтому я стала «прятаться». Намеренно просиживала за компьютером, пытаюсь продвинуться в копирайтинге, когда Романов приходил с работы или репетиции, утреннюю

пробежку заменила на вечернюю, отговариваясь тем, что так удобнее, начала активно помогать Артему в поиске концепции его будущей сети, тем более, что он почти нашел подходящую для первого магазина площадь.

Оставила минимум точек соприкосновения с Лексом: танцы (к которым мы все-таки вернулись, хотя этот проклятый сон, все равно, бывало, посещал), постель, разговоры о текущих делах и заботах.

Легче не становилось. Наоборот, каждое мгновение воспринималось как последний глоток воздуха перед тем, как погрузиться на глубину и больше никогда не всплыть к солнцу.

— Между нами все в порядке? — спросил Лекс, нежно, кончиками пальцев поглаживая мою спину, пуская сладкие мурашки по коже.

Утомленные, мы лежали обнаженными после секса. Моя голова и рука покоились на его груди, бедро для удобства закинула на его бедра. Тепло, очень хорошо... Вот так бы и заснуть... И не просыпаться.

— Конечно, — ответила лениво, очертила пальцем темный сосок перед моими глазами, чмокнула в грудь.

Между нами действительно было все более чем в порядке, это жизнь вмешивалась, указывая, что наш с ним удел — лишь дружба.

Лекс вздохнул.

— Меня уже некоторое время не покидает ощущение, что теряю тебя. Не хочу тебя терять. Очень боюсь этого.

Сочувствие стиснуло сердце: вот и он тоже... Мы словно на одной волне, научились подсознательно читать друг друга.

Я молчала. Что ему ответить? Что предчувствие верное? Что этот страх уйдет, потому что в реальность воплотится то, чего он боится? Что скоро и правда все оборвется, но мы обязаны сохранить дружбу? Ни за что! Я не уничтожу сладость и безупречность этих последних наших моментов, ведь прекрасно знаю: жить ими придется годами, надо запасти как можно больше.

Лекс уложил меня на спину, навис сверху и посмотрел в глаза. В его видела бездну нежности, обожания. А еще тревогу. Нужно немедленно ее убрать, поэтому обвела пальцами скулы, коснулась губ, а потом, обняв за шею и зарывшись пальцами в густую лохматую шевелюру, дразняще, неторопливо поцеловала, обхватила ногами бедра, провоцируя и возбуждая.

Он жарко ответил, поддался. И больше не спрашивал, все ли между нами хорошо...

На четвертое свидание Влад явился с букетом да еще и одарил меня милой улыбкой, едва увидел, как я вошла в бар на первом этаж клуба.

Замечательный знак: Шикоренков решил перейти на следующий этап знакомства.

И настроение моментально испортилось еще больше. До этого из равновесия вывел укоризненный и больной взгляд Романова. Сегодня у него был выходной, и выяснилось, что парень уже построил грандиозные планы для нас: речная прогулка на теплоходе, потом небольшая тусовка, которую собрал его приятель в честь своего дня рождения (разумеется, группа Лекса была приглашена в качестве звезд и гвоздя программы), а после он планировал отвести меня на ночной сеанс в кино.

Чертовски приятные и замечательные планы. Которые сразу же полетели в тартарары, потому что я собиралась на встречу с Шикоренковым. И отказаться от нее не могла!

Романову сказала: в город приезжает моя одноклассница, не виделись очень давно, а когда-то крепко дружили. Не хочу упускать возможность провести с ней время. С теплоходом никак не получится, но на день рождения приду в любом случае, правда не к началу.

Лекса это, мягко говоря, не обрадовало. Я заметила, что он злился, но отлично это скрывал. Назвал адрес тусовки и с натянутой улыбкой пожелал хорошо провести время.

Его злость передалась и мне. Бесило все: обстоятельства, сама жизнь, обязательства, необходимость вообще крутиться и действовать. Хотелось обнять Лекса, нежно поцеловать, позволить поцелую перерасти в глубокий и страстный и, закутавшись в вождеделение и близость, остаться так навечно. Вместо этого я собралась, намеренно одевшись нейтрально и отказавшись от яркого макияжа, и молча ушла.

Предположение оправдалось. Шикоренков был необычно оживлен, даже позволил себе пошутить один раз. Мы говорили о вине, потом перешли к обсуждению кино, Влад подробно рассказывал, как однажды посетил кинофестиваль в Сочи и вечеринку после него... А мне с каждой минутой все сложнее было удерживать эту маску заинтересованности и поощрять его ласковыми улыбками.

— Ты будто не в настроении сегодня, — заметил Шикоренков в конце концов. — Какая-то рассеянная. И не со мной.

— Да что-то слегка устала, — пожала плечами, прекратив улыбаться.

Проклятие на мою голову! Сначала врала и оправдывалась перед Романовым, теперь вот перед Шикоренковым. Да уж, бывают дни, когда мужчины рожают исключительно ненависть.

— Что же... — Влад сделал паузу, задумчиво поправил рукав светлого блейзера. — Лучше тебя отпустить отдохнуть тогда, но позволь отнять еще пару минут внимания. Есть кое-что важное, что планировал сказать сегодня.

Я допила коктейль и замерла, уставившись в зеркала бара. В них мелькнула знакомая шевелюра: торчащие ежиком короткие темные волосы с осветленными концами. Свен?

Резко повернувшись, обшарила глазами зал, но никого не увидела. Выдохнула.

Вероятно, показалось.

— Рина, ты не слушаешь, — голос Шикоренкова был нарочито ровным.

— Прости, — погладила его по плечу, извиняюще улыбаясь. — Показалось, что увидела знакомого. Что ты говорил?

— Что готов построить с тобой серьезные отношения. Ты мне нравишься. И как женщина, и как человек. Мне хорошо с тобой. Думаю, у нас возможно надежное будущее.

Оцепенело смотрела в лицо мужчины, абсолютно спокойное, даже безэмоциональное. В светлых глазах не отражалось ничего: ни желания, ни ожидания, ни волнения.

Холодный тип. Илона заблуждалась. Уровень сложности — 100 процентов. Получив от него долгожданное предложение, очень хочу или огреть его чем-нибудь, чтобы увидеть хоть какие-то эмоции, или встать и молча уйти.

Но ни первое, ни второе непозволительно. А жаль, черт возьми! Так бесит, что сердце колотится в ушах и руки приходится сжимать в кулаки, чтобы унять дрожь.

— Ты молчишь, — констатировал Влад и подозвал бармена, повторил заказ.

Как ни подавляла ярость, справиться с ней не смогла. Да к чертовой матери все! Все

рассыпается, так хоть с песком поиграюсь!

— Обдумываю, что именно тебе сказать, — ядовито улыбнулась и, расслабленно развалившись на стуле, распустила заколотые волосы, тряхнула головой.

Достали уже эти рамки! Это копирование вечно прямой спины и скупых жестов Шикоренкова, этот полумонашеский вид. Идиотство, а не «охота».

— Ответ, вижу, уже готов. — Шикоренкова неожиданно расшевелили мои маневры. Он подался ближе, в глазах зажегся огонек любопытства.

— Да.

Я сделала плоток из бокала, поставленного передо мной барменом. Заговорила, уставившись размытые отсветы освещения в темной полировке стойки.

— В наши с тобой предыдущие встречи я не все рассказала. Мы с Максом пробыли вместе два года. До него я пробовала еще с одним мужчиной, но все разладилось уже через полтора месяца, он не хотел долгосрочного союза. А до него пыталась заработать эскортом.

Неприязненно поморщилась. Подняла глаза на внимательно слушавшего Шикоренкова и с расстановкой, невозмутимо пояснила:

— Влад, я привыкла, чтобы меня содержали мужчины. Но я не простая содержанка, а с необычными для этой «профессии» амбициями. Я хочу брака. Хочу быть женой и в перспективе матерью.

— У тебя все? — поинтересовался обычным тоном мужчина, словно бы выслушал доклад подчиненного и готовится сделать резюме.

— Да, — кивнула.

Откровенность нейтрализовала бушевавшую злость, слава богу. Почувствовала и облегчение, и опустошение одновременно. Сейчас Шикоренков пошлет меня, ведь я нарушила незыблемое правило всех «охотниц»: никогда не признаваться в своем ремесле, даже если оно очевидно. Что ж, снова буду свободна, все вернется на круги своя. Вот такое несчастливое счастье.

— Мне надо в дамскую комнату, — сказала ему, спустившись на пол, не обращая внимание на то, что Шикоренков уже открыл рот, чтобы что-то заявить.

Там я пробыла недолго. Причесалась, поправила свой минимальный макияж, обдумала идею просто тихо уйти, не возвращаясь к мужчине.

Нет. Она плоха. Если уж откупорила бутылку, надо ее до дна испить. Ну еще один назовет шлюхой, зато уверена: не тронет, не попытается изнасиловать.

— Значит, эти поиски работы были обманом? — первым делом спросил Шикоренков, когда уселась рядом.

— Я действительно искала работу.

Посмотрела в его лицо, оценила выражение. Не похоже, что он задет, злится. Скорее, хочет получить ответы на все вопросы, чтобы составить целостную картину.

— Но, как ты сама понимаешь, я уже профессионально деформирована, — иронично улыбнулась, — не способна заниматься общественно-полезной деятельностью.

Влад помолчал.

— Знаешь, — начал рассеянно, повертел стакан с выпивкой. — Пока тебя не было, я все тщательно обдумал. И это тоже знак: ты ушла, и тем самым не позволила мне поставить точку в нашем знакомстве.

Какое удивительное заявление.

— Да, твое прошлое меня не устраивает,стораживает. Но! Ты необычная. Выгодно

отличаешься от себе подобных. Помимо того, что красива, еще и очень умна, практична, тонко чувствуешь меня. Хотя, подозреваю, ты способна тонко чувствовать всех мужчин. И это комплимент, кстати.

— Спасибо.

Заинтересованная, я откинулась на спинку стула. Хорошая преамбула, Шикоренков, но к какому же решению ты все-таки пришел?

— Кроме того, мне импонируют твоя рассудочность, спокойствие, способность подстраиваться и говорить правду даже тогда, когда она тебе не выгодна. Все это еще более редкие качества для женщин вообще, поэтому особенно ценные.

— Твое признание, Марина, не изменило главного. Ты по-прежнему мне нравишься. Кажется, еще больше, чем было до этого. Это будет новый для меня опыт, но, думаю, его можно обернуть в исключительно положительный. Если жена одолевала меня своим вниманием и потоком эмоций, разрушала личные границы, почему, собственно, больше трех лет ее и не выдержал, то с тобой можно договориться, тебя можно контролировать. Причем это будет легко для нас обоих. Имею в виду, поладить и найти общий язык в быту.

Одним словом, я — очень удобная вещь. Комплимент номер два.

Влад улыбнулся и, осторожно взяв меня за руку, запечатлел сухой и старомодный поцелуй у запястья. Я выжидающе смотрела на него.

— Нужно обозначить: сейчас про брак я не говорю. Мы начнем с договора, каждый из нас выдвинет свои пункты, их обговорим. Тут трудностей не вижу. Если в течение трех-пяти лет все будет гладко, будет устраивать нас обоих, мы можем и пожениться. Почему нет? Брак — это на самом деле удобно. Насчет детей... Я больше их не хочу, но если так случится, что ты забеременеешь и захочешь оставить ребенка, от него не откажусь. Буду поддерживать, даже если мы расстанемся.

Потрясающе все разложил. Мистер Контроль. Достоин оваций, а я — лавров, ведь теперь этот недостижимый приз в моих руках.

Победа, которую я не хотела.

— Вопрос с твоим жильем я могу быстро решить. Начнем, думаю, с восьмидесяти тысяч в месяц. Если не будет хватать, обговорим статьи расходов и вопрос увеличения суммы. Что скажешь?

— Неожиданно, — призналась я.

— Неожиданно мало? Или неожиданно много? — усмехнулся Шикоренков.

— Вообще все неожиданно.

Он побарабанил пальцами по стойке, раздумывая над чем-то.

— Давай тогда так. Ты подумаешь над своими пунктами договора. Все, чего бы тебе хотелось иметь в наших отношениях. И пришлешь их мне на почту, скину тебе адрес в СМС. Свои самые главные пункты я обозначил, остаются мелочи. Я тебе пришлю их в ответном письме.

— Какие мелочи? — Стало любопытно, что именно Влад считает несущественным, будут ли эти пустишки такими же странными, как и этот мужчина.

— Частота секса, методы предохранения, твой рацион, вес — их надо закрепить, потому что твоя фигура идеальна, если она перестанет отвечать параметрам, придется расстаться. Потом нужно прописать совместные выходы и то, что мы будем говорить знакомым о наших отношениях. Также необходимо закрепить правила для твоего гардероба и прически, длины волос. Некоторая вольность мне вполне по душе, но все же есть черта, я не хочу, чтобы ты ее

нарушала.

— Поняла.

Несущественное оказалось очень существенным. Контролирующий фрик, уверенный, что уже заполучил меня в собственность... После Решетникова и периода трагикомичной жизни с пыткой повседневными заботами, ограниченными доходами и привязанностью к тому, к кому нельзя было привязываться, сдержанный сухарь Шикоренков не так страшен. Он даже нечто большее — мой билет в спокойную, без лишних эмоций, сытую жизнь мечты.

Содержанка по договору. Прямо манна небесная. Грех от такого отказываться.

Через десять минут мы оба согласились, что встреча подошла к концу. Вместе вышли из клуба. Влад предложил подвезти, как обычно, но отказалась. Приобняв меня, Шикоренков обещающе коснулся губами щеки у самого рта, произнес тихо, на ухо:

— Не затягивай с письмом. Надеюсь его получить уже сегодня вечером.

Да... Флирт высшего уровня.

Я встала рано и решила заняться приготовлением роллов. О них просил Лекс, и купил все необходимые ингредиенты, хотя в списке продуктов их не указывала.

Он молодец. Не поленился заглянуть в рецепт.

Наше с ним время истекло, и, по идее, уже должна была уйти, оставив в прошлом эту связь. Это буквально душило меня. Думала о расставании всю ночь, лежа рядом с Романовым, глядя, как безмятежно он спит. Мне нужно сказать ему... Но ведь есть еще несколько дней: в ответном письме Шикоренков обозначил дату встречи — следующий понедельник. И отметил, что уже смогу переехать...

Влад согласился на все мои условия. К ежемесячной сумме добавила еще автомобиль, указав желаемые марки, не менее пяти за год зарубежных поездок (страны и города перечислила) и по неделе в каждом месяце, посвященной лишь мне, свободной от встреч и секса.

Хорошо, когда мужчина во главу угла ставит договор. Я принимаю его условия, он — мои. Уже меньше поводов для претензий и неудач в отношениях. Очень выгодный подход, ведь партнерство — это тяжелая работа.

Кстати, насчет нее. Забрасывать переводы и копирайтинг нисколько не хотелось. Во-первых, мне это нравилось, было приятно, что способна заработать хоть что-то сама (опять же, страховка на черный день, который, как показал Решетников, может настать в любой момент), во-вторых, Артем без меня пропадет, нужно ему помогать.

Мелькала мысль сохранить и Лекса. Но обрывала саму себя. Это и унизит его, и сделает больно. Он ни за что не согласится делить меня с кем-то, я чувствовала, знала.

— Доброе, — хриплым со сна голосом поздоровался Романов, вдруг появившись на пороге.

Вздрогнула от неожиданности, едва не порезалась ножом, которым тонкими пластинами нарезала красную рыбу, обжигавшую холодом морозилки.

— Ага, — ответила, отворачиваясь к доске, мельком взглянув на парня.

Не могу на него смотреть... Каждый взгляд — как острая спица, которую втыкают мне в сердце. Вчера удачно пряталась за толпой, весельем и общением, неизменными атрибутами любой тусовки по случаю дня рождения, потом сослалась на дикую усталость, приняла душ

и легла в постель, притворившись, что сон сморил почти сразу же.

А сегодня? Будет тяжелый день.

— Вчера не было времени тебе сказать. Нас же пригласили сыграть на фесте в Самаре.

— Вот как, — протянула одобрительно, принявшись за чистку огурцов. — Какое-то внезапное предложение. И когда поедете?

— Через десять дней, двадцать пятого числа. Поезжай со мной.

Промыв очищенный огурец под холодной водой, положила его на бумажные полотенца к собрату, взялась за очередной.

— Рин?

— Я не смогу, — произнесла глухо.

— Нет?

— Нет.

Я слышала, как Романов шагнул к столу, сел на табурет.

— Это ведь связано с тем мужчиной, с которым ты встречаешься за моей спиной?

Я застыла. Внутри все помертвело. Откуда он знает? Откуда?..

— Ты собираешься уйти от меня к нему?

Кивнула в ответ — голос пропал. Минуту царило тревожное молчание. Я прекратила чистить огурцы, потому что боялась порезаться, мышцы одеревенели от напряжения и плохо слушались. Стояла, опираясь на раковину, спиной к Лексу.

— И когда ты бы сказала мне об этом?

— Сегодня. — Ложь противно горчила на языке.

— Почему? — в его голосе дрожали злость и обида. — Почему он, Рина? Ведь дело не в любви. Или я ошибаюсь?

Потерев лоб дрожавшей рукой, убрав назад упавшие на него пряди волос, я вздохнула.

— Не ошибаешься, — произнесла еле слышно.

— Садись. Нам надо поговорить, — жестко сказал Лекс. — Единственное, что нам остается, — поговорить. Оно же — последнее.

Я послушалась, села напротив и, поставив локти на стол, спрятала лицо в ладонях. Тело и мозг словно оглушили, словно в них проник ледяной яд и теперь отравлял клетку за клеткой.

Лекс прав. Он заслуживает знать все. Знать, какая я на самом деле. Знать мои цели, которые никогда не поймет, не примет и не простит.

— Мне Свен рассказал, — признался Романов. Смелости все не хватало посмотреть на него, но, похоже, что он сосредоточен, совладал с собой. — Вчера днем видел вас вместе. Он работает в том клубе.

Значит, мне не показалось. Ну этого следовало ожидать, тайное всегда выпячивается наружу своими самыми уродливыми боками.

— Между нами ничего не было. Просто встречались, — поспешила объяснить. — Я бы никогда... пока с тобой...

— И он поцеловал тебя.

Я до боли прикусила губу. Как, черт возьми, Свен и это смог увидеть?

— Если дело не в любви, тогда в чем?

— В расчете. Деньгах.

— Это как?

— Это не моя жизнь, Лекс. А я хочу свою. — Выпрямившись, решительно заглянула ему

в лицо, стараясь унять дрожь. Злилась, защищаясь. — Я не желаю считать каждую копейку, сидеть взаперти, потому что не хватает денег на путешествия, жить в тесной каморке с кучей чужого хлама, в спальном районе. Не желаю год за годом прозябать в хлопотах и заботах, ненавидеть такую жизнь, потерять возможность вырваться и обрести свободу.

Он смотрел на меня пытливо, на миг показалось, что во взгляде мелькнула жалость.

— Я привыкла к тому, чтобы мужчины обеспечивали меня. Содержали. Целенаправленно ищу таких, делаю все, чтобы их привлечь, встречаюсь только с такими. Продолжала бы и жить с Решетниковым, если бы не вмешались обстоятельства. Но никогда не любила его, только ценила. За деньги. И за ту мою жизнь, за которую он платил.

От признания стало еще холоднее, еще более пусто внутри. К горлу подкатила тошнота и слезы. Романов — единственный человек, перед кем было стыдно за свой статус содержанки. Захотелось отмыться от него, как от приставшего к коже дерьма.

— Содержали... — глухо повторил Лекс, горько усмехнулся. — Очень практичный подход. Много объясняющий. Ну хорошо. Ты привыкла, чтобы тебя содержали, тогда почему спонсор — не я?

— Ты — другое дело.

— Почему другое, Марин? — Он дернулся, разозлившись. — Чем я хуже их? Неудачник и останусь им? Меньше зарабатываю? Финансово не потяну такую королеву, как ты? Так я это вполне способен исправить. Миллионером не стану, но смогу обеспечить машину, путешествия, кучу брендовых вещей и о чем ты там еще мечтаешь.

— От тебя бы я ни копейки не взяла. Никогда. Ты другой!.. Самый родной, самый близкий и дорогой для меня человек.

— Но не настолько родной, чтобы отвернуть, видимо, от цели. И не настолько дорогой, чтобы ждать, когда из нищетограда превращусь в золотого тельца, — выплюнул рассерженно. — Со мной только секс по дружбе и чтобы время убить в ожидании настоящего принца.

— Прекрати! — Хлопнула ладонью по столу. — Ты — это ты! Никаких добавлений и превращений не надо! И я не убивала время с тобой!

Голос сорвался из-за подступивших слез. Я умолкла, выравнивая дыхание, унимая нервы. Бессмысленно плакать, истерить. Все кончено. И пусть этот факт убивает меня, самое время вспомнить о железной воле и приоритете разума над чувствами.

Снова повисла тишина. На сей раз она была пропитана отчаянием и полосующим душу напряжением. Пристальный и какой-то обреченный взгляд Лекса отпустил мой. Парень встал, отошел к окну, открыл его на проветривание, впусив в кухню бодрящий, холодный утренний воздух, пахнувший кисловатыми яблоками и листвой.

— Ты помнишь нашу первую встречу? — Спросил вдруг, опираясь на раму, глядя в окно.

— Да.

Смотрела на обтянутую футболкой красивую спину, на затылок и пряди темных спутанных волос, которые скоро достигнут плеч.

— Ты тогда так взглянула на меня, улыбнулась. Слово сердце остановила, а потом запустила. Бывают в жизни такие моменты, бесповоротные. В моей был лишь один такой. И он связан с тобой. Мне хватило одного взгляда, чтобы влюбиться в тебя и навечно остаться в таком состоянии. Ты такой кардиостимулятор для моего сердца, оно не будет биться без него.

Горло перехватило, я судорожно вцепилась в столешницу.

Так вот о ком была та песня, которую ребята часто играли в «Игуане» в числе прочих своих сочинений. Концовка там была печальной: героиня уходила, а герой оставался лежать на полу, считая последние удары сердца.

— Лекс... — прошептала с болью.

— Ты и тогда, и потом, когда мы снова стали общаться, показывала, что мы только друзья, ничего большего. Почти семь долбаных лет френдзоны. Они доконали бы кого угодно, но я, видимо, мазохист. Любовь бывает, конечно, безумной. Вот моя существует в такой форме безумия. Но теперь точка.

Боже, именно моя вина, что он так и не смог построить нормальных отношений с какой-нибудь девушкой. Эгоистично держала его рядом, как друга, вместо того, чтобы отпустить. Именно я сделала его несчастным тогда и продолжаю делать таким сейчас. И даже готовлюсь причинить адскую боль, выбрав в итоге другого...

А ведь были очевидные знаки! Но намеренно закрывала глаза, не давала ему высказаться, отшучивалась...

— Когда в ту ночь ты пришла ко мне, счастью не было предела. Я посмел надеяться, что теперь все будет иначе, что это шанс, новая жизнь. Чувствовал, что ты к ней не готова, но мог бы ждать. Ждать сколько угодно. Год, два, десять лет, лишь бы не терять тебя...

Он развернулся ко мне, печальный взгляд нашел мой.

— Но все же потерял. И отпущу. Это нормально и логично — делать любимого человека счастливым. Если твое счастье заключается в том, что ты перечислила, если ты не видишь его со мной, а с ним, то... Так тому и быть. Бессмысленно что-то доказывать, менять, шантажировать чувствами. Ты приняла решение, сделала выбор. Это хорошо. Кому-то из нас двоих и должно быть хорошо. Это лучше, чем если бы обоим было паршиво.

Он вновь отвернулся от меня к окну. Больше не произнес ни слова.

Не будет бороться... Отпускает... И я тоже должна, обязана отпустить его. Но, господи, как же велик соблазн сохранить хотя бы часть прежнего рядом, остаться с ним друзьями... И бесконечно пытаться и себя, и его этим. Нет! Так нельзя. Хотя бы раз в жизни нужно поступить правильно.

«После этой ночи все будет иным. Между нами больше не будет дружбы», — сказал он мне тогда, когда в первый раз занялись любовью. Очерчивал границы, предупреждал, но я не слушала, мне очень хотелось его тепла, страсти, хотелось осуществить желание, сжигавшее изнутри.

Надо было остановиться в ту ночь.

Поднялась на непослушные, ставшие ватными ноги и, ощутив, как по щекам катятся беззвучные слезы, стерла их ладонью. Пошла в свою комнату, достала сумку и принялась собирать вещи.

Не планировала уходить сегодня. Вообще не планировала уход, если уж быть откровенной с самой собой. Думала: а вдруг Влад изменил бы решение, выдвинул бы неприемлемые условия, вдруг бы случилось какое-то чудо, появилось бы непреодолимое обстоятельство...

Ага, а по дворам заскакали бы радужные единороги. Я не в чертовой сказке! Нельзя жить как черепаха, вечно прячась в панцирь священного «а вдруг».

Этот разговор все перевернул и заставил открыть глаза, снять пленку эгоизма. Жестокий урок, жестокая правда. Но я справлюсь, а как же иначе.

— Куда ты пойдешь? — Романов, ополоснувший лицо водой (ко лбу прилипли влажные пряди, а белую футболку украсили потеки воды), шагнул на порог, прислонился плечом к косяку. Взгляд серых глаз пронзающий, ранящий.

— Куда-нибудь, — отозвалась, пряча среди своих футболок его любимую, со Спайдерменом, которую позаимствовала с неделю назад, выстирала, но так и не вернула. И не верну.

— Если тебе некуда пойти, то оставайся столько, сколько нужно.

— Лекс, — укоризненно взглянула ему в лицо, — оставаться сейчас рядом означает терзать нас обоих. Мне нужно уйти. Не уйду только в одном случае. Если ты заявишь, что через день справишься со своими чувствами и будешь полностью готов вернуться к дружбе.

Он красноречиво промолчал, а затем, отведя взгляд, ушел.

С другой стороны, имей он силы отказаться от меня как мужчина, я в любом случае не имею ни желания, ни решимости отказаться от него как женщина. Приложила бы все усилия подсознательно и сознательно, чтобы мы снова спали вместе. Дружба — бутафория. От нее давно ничего не было в наших с ним отношениях. Исчезло задолго до того, как оказались в одной постели.

Не следует рубить хвост по частям. А в нашем с ним случае вообще требуется *coup de grâce* — удар милосердия.

Меньше чем за тридцать минут сумка была собрана. За остальными вещами как-нибудь вернусь, или нет... Не важно. Вызвала такси. Потопталась в прихожей пару минут, ожидая, что он появится, скажет прощай, возможно, обнимет, коснется... Но не захотел.

Второй раз за несколько месяцев уходила с вещами, расставаясь с мужчиной, но впервые чувствовала: жизнь склеивается, а вот сердце полностью разбито.

Гораздо лучше, когда наоборот.

Снять номер в нормальной гостинице денег хватило, но только на сутки. Вечером, около семи, перестав переписываться с Артемом (его ужаснул наш с Лексом разрыв, посчитал, что нужно подставить дружеское плечо и загрузил меня массой информации о своем опыте расставаний), я набрала Дашу.

— Ну привет, счастливица! — В ее голосе звучало восхищение и радость. Но я-то знала, что эти эмоции — фасад, прикрывающий главное — зависть.

Так было и тогда, когда я охотунала Решетникова. Она сама призналась, что это чувство вполне здоровое для девушек нашего с ней образа жизни. Еще и стимулирует на дальнейшие достижения.

— А я все гадала: сама позвонишь похвастаться или дождешься, пока я тебя наберу. Королева, везучая ты сучка. Везучая и умелая. Горжусь тобой!

— Могла бы погладить тебя по головке и сказать, что в том и твоя заслуга, — сухо ответила Хвостовой, — но не стану. Чтобы заполучить Шикоренкова, использовала исключительно личные навыки, никаких твоих наработок.

— Ай молодца, — язвительно усмехнулась Дашка. — Бьешь не щадя, прямо в сердце. Вот тут моя школа.

— Твоя. Даш...

— М?

— У меня к тебе вопрос.

— Ну задавай, хватит ходить вокруг да около.

— Я могу пожить у тебя до понедельника?

Молчание.

— А что с твоей крышей? — поинтересовалась наконец.

— Я ушла от него.

В горле снова скопились горечь и слезы, сглотнула их, поскрябав ногтем ткань джинсов на коленке.

— А что так? Не смогла дотянуть до момента, когда Шикоренков тебе хату бы дал? — язвительно ввернула Хвостова.

Скрипнула зубами.

— Так могу я пожить у тебя? Буквально полтора суток.

— Приезжай, — объявила добродушно. — Адрес знаешь.

— Хорошо. Завтра утром жди. Около одиннадцати буду.

... Конечно, Хвостова вытянула из меня все подробности. За ночь в голове и душе немного уложилось произошедшее, трезвое мышление победило, подсказывая, что выбрала единственно верный путь и заслуживаю награды за то, что хватило на это ума, воли и сил.

Поэтому рассказ об успехе с Владом был кстати. Позволил ощутить триумф, правда с ноткой трагедии. Так, наверное, полководцы докладывают о выигранном сражении, в котором потеряли лучших из лучших солдат.

— Ох, бля, Марина! — восхитилась Дарья, отпив шампанское из своего бокала. — У тебя не голова, а калькулятор. Я бы так не смогла, просто мозгов бы не хватило.

— Да ерунда. Ничего сверхъестественного. На самом деле все вышло случайно, — мимолетно улыбнулась я, пригубив из своего бокала.

Изумительный вкус. Настоящее, французское. Вкус достатка и счастья в нем жить, о котором уже слегка подзабыла, но к которому теперь возвращаюсь. Приятно.

А ночью снова проснулась в липком поту от этого сна про чертовы растоптанные каблуками лепестки, среди которых, умирая, лежала в одиночестве. Заглянула в телефон: начало третьего ночи, два сообщения от Жука. И ничего от Лекса...

А я хотела иного? Ну просто дура...

Я тосковала по нему, но, если никак не будем контактировать, тоска пройдет, хотя и не сразу.

Спать больше не хотелось и, одевшись, я встала, вышла на застекленную террасу на втором этаже коттеджа. С нее открывался прекрасный вид на сад, сейчас живописно подсвеченный. Села в плетеное кресло (дизайнерская работа, сделано в Италии, комплект этой мебели Дашке стоил целого состояния), залюбовалась разливавшимся вокруг ночным спокойствием.

Остро пахло осенними цветами, стрекотали кузнечики, лучи от маленьких светильников, закрепленных в земле, среди кустов, где-то в кронах нескольких деревьев на участке, разгоняли темноту, творя свой мир полутонов, фэнтезийных объемов и образов, приносили глянец в обыденные краски.

Возможно, тоже когда-нибудь переберусь в коттеджный поселок, поближе к природе...

— Не спится? — послышался позади голос Даши. Через секунду она опустила е

соседнее кресло, забравшись в него с ногами, устраиваясь удобнее.

— Через год или два, — заговорила она через некоторое время, как обычно, терзаясь тишиной, — скоплю достаточно, как раз заработает новый салон, и я кину Рафика. Что-то тошнит уже от него.

— Кто-то есть на примете? — спросила рассеянно, наблюдая, как выются мотыльки возле ближайшей подсветки.

— Нет. И не хочется искать. Хочу для себя пожить. Могу позволить, все-таки столько лет потратила на этого борова. Может, вон, любовника заведу. Для души, — усмехнулась, хитро поглядев на меня, и потянулась в кресле, взлохматила идеальное даже после сна каре. — В таком случае сразу богатой стану.

— Что за бред, — покачала я головой.

— Ринка, мы ж нищие с тобой, — рассмеялась Хвостова.

Удивленная, повернулась к ней.

— Да-да, чего уставилась на меня так? Знаешь, что можно считать настоящим состоянием?

— Что?

— Любовь, идиотка. Ведь это из-за нее становится плевать, носишь ли ты шмотки от Гуччи, есть ли у тебя сумка от Марка Джейкобса. Тебе пофиг, жрать ли вареную колбасу или ягненка в черничном соусе от знаменитого шефа, пофиг, где жить и на чем ездить, проводить ли отпуск где-нибудь на Бали в роскошном отеле или в долбанном местном Затоне. Все это неважно, и количество денег в банках перестает иметь значение. Главным солнцем в твоей жизни становится некий мужчина, ради которого ты способна на многое, если не на все. Вот ты можешь себе позволить такую роскошь, а?

Несколько минут размышляла над ее словами, потом ответила:

— Нет.

— Значит, мы обе с тобой нищие, дорогая подружка.

Я хмыкнула.

— Странно это слышать от тебя. Ты же утверждала, что сила любви эквивалента размеру суммы содержания. Откуда эта философия вообще в твоей голове зародилась?

— Да вот как увидела тебя сегодня, поговорила, прониклась шармом депрессии в твоём взгляде, так и зародилась, — Дашка, прищурившись, глянула на меня, совершенно серьезная. — Хочешь, сделаю нам Кровавую Мэри? По-моему, самое время.

— Давай.

Солнце ослепило на миг, когда вышла на одну из двух лоджий. Отсюда открывался захватывающий дух вид на город: высотки и крошечные, словно сказочные, домики внизу, широта Кубани, серебристо-серой лентой уходящей вдаль. Свежий крепкий ветер трепал пряди волос, и полы кардигана, в который поспешила закутаться.

— Нравится? — спросил Влад. Он встал за моей спиной, положил руки на плечи.

Инстинктивно напряглась, но заставила себя расслабиться. Не следует так реагировать на прикосновения Шикоренкова. Нужно привыкнуть к мысли о близости с этим мужчиной.

Притворилась, что хочу увидеть больше, и подошла ближе к перилам, улыбнулась, оглянувшись на Влада.

— Здесь потрясающе.

— Ты всегда квартиру выбираешь по виду из окон или лоджии?

— Именно так, — рассмеялась в ответ.

Как только он привел меня сюда, сразу же устремилась на воздух. Заметила только огромные окна, просторную главную комнату, зону спальни, спрятанную за высокими стеллажами да вход на кухню.

— Ладно, пойдем посмотримся. — Мужчина приглашающе протянул мне ладонь, нехотя уступила.

Мы остановились в центре главной комнаты, и Влад принялся объяснять про отделку, паркетную доску, потолки и точечные светильники. Квартира была готова, но практически не обставлена. У одной из стен увидела электрокамин из белого искусственного камня, в спальном зоне за стеллажами угадывалась большая кровать.

— На кухне уже есть вся бытовая техника. Подключена, работает. Стиральную машину установили в ванной, но, если не устраивает, можно попросить перенести, — рассказал Шикоренков. — Пойдем посмотрим?

— Да не нужно.

Я оглядывала стены со светло-изумрудной декоративной штукатуркой, светлые доски пола и пыталась представить, чем обставлю пространство, как буду сидеть у этого камина с книгой и бокалом вина, время от времени поглядывая в хмурые осенние небеса, прислушиваясь к шуму дождя... Идиллия. Которая почему-то все не вырисовывается в воображении. Возможно, всему виной головная боль от недосыпа и тревожное чувство, что что-то упускаю.

— Тогда в спальню, — произнес на ухо Влад и повел туда.

Мы остановились в проходе, и мое сердце оборвалось.

Огромная, застеленная шоколадно-коричневым бельем кровать и охровый плед, накинутый сверху, винтажная прикроватная тумба черного цвета, на ней ваза с алыми, точно кровь, розами. И лепестки.

Они были повсюду: разбросаны по центру кровати, по полу — дорожкой, ведущей к ложу. В носу и на языке осел этот запах, памятный по проклятому сну: остро-горький, густой и свежий.

— Прости. Мой помощник с флористом перестарались, — повинился вдруг Шикоренков, шагнув ближе к кровати, ведя меня за собой. — Я сам приберусь, раз уж это меня неправильно поняли.

Едва слышала его, словно завороченная смотрела, как мои туфли топчут лепестки, похожие на большие капли крови, шпильки протыкают их беззащитный шелк...

Лепестки под каблуками.

Влад убрал плед, стряхнул на пол набросанные останки цветов, подошел ко мне. Подняла на него невидящий взгляд. Что-то нужно было сказать, но язык не шевелился. Наклонившись, Шикоренков аккуратно отвел прядь волос, чувственно поцеловал меня в шею под ухом, обняв за талию, потом медленно разжал пальцы, стискивавшие кардиган на груди, коснулся губами каждого, с ожиданием глядя в глаза.

А я наконец представила свою жизнь здесь. С ним. День за днем дежурные или не очень поцелуи, пустые разговоры, вечная маска услужливой содержанки, секс по расписанию и регламенту, когда отдаешь лишь тело, а не душу. С тем, кто тяготит уже сейчас, кого не хочу и не захочу по-настоящему никогда. С тем, кто не подарит ни тепло, ни страсть, ни всего себя. Влад — будто форма, изысканная, но полая для меня. Он и меня, мои чувства поместит в аналогичную. Золотые интерьеры и союз, но в них я не буду счастлива, потому что на самом деле это клетка.

Лепестки под каблуками. Я топчу их, как годами безжалостно топтала чувства Лекса, не желая их замечать и одновременно принимая как должное. Лепестки — это и мои чувства. Я лгала себе в течение долгого времени, душила притяжение, обманывала, когда говорила, что ничто не ставлю на карту в игре с Шикоренковым. Ставила. Саму себя. Теперь Влад мой, неважно на какой срок, тут я сорвала джек-пот, как выразилась Хвостова, обеспечена до конца жизни в любом случае. Влад мой, но я больше не я.

Проиграла себя. Растоптала себя.

— Ты опять будто не со мной, — цокнул языком Влад и поцеловал.

Противно не было, лишь холодно и пусто внутри, лишь больно в сердце и голове.

Уперлась руками в грудь мужчины, заставив отстраниться.

— Я не с тобой, — произнесла, с горечью глядя в холодные голубые глаза. — И не смогу быть с тобой.

— Почему? — спросил, неприятно пораженный.

— Потому что уже, видимо, много лет люблю другого, — грустно улыбнулась. — Прощай. Мне надо идти, а ты достоин лучшей женщины, чем я.

Погладив его по щеке, я прошла к тумбочке, сняла кольцо с бриллиантом, который он мне подарил перед тем, как привезти сюда, развернулась и направилась к двери. Это, безусловно, красивое место и красивая жизнь, но они не мои. И рада этому.

Пока спускалась вниз, рассматривала свое отражение в зеркале золотой кабины лифта. Красивая блондинка с острым взглядом, в темно-синих брюках-клетчатке, бежевой блузе с бантом на груди, черном кардигане, сжимающая серебристый клатч. Ухоженная, элегантная, но подделка. Сахарозаменитель, искусственно созданный и временами опасный.

Это правда: я корыстная, расчетливая, умеющая лгать, преобразаться и подстраиваться содержанка. Продажная кукла, аксессуар для богатых мужчин, символ их достатка и высокого положения в обществе. Влезла в эту роль, как в униформу, потом ее с меня содрали, сделав уязвимой. Но теперь и сама не желаю натягивать эти тряпки. И придется проверить, способна ли сшить себе совершенно другую одежду.

Страшно. Паршиво. Но надо.

Как обычно, зима для коммунальщиков пришла внезапно. С утра с неба посыпались хлопья влажных снежинок, они таяли, как только достигали земли, но сумели внести переполох в городскую жизнь: видимость в разы ухудшилась, на дорогах и тротуарах было скользко, чистить и посыпать противогололедной смесью эту вторую по счету шалость декабря никто не торопился, транспорт встал в пробках из-за аварий.

Крепко сжимая капюшон куртки, который норовил сорвать встречный ветер, наклонив голову, я пробиралась по Длинной. Мне нужен был 152-й дом, но ноги, обутые в берцы, то и дело скользили, так что вероятность добраться целой и невредимой все уменьшалась.

А скоро Новый год. Черт возьми, обидно будет встретить его со сломанной рукой или ногой, и все из-за Жука, позвавшего меня оценить магазин, который откроется через неделю.

За эти месяцы наше сотрудничество и дружба еще больше окрепли. Я взялась делать и распространять для него рекламу в соцсетях и была признательна, что Тёма не побоялся доверить такое важное дело только-только начавшему заниматься таргетом недоспециалисту.

Таргет и правда оказался занимательной и интересной сферой. Единственная вещь, заставлявшая меня с благодарностью вспоминать Шикоренкова... Из-за него я порвала с Лексом, но и из-за него же решила, что способна сделать себя сама, без помощи мужчины.

Вообще, моя жизнь стала существенно ограниченной, полной простейших хлопот, размеренной иногда до скуки, но... какой-то конструктивной. Шаг за шагом, кирпичик за кирпичиком — строила будущее, создавала себя. Общалась только с квартирной хозяйкой (привередливой и придирчивой женщиной), молодой мамой, живущей по соседству и часто заходившей извиняться за излишне шумное чадо и мужа, который с ним вечерами играл. Ну и с Артемом еще, занявшим пустующую нишу моего лучшего друга.

С Дашкой все разладилось окончательно и бесповоротно в тот же день, когда она узнала, что я отказалась от Шикоренкова. Позвонила мне, обматерила, выразила надежду, что я не пожалею о сделанном выборе, попросила больше никогда не звонить, не писать, не напоминать о себе и отключилась.

Некоторое время думала, что и в этом случае так проявилась ее зависть. Я смогла то, что, вероятно, никогда не удастся ей, — вырваться.

О выборе действительно ни секунды не жалела, отсутствием в своей жизни Хвостовой совсем не тяготилась, а страдала только из-за одного человека... Сильно скучала...

Тёма ныл и ныл, умоляя меня помочь определиться с раскладкой товара. Я указывала, что вообще не профессионал, есть вон мерчендайзеры, но нет. Жук хотел, чтобы я хоть глазком бы взглянула и вынесла вердикт. И вот сдалась в конце концов, а теперь в непогоду бреду по скользкому тротуару, плечо оттягивает набитый книгами шоппер (совместила поездку к Артему с необходимостью забрать заказ), ноги уже промокли и начали замерзать.

Ненавижу зиму.

За время самостоятельной жизни весь центр исходила пешком вдоль и поперек, просто гуляя, изучая, наблюдая и размышляя, но в этот угол пока не забредала. Нужный дом нашла благодаря уже установленной вывеске над дверями с зеркальными стеклами: добротный, кирпичный, двухэтажный. В округе смотрелся выгодно, а главное: поблизости никаких конкурентов, но зато есть фитнес-зал. Туда недавно занесла распечатанные буклеты с моим рекламным текстом.

Две ступеньки — и я осторожно стучу в стекло. Жук открыл через пару минут,

привычно небритый, с торчащими во все стороны кудрями, улыбнулся светло, как школьник, получивший пятерку.

— Привет, красавица, — обнял меня на миг, а потом сразу же затащил внутрь, закрыл дверь. — Замерзла? У меня есть кофе горячий в термосе. Будешь?

— Ага.

Пока Артем возился в подсобке, я скинула куртку, аккуратно уложила ее на стул у витрины, вниз поставила шоппер. На прилавке рядом стоял включенный ноутбук и кружка (парень предусмотрительно подложил под дно сложенный лист бумаги). Рядом лежали десятки страниц каких-то списков. Видимо, перечень будущих товаров.

Я с любопытством огляделась, прошла по периметру. Пустые полки и освещение, горевшее не везде, угнетали, но в целом приятное место.

— Неплохо. Все на высоте, — поделилась мнением. — Вон на те дальние полки можно поставить товар для суперзнатоков. А вот там хорошо бы смотрелись всякие футболки, майки, кепки, кружки и бутылки с логотипами.

— Держи. — Жук остановился рядом, вручил мне кружку. Внимательно всмотрелся в те места, на которые указала, словно представлял, как все будет выглядеть в готовом виде, почесал подбородок со своей светлой и длинющей щетиной. — Идея недурна.

— Пользуйся.

Поблагодарив за напиток, я сделала пару глотков. Кофе был без сахара, но зато восхитительно горячий. Жидкость опустилась в желудок, согревая, прогоняя традиционную для меня зимнюю хандру.

Указала на полки, располагавшиеся справа от входа:

— Вот сюда поставишь чай и коктейли для похудения и низкокалорийные продукты, ну там всякие батончики-мюсли, сухофрукты, смеси, шоколад без сахара.

Тёма озадаченно поскреб в затылке.

— Уверена? Я вообще пока такую хрень не заказывал...

— Вот и зря. Помню, меня однажды спас магазин спортивного питания. Очень хотелось не отказывать себе в маленьких радостях и садиться на диету никогда не соблазняло. Тренажерный зал и коктейли для похудения сделали свое дело. Так что советую. Привлечешь еще больше покупателей. Вернее, покупательниц.

— Ну раз такой знаток советует, — насмешливо протянул друг. — Тогда пойду озабочусь.

Он вернулся к ноутбуку, по всей видимости, собираясь дозаказать товар. А я мелкими глотками пила кофе, грела о кружку руки и ходила по магазину. Заглянула в подсобные помещения, оценила явно новую сантехнику в санузле, нашла заднюю дверь, почему-то открытую, но Артем объяснил, что должны подвезти заказ. Потом вернулась в зал, встала у прилавка.

— Очень и очень неплохо. Но работы еще непочатый край. Успеешь до открытия?

— С таким менеджером, которого добыл, успею, — просиял Жук, отрываясь от монитора. — У него талант организатора и ответственность выше крыши.

— Здорово, — улыбнулась я. — Ты главное не скупись на его зарплату, а то переманят.

— Я? Скупиться? — нарочито обиделся Тёма. — Во-первых, плачу ему в два раза больше, чем он на прежнем месте получал, во-вторых, взял его в долю.

— Умный мальчик, — одобрительно похлопала парня по плечу.

— Что есть, то есть, — рассмеялся он. Спросил, неожиданно посерьезнев:

— А ты была хорошей девочкой? Сдержала свое обещание? Написала Лексу?

Я отвернулась. Хорошее настроение мгновенно умерло.

— Нет, — ответила ровным голосом.

— Марин, едрит-мадрит! — В сердцах выругался Жук. — Вам надо поговорить. Если Лекс узнает, что ты сожалеешь и страдаешь...

— Ох, все! Не начинай.

Махнув рукой, я оставила кружку с недопитым кофе и отошла от этого энтузиаста подальше, занялась тем, что двигала и выравнивала специальные держатели-контейнеры, которые были впопыхах кое-как брошены на полки у левой стены.

Артем мало знал о ситуации. Говорила ему лишь о том, что причина разрыва во мне, я же стала и его инициатором, не распространяясь, не поясняя, с чего это вдруг. Точка зрения Романова Жуку вовсе была неизвестна, тот резко и зло обрывал все разговоры обо мне, не позволял ни слова произнести о том, что происходит в моей жизни. И понимала почему. Лексу все еще было больно...

А как больно мне... Впрочем, все заслуженно.

Тёма считал, что мне стоит все объяснить Романову, написать ему сообщение, раз уж звонить тяжело. В последний наш разговор опрометчиво пообещала сделать это, но слово не сдержала.

Боже, если бы Жуков только знал, как по сотни раз на дню смотрела в телефоне на номер Лекса, думая, что написать, душила слезы, а потом все бросала, проклинала и шла или работать, или гулять, или бегать, или убираться, или в магазин (в них особенно ненавидела ходить, те что у дома вообще клоаку напоминали)... Если бы он знал, что понятия не имею, как объяснить человеку, которого любишь, что в тот день ошиблась... Что вообще всегда ошибалась.

По-моему мнению, это вообще невозможно.

Какие слова подобрать для того, от кого потребовала немедленно избавиться от чувств, от кого ушла без оглядки, с кем все жестко оборвала ради нелюбимого, чужого, но богатого?

Никакие.

Как поверить девушке, которая всегда действовала ради своей выгоды, лгала и притворялась ради роскоши, продавалась за деньги?

Никак.

Где гарантия, что Лекс не станет думать: так, у нее не получилось с этим, но остался запасной аэродром — это я, и сколько времени пройдет до момента, когда она снова отправится в полет?

Нет такой гарантии.

Поэтому все останется так, как есть. Я не вернусь в жизнь Лекса, отпустила его. И рано или поздно он забудет, начнет заново с какой-то другой девушкой. Да, это смертельно ранит меня, сожаление и слезы станут причиной еще не одной бессонной ночи, но пусть.

Он правильно тогда сказал: нормально и логично желать любимому человеку счастья, даже если оно и не с тобой. Идеальный мужчина. Только идеальный и сильный способен отпустить того, кого любит безумно, понять его до конца. А вот прощение... Наверное, ему должно предшествовать искупление.

Установившуюся тишину нарушил стук задней двери. Кто-то вошел со двора и зашагал к нам в зал.

— О! Это мой незаменимый менеджер и партнер, — шутливо объявил Артем.

— Он самый, — буркнул знакомый голос. Я застыла, а сердце будто прыгнуло в горло. Не может быть...

— Так, тут баннеры. Вот здесь — указатели. А вот в этой коробке — каталоги.

— Отлично. Сюда носи... Осторожно опускай... Смотри, кого я позвал в гости.

Не чувствуя своего тела, я медленно обернулась и наконец увидела пришедшего.

Лекс изменился. Другая прическа (коротко стриженные, почти под ноль виски и красиво причесанные волны густых волос на макушке), другая одежда (черное, классического кроя длинное пальто, черные слаксы и серый джемпер), другой взгляд (пристальный, ледяной, мрачный).

Я вдруг почувствовала себя дурнушкой. Кажется, впервые за всю свою жизнь. Давно забросила укладку, просто собирая волосы в низкий хвост, сегодня выбрала неформальную обувь, простые голубые скинни и красный свитшот с идиотским буквенным принтом, забила на макияж. Артему плевать, как выгляжу, мы же просто друзья.

— Привет, — выдавила севшим голосом и, робко улыбнувшись, отвернулась к полкам.

Лекс же промолчал.

Похолодевшие руки дрожали, а сердце колотилось. Кусая губу, обдумывала, как выйти из положения. Вот ведь чертов Жук! Вот же удружил, гаденыш! Припомню ему еще.

Но как же мучительно больно видеть Лекса и лишиться возможности коснуться его, прогнать холод из серых красивых глаз, заставить улыбнуться той самой светлой улыбкой, от которой всегда сладко сжималось что-то внутри.

Невозможно больно. Невыносимо. До истерики.

Глубоко вздохнув, я развернулась и, глядя исключительно на Артема (сверля его красноречивым взглядом), деловито произнесла:

— В общем, мне уже пора. Не буду вам мешать.

И направилась к стулу со своими вещами. Как назло, рядом застыл Романов, но успешно избегала смотреть ему в лицо.

— А ты и не мешаешь. Лекс так вообще на сегодня свободен, — ухмыльнулся белобрысый сводник за прилавком.

Подхватила куртку и начала одеваться, повернувшись к друзьям спиной, вздрогнула, когда кто-то (Лекс, кто же еще!) помог мне влезть в другой рукав.

— Романов, отвези девушку, не будь уродом, — насмешливо попросил Жук. — Ты видел, какое там светопреставление? А у нее и сумка тяжелая, кстати.

— Да не надо. Я справлюсь, — пробормотала, наклоняясь за шоппером с книгами. Не успела: сумку за ручки уже поднял Лекс.

— Отвезу, конечно, — услышала рядом его спокойный голос, стиснула челюсти.

Все хорошо. Небольшая поездка. Чего я трушу? Мы даже не обязаны разговаривать друг с другом. А так хоть немного побуду с ним вместе. Вообразу, что он кумир, а я — его скромная фанатка, отлично умеющая скрывать свое помешательство и влюбленность.

— Окей, — улыбнулся Артем, подмигнул мне. Паршивец. — Пока, ребят! Пишите письма, шлите деньги.

Лекс с моим шоппером направился к задней двери, я — следом за ним.

Все-таки такой деловой стиль ему не очень идет, будто прячет то мальчишеское озорство и легкость, которые всегда ощущала в нем, добавляет лет и опыта, какой-то громоздкости. Интересно, почему он решил так измениться? Очень надеюсь, что это не из-за меня.

Романов распахнул дверь, по-джентльменски пропуская меня вперед. Шагнула во двор, в рыхлый и сырой слой снега, прикрывший гравий, уперлась взглядом в серую Skoda Fabia.

— А где «Калина»? — вырвалось удивленное.

— Перегнал в гараж к отцу. Свое она отслужила. Да и привязанности, как выяснилось, нас губят.

Быстро взглянула на Романова, чтобы уловить выражение его лица: равнодушное, ни полуулыбки, ни обиды во взгляде. Камень не в мой огород?

— Садись, — он открыл переднюю пассажирскую дверь, приглашая в салон. Шоппер убрал в багажник, а после, когда смел нападавший на лобовое стекло снег, присоединился ко мне, завел мотор.

— Сумка и правда тяжелая, — проговорил ровно, разворачивая машину. — Что ты туда положила?

— Книги. Забрала сегодня два словаря, которыми давно мечтала обзавестись, и еще литературу по таргету. Вот не думала, что знания могут быть настолько неподъемными, — пошутила.

Он даже не улыбнулся.

— Ты все еще занимаешься переводами? — спросил через какое-то время, когда я уже и не ждала, что разговор продолжится.

— И не только ими. Теперь на мне копирайтинг — работаю и на Тёму, и на небольшую контору. И еще рекламные тексты для Артема. Он сказал, что может официально устроить меня менеджером по рекламе. Пока отказалась.

— Ну да. Зачем это тебе, — мрачно усмехнулся.

Я стиснула ремень безопасности, отвернулась к окну. Черт, похоже, он думает, что живу как у Христа за пазухой с Владом, а переводы и прочее — блажь зажавшейся содержанки. И как дать ему понять, что все не так?

Никак. Пусть так и думает.

— Ты где теперь живешь?

— На Темрюкской. Дом номер 71.

Лекс на мгновение, кажется, лишился дара речи. Стиснул руль, но так и не посмотрел на меня.

— Куда тебя занесло, однако, — едва слышно резюмировал.

— Ну да, — пожала плечами. — Район не айс, но зато квартира недорогая, с евроремонтом, чистая и уютная. Хозяйка, конечно, тетка с прибамбасами, но если не портить мебель, поддерживать чистоту и даже на миллиметр ничего не менять, то она душка. Проверяет меня стабильно: четыре раза в неделю в три часа дня. Сильно расстраивается, если меня в тот момент нет дома. Тогда заходит без приглашения и так удачно раскладывает мои вещи, что потом их долго ищу.

— Она зверь, — пробормотал Романов изумленно. — И давно ты там обитаешь?

— С двадцатого сентября.

Лекс резко затормозил на красный. Проехал стоп-линию.

Что ж... Говорить ему о том, что несколько дней ютилась у Жука на родительской даче, заняла у него денег на первоначальный взнос за жилье, покупку подержанного ноутбука и продуктов на первую пору, не стану. Я расплатилась, до сих пор иногда подкармливаю Тёму, памятуя о его исключительной доброте и участии, а первоначальные трудности... О них теперь с улыбкой вспоминаю.

И о компоте из сухофруктов как единственном блюде ужина, и о еле-еле теплившейся жизни в старичке-ноутбуке, который все же скоро пришлось менять на новый (и впервые познакомиться с понятием рассрочки), и о том, что тонкий кардиган или свитшот плохо греют в октябрьскую сырость и все же надо тратиться на куртку.

Было нелегко, но весело. Зато прошла полный курс детокса от прежней жизни.

Самых главных вопросов Романов так и не задал. Я заметила, что спокойствие с парня слетело, как осенняя листва под первым сильным зимним ветром, он был напряжен, но в то же время будто потерял концентрацию, ушел в свои мысли. Вел осторожно, неторопливо и больше не произнес ни слова.

Я подсказала, где лучше повернуть, чтобы заехать к дому, назвала подъезд. Снегопад усилился, стал еще гуще, и, хотя едва перевалило за два часа дня, город погрузился в настоящие декадентские серебристые сумерки.

— Спасибо, — тихо поблагодарила я, оглянувшись назад, вспомнив о том, что надо бы забрать шоппер. — Откроешь багажник?

— Что? — Лекс будто очнулся, пристально посмотрел на меня. — Я донесу до квартиры, нечего тебе тяжести таскать.

И вышел. А я взволнованно перевела дыхание.

В молчании мы поднялись по лестнице на третий этаж. В молчании я отперла замок, впустила Романова внутрь.

— Эммм. — Забрала у него шоппер, поставила у обувной полки. Наблюдала, как цепко и сосредоточенно он оглядывает чужую обстановку, вешалку в прихожей, где и вещей-то не было почти. — Пройдешь, может?

Ну, однокомнатная даже с хорошим ремонтом — это не дворец, но жить можно. Особенно если правильно расставлять приоритеты. Этому искусству научилась быстро.

— Хорошо, — кивнул Лекс, снял пальто, повесил на вешалку, начал разуваться.

Тоже скинула свои куртку и берцы, прошла на кухню, помыла руки. Романов появился через минуту (видимо, инспекция единственной комнаты завершилась за короткий срок), замер, изучающе глядя на меня, опираясь на спинку стула.

Так... И что нам теперь делать? Приглашать его в квартиру не планировала, о чем говорить, не имею представления, как избавиться от волнения, неловкости и стыда — тем более.

Крайне сложный и тяжелый момент, в который почему-то влипла, будто в суперклей.

— Будешь кофе с кардамоном? — улыбнулась, вспомнив, что все-таки какая-никакая хозяйка в этом доме и должна проявить гостеприимство.

— Да.

Кивнув, отвернулась и, достав из подвешного шкафчика турку, занялась приготовлением. Рецепт требовал внимания, а еще — времени. Как раз 15 минут, и прибавим 15 — на то, чтобы кофе выпить. Стандартные полчаса визита. Вот и все. Романов согрется, насытится не общением со мной и уйдет.

А я останусь одна. Зализывать раны и заниматься самопознанием.

— Рина, — заговорил Романов, когда пена появилась в первый раз и сняла турку с огня. Смотрела, когда она спадет, чтобы вернуться к приготовлению.

— Да?

— Я все пытаюсь понять... Твой мужчина... С которым ты... Он не согласился во всем обеспечивать тебя? Или...

— У меня нет мужчины, — ответила, снова поставив турку на огонь.

— И... когда вы расстались? Что произошло?

— Мы не расставались.

— То есть? Я не понимаю...

Пена вновь появилась, и я убрала турку на подставку у плиты, повернулась к Лексу.

— После тебя у меня никого не было. Я изменила решение, отказала Владу и ушла. — Смотрела в его глаза, из них наконец ушли холод, настороженность и отстраненность. Они поглощали меня, прогоняли тоску. — Сказала ему, что на самом деле люблю другого и не могу быть с ним.

Лекс не шелохнулся, молчал, продолжал испытующе смотреть на меня. Испугавшись собственных слов и такой реакции, я отвернулась от него, снова поставила турку на огонь.

И что дальше? Сердце глухо, с болью стучало.

А ведь не сказала Романову, что его люблю, его... Вот ведь дура.

Застыла, ощутив его ладони на своих плечах, и сердце оборвало свой бег. Развернулась в его руках, а он нежно обхватил мое лицо дрожавшими пальцами, большим мягко коснулся губ.

— Риша...

Шепот, проникновенный взгляд, секунда, другая, а после наши губы столкнулись в поцелуе. Жадно, жарко, судорожно, опаляюще, глубоко. А еще безумно желанно, полно, счастливо — до слез.

Прервало нас громкое шипение на плите и тяжелый запах сгоревшего кофе и кардамона. Черт побери, а ведь напиток был почти готов. И идеально бы получился наконец-то... А теперь еще и плиту очищать.

Повернувшись, я выключила газ.

— Кофе с кардамоном не будет, — констатировала, вздохнув. — Но есть растворимый.

Лекс, так и не отпустивший меня, крепко обнимающий за талию, уткнулся в мою макушку и рассмеялся. Не удержалась — рассмеялась тоже. Потом, повернувшись к нему, обвела пальцами лоб, брови, скулы, наслаждаясь, блаженствуя, заключила в ладони родное лицо, произнесла в губы:

— Люблю тебя. Очень. Люблю... — Зажмурилась от подступивших слез. — И прости Прости, пожалуйста. Я такой кретинкой слепой была. Прости. Я так сожалею обо всем. Обс всем, что делала с шестнадцати лет. Глупая девчонка.

Спрятала лицо у его шеи, глотала слезы и вдыхала аромат его одеколona. Простой, но возбуждающий, ассоциирующийся только с ним, моим Лексом.

— Перестань, — он целовал меня в висок. — Прости уже сама себя, я давно тебя простил.

— Но почему не написала? Не позвонила? Не пришла? — разозлился, встряхнул меня за плечо. — Наказывала себя так, да? И меня заодно. Думала, не поверю, не приму обратно, лучше, чтобы вычеркнул тебя из своей жизни. И правда глупая.

— Угу, — согласилась, крепче обняв его.

— Проехали. Теперь это в прошлом. Вообще все в прошлом. По опыту знаю, нифига не получится его исправить, но зато получится построить классное будущее. Выйдешь за меня?

— Еще спрашивает, — всхлипнула, чувствуя, что становлюсь неменяемой от облегчения и счастья. — Выйду, конечно. Семейный бюджет будет в разы больше моего нынешнего.

— Моя корыстная красotka. Люблю тебя безумно и целую вечность, — прошептал Романов и, обхватив затылок, заставив посмотреть в его потемневшие от страсти глаза, снова жадно и напористо поцеловал.

Мы увлеклись. Сильно. Больные от желания, целовались, то горячечно, то осторожно, дразняще-нежно. Лекс стянул с меня свитшот, ласкал грудь через белье, томил долгими поцелуями в шею. Я в конце концов сумела избавить его от джемпера и теперь млела от прикосновений к твердым мышцам.

Хочу его до боли.

Когда он подсадил меня на кухонный стол и я обвила его бедра ногами, чувствуя упирившееся в мое лоно возбуждение, еще больше загораясь сама, в голове будто что-то щелкнуло. Через секунду хлипкий стол угрожающе накренился.

— Ой, черт, — вцепилась в руку Романова, расстегнувшую пуговицу на моих скинни, проникшую под белье. — Только не здесь. Мы не должны. Она просто убьет меня.

Тяжело дышавший Лекс остановился, посмотрел на меня, точно одурманенный, но в итоге встряхнулся.

— Но есть комната, — проговорил, касаясь своими губами моих, стиснул талию так, будто собираюсь прогнать его прочь, но он не намерен отпускать. — Там же можно?

— Лучше не надо, — выдохнула с сожалением.

— Что? — Лекс сердито сдвинул брови. — Это в договоре так написано?

— Договор ни при чем, Романов. Скоро три. Она придет с проверкой, я же предупреждала.

— Вот змеюка.

— До трех нам хватит времени?

— Шутишь? Нет!

— Пусти, — я дернулась. — Дай слезть, а то стол сломаю. Чувствую себя слонихой с этой мебелью, хотя во мне всего-то 58 килограммов.

Он послушался и разжал объятия. Осторожно спустилась на пол. С жалостью глянула на наши разбросанные вещи. Надо бы их убрать, а то помнутся.

— Цепочка есть? — спросил Лекс, приглаживая живописно взлохмаченные моими руками волосы, раздумывая над чем-то.

— Какая цепочка?

— На двери.

— А! Есть.

Хорошая мысль. Так эта мадам хотя бы не войдет в самый пикантный момент.

Романов быстро чмокнул меня в губы:

— Иди в постель. А я скоро.

Я улыбнулась и, собрав наши вещи, отправилась туда, куда и велели.

... - Я так скучал. И написал про тебя новую песню.

Мы лежали в обнимку, разомлевшие, до краев переполненные удовлетворением, лицами друг к другу. Никак не могли насмотреться, перестать касаться, ласкать, ошалело улыбаться. Размеренно тикали часы, за окном продолжал сыпать снег, но в нашем раю время словно остановилось, суэта растворилась, оставив нас наедине, богами этих мгновений.

— А я-то как скучала! Когда увидела тебя сегодня, не знала, то ли умереть от радости, то ли под землю провалиться от вины и раскаяния. И ты изменился...

Погладила светло улыбавшегося Лекса по щеке, зарылась в волосы на макушке, пропуская их сквозь пальцы.

— Мне нравится новая прическа, — нежно клюнула в нос.

— Твой уход стал для меня ударом. — Его рука, скользящая на мою талию, дрогнула, инстинктивно крепко стиснула.

— Подумал: пора что-то делать, шевелиться, сменить имидж музыканта-неудачника, разбогатеть и отбить тебя у того старикана, — тихо рассмеялся.

— Да не такой уж он старик, — посчитала нужным заметить. — Оу... Лекс...

Повалив меня на спину, Романов выцеловывал дорожку к груди. Обхватил губами сосок, раздражил его языком, заставив меня выгнуть и еще раз простонать его имя. Ладонь накрыла мою промежность, возвращая покалывающее, тяжелое желание.

Вот же ревнивец...

Из марева очередной прелюдии нас вырвал резкий и нетерпеливый звонок в дверь. Еще один и еще.

— Хозяйка? — Раздосадованный Лекс посмотрел на меня.

— Ага.

Я убрала свои бедра с его, подтянулась к подушкам и села. Обшарила глазами комнату в поисках пледа или покрывала. Куда бросила их?

— Марина? — Донеслось от двери после щелчка замка. — Ты зачем на цепочку закрылась?

Я покраснела и закрыла рот ладонью. Отвечать не хотелось.

— Да она маньячка. Настойчивая, — рассерженным шепотом ругался тоже севший Лекс.

— Блин, боюсь, она теперь меня выгонит, — притиснулась к нему, обеими руками обхватив за плечо.

— Перебирайся ко мне. Тем более, что у меня осталась куча твоих вещей.

Входная дверь задергалась. Мы опять услышали:

— Марина? Ты здесь? Открой мне.

— Честно признаюсь, к тебе совсем не хочу, — скривилась я.

— Да уже вижу сам по твоему прекрасному личику. Но вообще... Как смотришь на то, чтобы мы купили квартиру. Не элитную недвижимость, конечно, но на приличное жилье хватит, — шептал Лекс, ласково перебирая мои растрепанные пряди.

— Да к черту это элитное, — заглянула в любимые глаза. — Главное — чтобы были ты, спальня и никаких-никаких безумных квартирных хозяек.

Июльское солнце играло в листве, пускало по площадке озорных солнечных зайчиков и иногда било в глаза возившимся в песочнице детям. Поглядывая на малышей, я отвечала на комментарии под своими постами. Большинство подписчиков задавали вопросы по делу или благодарили за контент.

Сторис с советами по уходу за кожей, ногтями и волосами, обустройству дома, с собственными рецептами блюд начала делать почти три года назад. Взясась от скуки, желая попробовать какой-то новый формат. Теперь у меня чуть больше 80 тысяч подписчиков, и поступает приличное количество предложений о размещении рекламы. Все рекомендуемое неизменно проверяю лично и только потом размещаю сообщения, обязательно делюсь своим опытом использования.

В копирайтинге и переводах за годы стала настоящим профи. Пришлось все-таки устроиться к Артему менеджером по рекламе, чтобы хоть как-то легализовать доход, но график не изменила. Работала из дома, тем более еще и обстоятельства добавились... И не более четырех-пяти часов в день, ибо на мне еще и поддержание огня в домашнем очаге висело.

«Чем занимаешься?» — пришло сообщение от мужа.

«Гуляем с Савой», — ответила.

«Так все же вытащила упряма на улицу?»

«Ой, будто ты его не знаешь. Ему лишь бы повредничать. А потом — золотой ребенок».

«Ну отлично. Приеду вечером. Ждешь ведь?»

«А нужно?» — улыбнулась, набрав вопрос.

«Нужно. Потому что любишь».

«Значит, жду».

«Люблю тебя. Пока!»

Улыбаясь, нашла взглядом сына. Тот, насупившись, смотрел, как Алиса, дочка Тани, которая читала электронную книгу на соседней скамейке, пытается запустить песочную мельницу.

— Да не так, — не выдержал мой четырехлетний отпрыск. — Не будет она крутиться. Песок сырой. Дай сюда, покажу.

Алиса заревела, не желая расставаться с игрушкой, и мы с Татьяной поспешили на помощь детям. Через пять минут, уладив конфликт, обе вернулись к своим делам.

Мы с Романовым поженились в июне. Скромное торжество, дюжина гостей, свадебный ужин на палубе теплохода. Артем, разумеется, тоже был приглашен и прибыл с новой подружкой. Кстати, они через год последовали нашему примеру и расписались. Она милая девушка, бывшая фотомоделль.

Жук теперь владелец сети из пяти магазинов, Лекс помогает управлять ими, а еще и ухитряется выкраивать время на группу и выступления.

Мы купили трехкомнатную не в шикарном и современном, но в спокойном районе. Дом был не новый, планировка советская, но кухня — достойного размера, вид из окон хорош, соседи — приличные люди. Последний месяц муж то и дело прощупывает почву: предлагает продать это жилье и купить в новостройке. Но, если честно, уже привязалась к этому месту, мне по душе и отличная детская площадка, устроенная поблизости, и детский сад под боком.

Вон и школа даже есть, я узнавала — у нее хорошая репутация. Ну да, мы тут несколько в «отрыве от цивилизации», но давно уже научилась наслаждаться этим. Есть некая прелесть в этих спальных районах. Отдых от шума, ложного блеска и суеты.

Савелий родился на третьем году нашего супружества, меня уже начал одолевать страх, что бесплодна, но Лекс излучал уверенность: у нас будут дети, просто иногда нужно чуть больше времени для осуществления этого желания. Сын получился моей копией, но с темно-русой непокорной шевелюрой, как у мужа, и серо-голубыми глазами. Мальчик подвижный, с характером, испытывал терпение воспитателей в детском саду, «дрессировал» бабушек и дедушек. Пробовал сегодня и со мной, но, как и всегда, потерпел фиаско.

Кто с ним отлично справлялся, буквально единственным взглядом, так это муж. Но в пятницу вечером Лекс с группой отправился на фест в Сочи, а мы с Савой остались один на один на поле битвы характерами. Пленных никто из нас не брал.

Приедет вечером... А я хотела сделать лазанью, ее и сынуля любит. Возни с ней хватает, поэтому, похоже, пора нам потихоньку собираться.

— Сава, — позвала сына. — Еще полчасика погуляем и домой. Хорошо?

— Хорошо, — отозвался он, утаскивая Алису к качелям.

Отметив, что у детей все снова спокойно и ссориться они не собираются, я вернулась к ответам на комменты. Замерла, когда кто-то, подкравшийся сзади, закрыл ладонями мои глаза. Дотронулась до теплых длинных пальцев рукой, провела по кисти туда и обратно, широко улыбнулась.

— Лекс. Ну ты и врешь! Приедет он вечером.

— Обожаю делать сюрпризы, — засмеялся позади муж.

А я, вскочив со скамейки, широко улыбаясь, поспешила крепко обнять этого хулигана. Детская площадка не место для неприлично горячих поцелуев, пришлось нам довольствоваться короткими, нежными, обещающими.

— Голодный? Я не успела сделать ужин, но есть остатки обеда, — предупредила, касаясь любимого лица, поправляя упавшую на лоб отросшую челку.

— Я заскочил в магазин и взял булочек и котлет для гамбургеров, так что с голоду не умрем, — снова сладко поцеловал меня.

— Ладно, сегодня можно и такой фаст-фуд, — согласилась, расправляя ворот его рубашки-поло.

— Ага. Так, где наш вредина? Сава!

Сын, забросив игру, помчался к нам с оглушительным криком «Папа!». Лекс мигом подхватил ребенка, обнял меня свободной рукой.

— Ну привет, разбойник. Мама рассказала мне, что утром ты забастовку устроил, отказался есть манную кашу.

— Мама сказала, что это демарш. Не забастовка, — возразил сын, обнимая отца за шею и ярко улыбаясь.

— А потом еще и гулять не захотел идти.

— Так объявили, что дождь будет, я смотрел.

— Ты в курсе, что синоптики ошибаются в восьми случаях из десяти. Вот не слушай их.

— А почему их никто не наказывает? — нахмурился Савелий. — Обманывать плохо.

— Потому что поздно уже, они взрослые, выросли, — серьезным тоном пояснил муж.

— А разве взрослых нельзя наказывать?

— Можно, но это сложно.

— А почему сложно?

Ну все, сейчас как из рога изобилия посыплются эти «почему», «зачем», «а разве». Только у Лекса хватает терпения отвечать на все вопросы без меры любопытного сына.

— Да потому... — принялся объяснять муж, кивнув мне в сторону дома: мол, заболтаем сына и домой отведем под шумок. Одобрив такую смекалку и усмехнувшись, я быстро собрала вещи.

Бессмысленно было бы утверждать, что моя жизнь хороша, как сказка. Нет, она сложна, полна забот и проблем. Мы не роскошествуем, и иногда для покупки чего-нибудь приходится месяцами откладывать деньги. Мало ходим в рестораны, отдых за рубежом — только два раза в год: Турция и короткие туры по Европе. Наша одежда, пусть и красивая, качественная, но из масс-маркета, эксклюзивных вещей, украшений или мебели нет. Наша пища проста, наш дом — дом среднестатистической семьи, наш быт такой же, как у миллионов других.

Все так. Но вот в такие мгновения, как это: когда иду, держа за руку Лекса, с одной стороны, и сына, с другой, — в такие мгновения чувствую: я богата. Вопиюще и неприлично богата. Мне больше ничего не надо, потому что у меня все есть: работа мечты, друзья, приятные хлопоты. И главное — со мной рядом любимые, мои самые драгоценные мужчины. Муж и сын.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net